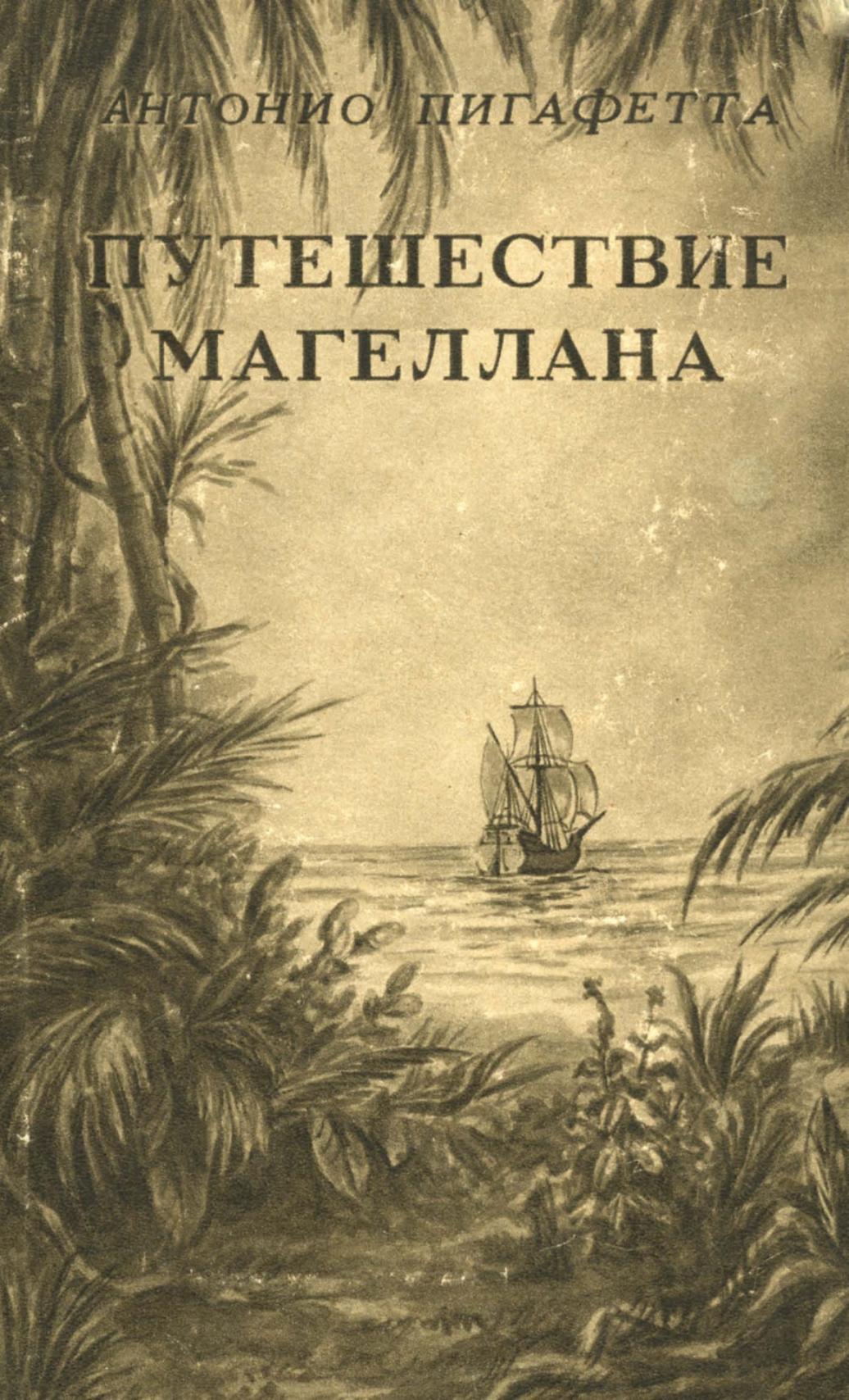

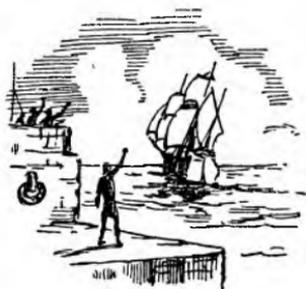
АНТониО ПИГАФЕТТА

ПУТЕШЕСТВИЕ
МАГЕЛЛАНА

Антонио Пишафетта

ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

*Государственное издательство
географической литературы
Москва 1950*

*Перевод с итальянского
и примечания В. С. УЗИНА
Вступительная статья Я. М. СВЕТА*

КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ МАГЕЛЛАНА

Имя Антонио Пигафетты неразрывно связано с историей первого кругосветного плавания. Этот провинциальный дворянин волей случая стал историографом предприятия Магеллана, и его записки по праву считаются одним из наиболее ценных документов эпохи географических открытий.

Сын богатого патриция, уроженец Виченцы — древнего, погруженного в дремотный покой города, чьи судьбы были связаны с судьбой дряхлеющей Венеции, Антонио Пигафетта прямо из покоев старого фамильного palazzo попадает в Барселону, а оттуда в Севилью — порт, из которого десятки испанских кораблей отправлялись в недавно открытые заморские страны. Он становится участником экспедиции Магеллана, пересекает три океана, видит цветущие берега Бразилии и унылые, погруженные в молочный туман, утесы Огненной Земли, попадает на острова Тихого океана, мерзнет в холодных водах Южной Атлантики, изнывает от жары в Индийском океане, терпит невероятные лишения и голод, участвует в ожесточенных схватках с туземцами на берегах неведомых земель и возвращается с горстью моряков, переживших мытарства трехлетнего плавания, совершив первое в истории человечества путешествие вокруг света.

Его записки — не хроника бесстрастного летописца и не дневники вдумчивого ученого-исследователя. Это беглые заметки наивного и любознательного человека, страстного искателя приключений и наживы.

Пигафетта ничем не отличается от своих современников и сверстников — рыцарей первоначального накопления, знатных и худородных, с дворянским гербом или без него, которые кинулись в новооткрытые земли в поисках легкой добычи.

Быть может, многим из них он уступает в знаниях, способностях, энергии и предприимчивости. Вместе с тем ему чужды фарисейские приемы летописания, свойственные многим «заслуженным» историкам. Он не рядит своих спутников в одежды ратоборцев «христианской цивилизации», не извращает факты в угоду предвзятым концепциям. Разумеется, далеко не все, что видит он на своем пути, может он понять и объяснить. О многом он не упоминает, хотя порой с излишней подробностью описывает мелочи, недостойные внимания. С подкупающей непосредственностью ведет он свой немудреный рассказ. Вчитайтесь в его записки — и перед вами раскроется одна из наиболее ярких страниц хроники великих открытий.

В глазах буржуазных историков и географов события бурного века открытий рисуются как эпизоды грандиозной героической эпопеи. В солидных трудах и в исторических романах, в журнальных статьях и школьных хрестоматиях они поют осанну подвигам «Одиссеев нового времени», раздвинувших границы старого мира, приближивших к «благам европейской цивилизации» колоссальные территории Нового и Старого Света. Достаточно, однако, ознакомиться с подлинными записями, которые вели эти прославленные «Одиссеи», чтобы лишний раз убедиться, насколько справедлива была гениальная характеристика всей деятельности рыцарей первоначального накопления, данная Марксом в XXIV главе «Капитала»:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления»¹.

И книга Антонио Пигафетты дает куда более верное представление об этих «идиллических процессах», чем до-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVII, стр. 821.

сужие упражнения американских и западноевропейских фальсификаторов от науки, стремящихся вытравить следы крови и грязи, которыми отмечен каждый шаг пионеров первоначального накопления. Записки Пигафетты рисуют подлинные, не приукрашенные образы этих смелых, жестоких и жадных рыцарей чистогана, позволяют по достоинству оценить их дела и их помыслы, дают возможность уяснить подлинный исторический смысл заморских предприятий XV—XVI столетий.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕДПРИЯТИЯ МАГЕЛЛАНА

В течение XV столетия пиренейские державы — Испания и Португалия — выходят на путь широкой заморской экспансии. В обеих странах особенности их внутреннего развития и географического положения определили необходимость и возможность поисков новых земель и новых морских путей. В социальных битвах XV века и в Португалии, и в Испании феодальная знать потерпела временное поражение в борьбе с королевской властью, опиравшейся на города. И там, и здесь процессы объединения страны шли в условиях реконквисты — непрерывных внешних войн с маврами, которые шаг за шагом вынуждены были уступать земли Пиренейского полуострова, захваченные ими в VIII столетии. В Португалии эти войны закончились в середине XIII века, в Испании — лишь в исходе XV века.

Реконкиста породила рыцарство, паразитический класс, который жил и кормился войной и по мере победоносного ее завершения мало-помалу терял свои экономические позиции.

Когда захвачены были последние мавританские земли на юге полуострова, алчное и неумное в своем стремлении к обретению легкой добычи рыцарство бросилось на поиски новых источников дохода. В них же остро нуждалась и молодая, еще не окрепшая буржуазия, и королевская власть.

Обстановка, сложившаяся в том же XV веке в Передней Азии и в восточной части Средиземноморского бассейна, препятствовала установлению прямых связей между Западной Европой и богатейшими странами Дальнего и Среднего Востока, к которым устремлялись помыслы искателей наживы. Великая монгольская держава распалась, закрылись прямые торговые пути, проложенные в XIII веке по сухо-

путью из Европы в Китай и Среднюю Азию. На Балканском полуострове и в Малой Азии утвердились турки, которые преградили европейским купцам путь, ведущий через главные ворота Востока — Византию (Византия была захвачена турками в 1453 г.). Правда, оставалась еще свободной южная дорога в Индию через Египет и Красное море, но вся транзитная торговля, которая велась через Александрию с Южной Азией, находилась в руках венецианцев.

Найти новые пути к землям Востока — такова была задача, которую настойчиво стремились разрешить в XV веке во всех западноевропейских странах и в первую очередь в Португалии и Испании, расположенных на полуострове, далеко выдвинутом в воды Атлантики.

Португалия первая начинает эти поиски. К 1415 г. относится ее первый захват, совершенный в Африке. А за 83 года, которые отделяют этот захват от экспедиции Васко да Гамы, португальские мореплаватели открыли и освоили новый морской путь из Европы в Индию, в обход африканского материка. Уже в 50-х и 60-х годах XV века они обратили побережье Гвинеи и Сенегала в заповедное поле для ловли рабов. Рабы, пряности, золото, слоновая кость на португальских кораблях (а в непрерывных морских походах португальцы создали новые типы кораблей, приспособленные для дальних плаваний в открытом океане) стали доставляться в портовые города Португалии — Лагуш, Лиссабон, Опорту. Задолго до того как Васко да Гама появился во главе пиратской флотилии у берегов Индии, Португалия обрела богатейшие источники первоначального накопления в Африке.

В последней четверти XV века, когда завершилось объединение Испании, эта страна вступила в соревнование с Португалией. Но португальцы готовы были любой ценой удержать свои приобретения в Африке и исключительные права на плавание открытым ими путем, который проходил вдоль западных берегов этого материка. В 70-х годах XV века Португалия и Кастилия¹ вели между собой войну,

¹ Объединенная в 1479 г. Испания состояла из двух королевств — Кастилии и Арагона. В 1469 г. кастильская инфанта Изабелла вышла замуж за арагонского наследного принца Фердинанда. Спустя пять лет, Изабелла сменила на кастильском престоле своего слабоумного брата Энрике IV, а в 1479 г. на арагонский престол вступил Фердинанд. Личная уния арагонского короля и кастильской королевы, в условиях того времени, явилась фактором, который содействовал окончательному объединению страны.

которая завершилась крайне невыгодным для Кастилии Алькасовасским мирным договором 1479 г. По условиям Алькасовасского договора, санкционированного в 1481 г. папой Сикстом IV, Португалия резервировала за собой монопольные права на торговлю в Атлантическом океане, к югу от принадлежащих Кастилии Канарских островов. В 1487 г. португалец Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды и вышел в Индийский океан. Таким образом, путь в Индию был уже фактически проложен португальскими мореплавателями — побывавший со специальной разведывательной миссией в Абиссинии португалец Ковильян в 1488 г. сообщил португальскому королю Жуану II, что от восточных берегов Африки до Индии остается совсем немного, да при этом воды Индийского океана хорошо известны арабским мореплавателям и не таят в себе каких бы то ни было опасностей. Алькасовасское соглашение лишило испанцев возможности воспользоваться уже более чем на три четверти открытым путем в Индию. Разумеется, испанские мореплаватели менее всего склонны были считаться с пунктами договора. Но морские силы Португалии были настолько внушительны, что, из опасения столкновения с ними, испанцы предпочитали соблюдать условия невыгодного для них соглашения.

Следовательно, испанским кораблям оставалась только одна возможность достичь берегов Индии и Китая — для них открыт был путь на запад через неведомый океан.

Следуя этим путем, Колумб в 1492 г. открыл первые американские земли.

В марте 1493 г. Колумб вернулся в Испанию, а спустя месяц после того, как он дал отчет о своем путешествии Изабелле и Фердинанду, папа Александр VI, выполняя требования испанских монархов, объявил все новооткрытые земли кастильским владением. С апреля по октябрь 1493 г. Александр VI подписал четыре буллы о заморских делах. По требованию Изабеллы и Фердинанда, он не только подтвердил права Испании (Кастилии) на земли, уже открытые Колумбом, но и объявил, что все моря и земли, расположенные к западу от линии, намеченной в Атлантике, в 100 лигах (около 600 км) к западу от островов Зеленого мыса и Азорских островов, отныне должны принадлежать Кастилии.

В 1494 г. по компромиссному кастильско-португальскому договору, подписанному в Тордесильясе, обе державы наме-

тили новый демаркационный рубеж в Атлантическом океане. Эта линия намечена была в 370 лигах к западу от уже упомянутых островов (т. е. приблизительно вдоль 50° з. д.). К востоку от нее была португальская, к западу испанская сфера заморской экспансии.

Вести о плаваниях Колумба, Кабота, Веспуччи, Васко да Гамы вызывают в Европе лихорадку открытий. Слухи о золоте, рабах, пряностях, жемчуге, дорогих и редких породах дерева, о тучных и плодородных землях, о богатых городах Индий Восточных и еще неизведанных возможностях Индий Западных волнуют и возбуждают искателей наживы, которые устремляются за океан в надежде на быстрое и легкое обогащение.

«До какой степени,—говорит Энгельс,—в конце XV столетия деньги подкопали и разъели изнутри феодализм, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой, золота искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹.

Летопись открытий — это прежде всего убийственный обвинительный акт против новой общественной формации, которая зарождалась на костях и на крови истребляемого и порабощаемого населения Америки, Африки и Азии.

За короткий период времени от первого плавания Колумба до путешествия Магеллана почти полностью были истреблены индейцы на Антильских островах — этом опытным полем испанской колонизации Нового Света. Здесь, на Эспаньоле (Гаити), на Кубе, на Ямайке, была выработана жестокая система эксплуатации труда коренного населения, которая по мере завоевания Южной и Центральной Америки распространялась на огромные территории.

А открытия и завоевания шли невиданно быстрым темпом. Темпы эти были настолько стремительны, что уже во втором десятилетии XVI века португальцы и испанцы, продвигаясь в противоположных направлениях, вышли к берегам Тихого океана.

Португальцы, направляясь на восток, в 1505—1510 гг. создали опорные базы в Индии. В 1509 г. португальский

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 442.

флот в битве под Диу разгромил морские силы мощной венецианско-египетской коалиции. Захватив в 1511 г. Малакку и вырезав ее население, португальцы проникли в воды Малайского архипелага и на Молуккские острова — родину пряностей.

Нашему читателю-современнику трудно представить себе, какое значение придавалось европейцами XV века гвоздике, перцу, мускатным орехам. Эти, ныне столь заурядные товары вплоть до появления португальцев в юго-восточной Азии доставлялись в Европу чрезвычайно сложным и долгим путем: арабские купцы скупали пряности у мелких царьков на Молуккских островах, на Целебесе, Тиморе, Яве и перепродавали эти товары в Ормузе или Александрии венецианцам. Затем уже на венецианских кораблях пряности доставлялись в Италию, Францию, Испанию, причем венецианцы, которые сами закупали перец или гвоздику у арабов по цене, втрое превышающей обычные цены на рынках юго-восточной Азии, при продаже получали колоссальные барыши. Ведь монополия торговли пряностями принадлежала им безраздельно.

Весть о проникновении португальцев к самому источнику сказочных богатств — к берегам Молуккских островов, носивших заманчивое название Островов Пряностей, была с горечью воспринята в Венеции и возбудила лихорадочную активность испанских искателей наживы.

Венецианцы после битвы при Диу не могли и мечтать о восстановлении своих былых позиций на Востоке. К тому же в 1514—1516 гг. они получили еще один удар: турки овладели Египтом и накрепко закрыли единственный путь в Индию, которым могли еще пользоваться венецианские купцы.

Венеция от этих ударов не смогла оправиться. В середине XVI столетия она становится второстепенной державой, уступая Испании, Франции и Турции пальму первенства даже в пределах средиземноморского бассейна. Но испанцы менее всего склонны были считать успехи своих соперников окончательными. В 1513 г. испанский авантюрист Васко Нуньес Бальбоа пересекает Панамский перешеек (на восточных берегах которого испанцы основывают первые поселения в 1508 г.) и открывает Южное море — Тихий океан. Известие об этом открытии обнадежило и утешило его соотечественников. Причины этих, быть может, не вполне обоснованных упований и надежд заключались в одном «географическом» заблуждении, в котором пре-

бывали вплоть до завершения магеллановой экспедиции все европейские мореплаватели.

Как известно, Колумб, открывая первые американские земли — Багамские острова, Кубу и Эспаньолу (Гаити), считал, что он уже доплыл до восточных берегов Азии. В 1503 г., излагая в своем письме королю и королеве Испании результаты предпринятого им четвертого плавания, он отметил, что открытые им на восточном берегу Центральной Америки земли лежат в десяти днях пути от Ганга. До Колумба дошли слухи о большом море по ту сторону центрально-американского перешейка. Он сравнивал открытую им землю с Апеннинским и Пиренейским полуостровами, предполагая, что расположенное на западе и все еще неведомое море является заливом, который врежется в азиатский материк. Верагуа (нынешняя Панама) казалась ему выступом этого материка, отделенного от «Большой Земли» сравнительно узким заливом.

Открытие Бальбоа ни в коей степени не могло поколебать эту теорию, хотя в 10-х годах XVI столетия земли, открытые Колумбом и другими мореплавателями в западной части Атлантики, склонны были рассматривать не как часть азиатского материка, а как группу крупных островов, лежащих между Европой и Азией. Но водные пространства к западу от новооткрытых американских земель казались ничтожными по ширине по сравнению с Атлантическим океаном, который всего лишь двадцать лет назад впервые пересекли каравелы Колумба.

Испанские мореплаватели полагали, что Молуккские острова расположены совсем близко от Верагуа. Но достичь Островов Пряностей можно было только в том случае, если бы удалось найти проход, ведущий из Атлантического океана в Южное море.

Испанцы не сомневались, что проход этот скоро будет открыт. А как только это случится, могучие кастильские флотилии, следуя западным и, как представлялось тогда, — самым кратчайшим путем дойдут до Молуккских островов и изгонят оттуда ретивых португальских конкурентов. При этом в Испании искренне считали португальцев, захвативших Молукку, узурпаторами и нарушителями Тордесильясского договора.

В Севилье в Индийском Совете — ведомстве, созданном в 1511 г. для управления всеми новооткрытыми землями, и в Casa de Contractación — Торговой Палате, учрежденной

в 1503 г. для руководства морскими и торговыми предприятиями, старательно изучали карты мира, на которых нанесены были контуры Южного моря и земли, открытые португальцами в Азии.

И чем больше космографы и астрологи трудились над картами, тем охотнее приходили они к мысли, что португальцы «незаконно» присвоили себе право на Молуккские острова. В Тордесильясе в 1494 г. демаркационный рубеж был проведен только через Атлантику,— ведь тогда еще никто не предполагал, что вскоре потребуется провести подобную же разграничительную линию в противоположном полушарии. Но в 1513 или 1515 году испанцам казалось несомненным, что Малакка, Ява и Китай лежат на незначительном расстоянии от земель, открытых Колумбом, а следовательно, Молуккские острова должны лежать в испанской сфере, далеко к востоку от вероятного направления демаркационного рубежа, намечаемого в антиподах.

На самом деле этот рубеж проходит по 134° в. д. и, разделяя на две почти равные части Австралию, пересекает Новую Гвинею, проходит к востоку от Молуккских островов и через остров Сикоку, Амурскую область и Якутию направляется в арктическую зону северного полушария. Но кто же мог до путешествия Магеллана предполагать, что Южное море окажется таким широким!

Следует отметить, что как раз в эти годы в Испании все более и более нарастало чувство разочарования в уже открытых землях. Для всех было очевидно, что Антильские острова, карибские берега Южной Америки и Верагуа с Дарьеном по своим богатствам не могут сравниться с землями Индии, Китая и Сипанго (Японии), за каковые были они приняты Колумбом. Здесь найдено было мало золота, пряностей же, если не считать скверного местного перца (ахи), не удалось обнаружить вовсе. Коренное население на Антильских островах к 1515 г. было почти истреблено, а вся система эксплуатации новооткрытых земель — добыча руд, плантационное хозяйство, разведение скота — основывалась на применении труда закрепощенных или обращенных в рабство индейцев.

Испанские колонии на Эспаньоле, Кубе, Пуэрто-Рико, Ямайке, Дарьене находились в жалком положении. Острова Пряностей грезилась всем кастильским рыцарям наживы, о них и о несметно богатых странах Востока, где, как у себя

дома, распоряжались португальцы, страстно мечтали и севильские купцы, и полунищие кастильские идалго, и незадачливые кубинские плантаторы, и министры короля Фердинанда, казна которого оскудевала с каждым днем.

Пройдет еще несколько лет, и Кортес завоеует Мексику. Минует еще полтора-два десятилетия, и другой завоеватель, проходимец Писарро, покорит богатейшее государство инков. Тогда золотые и серебряные реки потекут в Испанию (менее всего, правда, обогащая эту страну).

Но накануне выхода в плавание экспедиции Магеллана в Испании ничего не знали о богатствах Мексики и Перу. Поэтому в то время, в 10-х годах XVI столетия, и перед организаторами новых заморских предприятий, и перед жадной златолюбивой вольницей, готовой отправиться хоть на край света в поисках добычи, стояла задача, требующая быстрого и эффективного разрешения. Необходимо было во что бы то ни стало найти проход в Южное море и, следуя им, добраться до Островов Пряностей и вытеснить оттуда португальцев.

* *
*

Поиски пролива, через который, следуя западным путем, можно было бы попасть в Индию и Китай, велись упорно и настойчиво со времен Колумба. При этом не только испанцы, но и португальцы, англичане и французы проявляли немалый интерес к этим поискам.

В 1494 г. Колумб, выйдя из Изабеллы, гавани на северном берегу острова Эспаньолы (Гаити), проследовал в западном направлении вдоль южного берега Кубы. Он не дошел, однако, до западной оконечности этого острова и повернул обратно, заставив экипаж под присягой подтвердить, что Куба не остров, а часть материка. Вплоть до своей кончины Колумб был убежден, что Куба — это восточная окраина китайской провинции Манго или Маго.

Как уже указывалось выше, в четвертом и последнем своем плавании Колумб искал на атлантических берегах Центральной Америки проход, который мог бы его привести в море, омывающее Индию.

Англичане и португальцы искали этот проход у берегов Лабрадора. Однако особенно рьяно велись поиски на юге. В 1503 г. флорентинец Америго Веспуччи представил португальскому королю Мануэлю проект экспедиции, кото-

рая должна была пройти в юго-восточную Азию, обогнув Землю св. Креста, т. е. южноамериканский материк, северную часть которого открыл в 1498 г. Колумб, а восточную, выдающуюся далеко на восток оконечность (Бразилию), — португалец Кабрал (в 1500 г.).

Веспуччи полагал, что, подобно Африке, новооткрытая земля суживается к югу и что в ее южной части может быть обнаружен пролив.

Этот проект был разработан Веспуччи вскоре после возвращения из плавания в Южную Атлантику. Веспуччи, плава в 1502 г. под португальским флагом, зашел далеко на юг и открыл суровую и безлюдную землю, расположенную, по его словам, выше 52° ю. ш.

Веспуччи удалось снарядить новую экспедицию, но, дойдя до Бразилии, он с грузом красящего дерева вернулся обратно в Лиссабон, не предпринимая поисков прохода у южноамериканских берегов.

Вскоре Веспуччи перешел (или, точнее говоря, вернулся) на испанскую службу и совместно с выдающимся мореплавателем Висенте Яньес Пинсоном и опытным кормчим Хуаном де Солисом разработал план экспедиции, которая должна была достичь Португальской Индии.

При этом поиски пролива, которым следовало пройти к Индии, компаньоны-предприниматели намерены были вести у берегов Центральной Америки.

В 1508 г. Висенте Яньес Пинсон и Хуан де Солис вышли в путь. Экспедиция эта была, однако, неудачной. Солис, обвиненный в плохом руководстве предприятием, был по возвращении в Испанию посажен в тюрьму.

После того как ему вернули свободу, он предложил свои услуги португальскому королю и некоторое время состоял на португальской службе.

В 1512 г., т. е. именно в тот год, когда в Испании узнали о появлении на Молуккских островах португальцев, президент Индийского Совета, Хуан де Фонсека, предложил Солису возвратиться на испанскую службу и возглавить экспедицию, которая должна была отправиться к Молуккским островам восточным путем, в обход Африки.

Этот план не был приведен в исполнение, так как отправка крупной флотилии португальским морским путем чревата была серьезными осложнениями для Испании.

Солис, назначенный главным кормчим Кастилии, разработал проект поисков юго-западного пути в Азию и в 1516 г.

вышел в плавание к берегам Южной Америки. На 35° ю. ш. он вступил в широкий и глубокий залив, который сперва показался ему проливом, ведущим далеко в глубь материка.

Но, по мере продвижения вперед, Солис замечал, что вода в этом «проливе» становится все более и более пресной. Солис открыл не вождеденный проход в Южное море, а устье могучей реки Параны, по недоразумению названной Ла Платой — Серебряной рекой. На берегах Ла Платы Солис в 1516 г. сложил голову в стычке с индейцами.

* *
*

Незадолго до открытия Солисом Ла Платы португальская экспедиция вела поиски пролива на южноамериканских берегах.

Об этой экспедиции имеется краткое сообщение в анонимной брошюре на немецком языке, вышедшей около 1515 г. и озаглавленной «Копия новых вестей из бразильской земли» («Copia der Newen Zeitung aus Presillg Landt»). В ней один из португальских агентов торгового дома Вельзеров в Аугсбурге сообщал, что 12 октября 1514 г. на остров Мадейру прибыло два португальских корабля под водительством «самого выдающегося кормчего Португалии». Эта экспедиция приблизительно на 40° ю. ш. открыла и обогнула мыс, подобный мысу Доброй Надежды, и за этим мысом был расположен пролив, напоминающий Гибралтарский, который «тянется от одного моря до другого, так что нет ничего легче, как этим путем достичь «Островов Пряностей».

Несомненно, в период 1500—1516 гг. португальцы не раз предпринимали попытки отыскать этот пролив. Но материалы всех заморских экспедиций король Мануэль хранил за семью замками и разглашение их каралось смертной казнью. Даже морские карты выдавались кормчим португальских кораблей с обязательством неременной и немедленной сдачи их в казну по возвращении из плавания. О том, что такие экспедиции снаряжались, имеется косвенное свидетельство Пигафетты. Пигафетта указывает, что Магеллан был твердо убежден в существовании пролива (на юге южноамериканского материка), ибо он видел такой пролив на карте Мартина Бегайма.

Этот Бегайм, немецкий космограф и картограф, долгое время провел в Португалии на государственной службе и

умер в 1507 г. Вполне вероятно, что Бегайм незадолго до смерти мог составить карту, на которую и нанесены были контуры «пролива», бывшего на самом деле каким-нибудь заливом, глубоко вдающимся в аргентинский берег и «открытым» португальскими моряками.

На глобусе Иоганна Шеннера 1520 г. пролив этот показан под 43°. Мы увидим дальше, что мнение о существовании этого пролива разделял Магеллан.

Однако желанные Острова Пряностей оставались для испанцев попрежнему вне пределов досягаемости. Осуществление замысла Веспуччи, Солиса и неизвестных португальских мореплавателей выпало на долю Фернандо Магеллана.

МАГЕЛЛАН И ЕГО ПРОЕКТ

Этот маленький человек, с жесткой бородкой и холодными, колючими глазами, сухой, сдержанный и молчаливый, олицетворяет суровую и бурную эпоху великих заморских предприятий, эпоху, когда в поисках золота и пряностей люди пересекали неведомые моря и, на каждом шагу рискуя жизнью, преодолевая безмерные трудности, покоряли, обрекая на голод и разорение, открываемые ими земли.

Магеллан — типичный представитель плеяды рыцарей чистогана, до дерзости отважных и неразборчивых в средствах. Он один из наиболее энергичных вожаков полупиратских, полупромышленных предприятий и один из наиболее талантливых организаторов, поистине феерических разбойничьих экспедиций, в ходе которых за одно столетие границы издревле известного мира переместились от атлантических берегов Европы и восточных рубежей Передней Азии к островным дугам Малайского архипелага и исполинским горным цепям Анд.

Таким людям и эпохе, в которой они действовали, дает блестящую характеристику Энгельс:

«Мир сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четвертой части полушария теперь весь земной шар лежал перед взором западно-европейцев, которые спешили завладеть остальными семью восьмыми. И вместе со старинными тесными границами родины пали также и тысячелетние рамки предписанного средневекового мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт. Какое значение могли иметь репутация

порядочности и унаследованные от ряда поколений почетные цеховые привилегии для молодого человека, которого манили к себе богатства Индии, золотые и серебряные рудники Мексики и Потози? То было для буржуазии время странствующего рыцарства; она переживала также свою романтику и свои любовные мечтания, но по-буржуазному преследуя в конечном счете буржуазные цели¹.

Колумб возглашал хвалу золоту, он, открывая новые земли, грезил о золотых залежах, жемчуге, корице, флотилиях, груженных рабами и красящим деревом.

Магеллан мечтал о пряностях Молуккских островов, о несметных богатствах Малакки и легендарных городов Китая.

Вся его жизнь была своеобразным подвижничеством. Но он терпел лишения и подвергался смертельным опасностям ради чисто «буржуазной цели», одержимый острым и жгучим желанием обогащения.

Если у шекспировского Лира каждый дюйм был королем, то у Магеллана каждый дюйм был рыцарем наживы. Он начал свою деятельность как рядовой боец воинства первоначального накопления, как матрос и солдат экспедиции Франсишку д'Алмейды, посланной в 1505 г. для утверждения португальского господства в Индии.

25-летний дворянин из португальского захолустья, гористой и бедной области Траз ош Монтиш (что по-португальски значит «за горами»), попадает в Индию. По дороге в эту страну он принимает участие в разграблении африканских городов Килоа и Момбаса. Так, в пиратском набеге, начинается его военная карьера. В Индию Магеллан попадает как раз в то время, когда португальцы, перебросив достаточные вооруженные силы на берег этой страны, приступают к завоеванию в ней опорных пунктов и баз. Он сражается и на море, и на суше, получает тяжелые ранения в морском бою у Каннонора (1506 г.) и, оправившись от ран, отправляется с небольшим португальским отрядом в Софалу, арабское поселение на восточном берегу Африки, которое португальцы превращают в одну из своих укрепленных баз на морском пути Лиссабон — Индия.

Здесь в грязном городке, где на зловонном рынке арабские купцы торгуют черными рабами, перцем и слоновой

¹ Ф. Энгельс — Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 61—62.

костью, где тропические болезни косят непривычных к африканскому климату европейцев, Магеллан тщательно собирает сведения о караванных тропах, ведущих во внутренние области Африки, о золотых россыпях, местоположение которых тщательно скрывают арабы, о силах местных царьков и вождей. Через некоторое время Магеллан возвращается в Индию, в город Кочин, резиденцию вице-короля Индии Алмейды. Он участвует в знаменитой битве под Диу 2—3 февраля 1509 г., отважно сражается с арабами и венецианцами и снова попадает вместе с партией раненых в этом бою португальцев в Кочин.

Весной 1509 г. он отправляется к берегам Малаккского полуострова на флотилии Дьюгу Сикейры, которому король Мануэль поручил собрать сведения о богатых странах, лежащих между Индией и Китаем. Благодаря мужеству Магеллана и его друга Франсишку Серрана, флотилии Сикейры удается избежать гибели в гавани Малакки. В водах Малайского архипелага Магеллан не раз принимает участие в пиратских нападениях на арабские и китайские суда.

В январе 1510 г. Магеллан возвращается в Кочин. За это время осторожного и медлительного д'Алмейду успел сменить на посту вице-короля стремительный в своих действиях Афонсу д'Албукерки, который прибыл в Индию с широкими планами завоевательных походов и дальнейших морских экспедиций.

Осенью 1510 г. Албукерки штурмом берет город Гоа, который отныне становится столицей португальской Индии.

Летом 1511 г. Албукерки захватывает Малакку, город, который португальцы по праву считали ключом к Китаю. Магеллан сражается и под стенами Гоа и в Малакке. Однако никакой награды за свои боевые подвиги он не получает. Албукерки не склонен жаловать угрюмого и смелого в суждениях воина, нередко позволяющего себе открытую и резкую критику мероприятий и планов вице-короля.

В 1511 г. Магеллан участвует в экспедиции Антониу д'Абреу, посланной из Малакки к Молуккским островам.

Флотилия д'Абреу дошла до островов Банда, где в изобилии произрастали мускатные орехи. Скупив огромное количество орехов, д'Абреу поспешил возвратиться назад в Малакку. Только один корабль под командой Франсишку

Серрана отправился дальше, к Молуккским островам. Серран высадился на острове Тернате, родине лучшей в мире гвоздики, и здесь надолго обосновался, сделавшись советником местного султана. С Серраном Магеллан состоял затем в переписке. Мы увидим дальше, что сведения, полученные Магелланом из Тернате, оказались для него далеко не бесполезными.

Между тем на целых два года следы Магеллана теряются. Арагонский историк XVI века Архенсола сообщает, что Магеллан побывал на каких-то островах, расположенных в 600 лигах (т. е. около 3 000—3 500 км) от Малакки. Будучи там, он переписывался с Серраном, который якобы звал его к себе на остров Тернате.

Один из испанских историков XVI столетия, Овьедо, указывает, что Магеллан, отправляясь в свое знаменитое плавание, оставил в Индийском Совете записку, в которой упоминалось о его пребывании в Восточных Индиях и на Островах Пряностей.

Неизвестно, однако, побывал ли он в этих краях сам или собрал о них сведения, находясь в Малакке.

Бесспорно, однако, что в конце 1513 г. Магеллан появляется в Португалии.

Его сбережения погибли: их присвоили себе наследники одного португальского купца, с которым вел торговые дела Магеллан. Его родовое поместье было разорено. Магеллан снова поступает на военную службу и сражается в Марокко. Он становится жертвой интриг своих же собственных соратников и, несмотря на отвагу, проявленную в боях, не только не получает благодарности, но и навлекает на себя немилость командующего португальской армией. Король отказывает ему в пенсии, темные слухи о бесчестных сделках с маврами сопутствуют Магеллану после его возвращения из Марокко.

Вероятно, в 1515—1516 гг., вернувшись в Лиссабон, Магеллан разработал свой проект плавания юго-западным путем к Островам Пряностей.

Этот проект был категорически отвергнут королем Мануэлем, и Магеллан оставил Португалию. 20 октября 1517 г. он прибывает в Севилью с тем, чтобы осуществить свой замысел на службе у испанской короны.

В Севилье Магеллан попадает в колонию португальских эмигрантов. Он знакомится здесь с комендантом севильской крепости (Алькасара), старым португальским воином

Дьогу Барбозой и с его сыном Дуарте, впоследствии одним из участников кругосветного плавания.

На дочери Дьогу Барбозы Магеллан женится в 1518 г. В Севилье он встречает своего старого знакомого португальца астролога Руй Фалеру, одного из лучших картографов того времени, и продолжает совместно с Фалеру разработку своего проекта. Дьогу Барбоза рекомендует Магеллана видному должностному лицу Индийской торговой палаты Хуану де Аранде. Начинаются долгие переговоры об осуществлении проекта Магеллана.

В Испании заморские экспедиции, как правило, организовывались на паевых началах короной и частными лицами. Король, по рекомендации Индийского Совета, заключал договор (асьенто) с предпринимателем, предложившим проект экспедиции. Казна обязывалась оказать материальную поддержку предпринимателю, предоставляла ему права наместника (аделантадо) в новооткрытых территориях и долю в ожидаемых барышах. Однако корона специальными пунктами договора ограничивала юрисдикцию наместника-открывателя и связывала все его действия, поскольку каждое мероприятие лица, стоящего во главе экспедиции, контролировалось особыми чиновниками, назначаемыми Индийским Советом. При этом в большинстве случаев судьба таких открывателей оказывалась плачевной. Воспользовавшись их услугами, корона прибирала к рукам новооткрытые территории, а организаторы заморских предприятий годами обивали пороги Индийского Совета и королевской приемной, тщетно пытаясь восстановить свои права. Коронные казуисты всегда толковали договорные обязательства казны в аспекте, не благоприятном для истца, и нередко случалось, что человек, открывший на испанской службе богатейшие земли, умирал в нищете. Таков был финал деятельности Колумба.

Когда Магеллан начал хлопоты о своем проекте, вести о дальнейших португальских успехах на Востоке и о бедственном положении испанских колоний в Новом Свете как нельзя более благоприятствовали осуществлению его замысла. Но не так-то легко было добиться официального одобрения проекта. В 1516 г. на престол вступил шестнадцатилетний внук короля Фердинанда Карл Габсбург, впоследствии император Священной Римской Империи, вошедший в историю под именем Карла V.

Молодой король прибыл в Испанию из Фландрии, где он провел детские и отроческие годы. Он привез с собой советников-фламандцев, но они не пользовались в Испании популярностью и плохо разбирались в испанских делах. Менее всего они были озабочены проектами заморских экспедиций; все их внимание приковано было к Германии, где близкая кончина престарелого императора Максимилиана сулила тяжкую борьбу за корону.

Между тем проект должен был рассматривать королевский совет, в котором министры-фламандцы оказывались в большинстве.

Аранда после долгих споров с Магелланом и Фалеру, выговоривший себе восьмую долю в грядущих прибылях предприятия, заинтересовал проектом Хуана де Фонсеку, президента Индийского Совета. Это был влиятельный сановник, четверть века ведавший делом организации дальних экспедиций и управления новооткрытыми территориями. Фонсека был верным цепным псом короля Фердинанда и отстаивал интересы короны, абсолютно не считаясь с претензиями открывателей, знания и энергию которых он умел, однако, великолепно использовать. В трагических судьбах Колумба и Бальбоа не последнюю роль сыграл этот облаченный в епископскую сутану канцлер заморского приказа.

Аранда заинтересовал также проектом Магеллана богатого купца и опытного организатора морских экспедиций Кристоваля де Аро, который обещал щедрую материальную помощь.

В марте 1518 г. в Вальядолиде, городе, где за 12 лет до этого умер Христофор Колумб, королевский совет рассмотрел проект Магеллана и Фалеру.

Король и его фламандские советники отнеслись холодно к их предложениям. Однако, по настоянию Фонсеки, совет одобрил проект, и 22 марта король подписал первые указы об организации экспедиции.

Проект Магеллана и Фалеру основывался на двух предпосылках, в истинности которых они были твердо убеждены.

Во-первых, составители проекта считали, что южноамериканский материк уходит на запад, подобно тому как африканская земля у мыса Доброй Надежды уходит на восток, и что, следовательно, где-то за 40° ю. ш. должен быть проход, ведущий из Атлантического океана в Южное море.

Магеллан показал глобус, на котором в том месте, где должен был находиться пролив, расплылось белое пятно. Это пятно он нанес, опасаясь, что португальские шпионы проведуют об истинном местоположении пролива.

Во-вторых, Магеллан и Фалеру полагали, что Молуккские острова расположены сравнительно близко от Южной Америки: на 136° — 138° в. д. (на самом же деле острова эти лежат между 127° и 129° в. д.), в «испанской зоне» земного шара. Подобно всем своим современникам, авторы проекта ошиблись в оценке длины экваториальной окружности земли. Магеллан считал ее равной 37 000 км, т. е. преуменьшал более чем на 3 000 км ее протяженность.

Магеллан был введен в заблуждение Франсишку Серраном, который в своих письмах с острова Тернате указывал, что Молуккские острова лежат на вдвое большем расстоянии от Малакки, чем это было в действительности.

Следует отметить, что весьма опытные испанские и португальские космографы допускали в то время значительно большие ошибки. Как известно, определения долгот в начале XVI столетия были крайне несовершенны. «Погрешности» в 45° встречаются у Колумба, а в 1540 г. при исчислении, по данным лунного затмения, долготы г. Мексико была допущена ошибка в 35° .

Итак, проект был принят, и с Магелланом и Фалеру заключен был 22 марта 1518 г. договор.

Истинная цель экспедиции в этом договоре указана не была, чтобы скрыть намерения испанской короны от Мануэля и его шпионов. Формулировка первого пункта договора была составлена поэтому весьма туманно: «Да отправитесь, вы [Магеллан и Фалеру] в добрый час для открытий в части моря-океана, что находится в пределах наших рубежей и нашей демаркации...».

Более того, несколько ниже, указывалось, что «означенные открытия вы должны делать так, чтобы никоим образом не открывать и не допускать иных дел в пределах рубежей и демаркации светлейшего короля Португалии, моего возлюбленного и дорогого дяди и брата, и не учинять ничего во вред ему и [действовать] лишь в пределах наших рубежей и нашей демаркации».

Магеллану и Фалеру жаловались титулы аделантадо (наместников) и правителей всех «земель и островов», которые будут открыты ими в этом плавании, с правом передачи должности своим сыновьям и законным наследникам.

Им разрешалось получать двадцатую часть всех доходов с новооткрытых земель; а в случае, если будет открыто более шести островов, из числа земель, которые встретятся после открытия первых шести островов, Магеллан и Фалеру имеют право избрать два, с которых впредь позволено им отчислять в свою пользу пятнадцатую долю всех доходов.

Одновременно король по рекомендации Фонсеки назначил в качестве контролера своего родственника Хуана де Картахену, который впоследствии явится организатором мятежа во флотилии Магеллана.

Снаряжение флотилии шло в Севилье, причем агенты португальского короля всячески препятствовали осуществлению замысла Магеллана. Португальский посол при испанском дворе Алвару да Кошта потратил немало усилий, чтобы сорвать подготовку экспедиции. Когда его тайные интриги и открытые протесты оказались безуспешными, португальскому представителю в Севилье, Себастьяну Алваришу, было поручено любым путем помешать отправке экспедиции. Провокации, диверсии, покушения на жизнь Магеллана — все эти приемы пытается использовать Алвариш. В личном своем свидании с Магелланом он рисует перед ним тяготы предстоящего пути: «Я доказывал, — пишет Алвариш Мануэлю, — что лежащий перед ним путь таит не меньше страданий, чем колесо св. Екатерины, и что невпример благодарнее было бы ему возвратиться на родину, под сень вашего благоволения и милостей, на каковые он смело может рассчитывать». Алваришу не удалось ни соблазнить Магеллана «монаршими милостями», ни запугать его. Между прочим, этот клевет короля Мануэля привел Магеллану довод, с которым, казалось бы, нельзя было не считаться. Он намекнул, что вся власть, предоставленная договором и королевскими указами Магеллану, — иллюзорна. Чиновники, назначенные на корабли короной, имеют-де секретные инструкции, «о которых Магеллан узнает, когда это будет уже поздно для спасения чести».

Алваришу не удается помешать выходу флотилии в море. Но кое-чего он все же добился: корабли увозят в своих трюмах гнилую муку, недоброкачественные продукты.

Борьба с португальскими шпионами, диверсантами и шептунами не исчерпывает трудностей, которые приходится переносить Магеллану при снаряжении экспедиции. Торго-

вая Палата закупает для Магеллана старые корабли, о которых тот же Алвариш доносил Мануэлю: «Они очень дряхлы и усеяны заплатами. Я осмотрел их и заверяю Ваше высочество, что не отважился бы плыть на них даже до Канарских островов». Немало хлопот доставило комплектование корабельных экипажей. Рука Алвариша чувствовалась во всем: в Севилье и в других андалузских портах распространялись слухи, крайне неблагоприятные и для экспедиции, и для ее руководителя. Фалеру отказался выйти в плавание в самый трудный момент подготовки флотилии к выходу в море.

Значительную помощь оказал Магеллану Кристоваль де Аро. В августе 1518 г. он взял на себя снаряжение и финансирование экспедиции при условии выделения ему значительной доли доходов предприятия.

Флотилия Магеллана, вышедшая из Сан Лукара де Баррамеды 20 сентября 1519 г., состояла из пяти кораблей — «Тринидад», «Сан Антоньо», «Консепсьон», «Виктория» и «Сантьяго» (подробное описание их дается в примечании 8).

Раздоры в судовых командах начались еще до отправления в плавание и продолжались на всем протяжении его.

Обиженные Магелланом королевские чиновники, капитаны и кормчие, затаившие по тем или иным причинам злобу на командира флотилии, человека железной воли и крутого нрава, искусно пользовались разноплеменностью экипажей.

Надо было обладать волевыми качествами Магеллана, чтобы довести до желанного конца труднейшее в истории мореплавания предприятие с такой разношерстной командой, во главе которой стояли (как это показал мятеж в бухте Сан Хулиан и дезертирство Иштебана Гомижа) люди, которые ради достижения собственных выгод готовы были на любые предательства. Однако не следует думать, что на корабли Магеллана набран был лишь человеческий сброд, отребье портовых кабаков. Простые матросы явили в плавании немало примеров мужества и выносливости. Правда, подобно Магеллану, они стойко переносили тяготы путешествия в надежде, что труды их будут сторицей оплачены приносящими и золотом далеких Молуккских островов...

Пигафетта попал во флотилию накануне ее отправления, и Магеллан взял его крайне неохотно. Он был зачислен

«запасным» и явился в Севилью с рекомендательными письмами, испросив у короля разрешение участвовать в плавании.

КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ МАГЕЛЛАНА

Итак, ценой невероятных усилий Магеллан добился осуществления своего проекта. К берегам Островов Пряностей отправилась экспедиция, в которой на паевых началах участвовали испанская корона, севильские купцы, видные чиновники Торговой Палаты, сам Магеллан и его спутники, покинувшие родину в надежде на огромные барыши.

Об этом предприятии, которое было, в сущности, крупным и в достаточной мере рискованным «бизнесом», записки Пигафетты дают отчетливое представление, хотя автор их, как уже указывалось выше, не может претендовать на роль историографа первого кругосветного плавания¹.

Записки Пигафетты не позволяют шаг за шагом восстановить маршрут экспедиции и намечают лишь в общих чертах, в грубой схеме, последовательность главнейших событий. В книге Пигафетты много пропусков и пробелов. Этот юноша был скорее свидетелем, чем участником знаме-

¹ Крут источников, основываясь на которых можно восстановить историю плавания Магеллана,—невелик. Наиболее ценные документы — дневники самого Магеллана и подробные записки Пигафетты, кратким конспектом которых является его книга, посвященная магистру родосского ордена, бесследно исчезли сразу же после прибытия экспедиции из плавания.

О дневниках Магеллана вообще ничего не известно. Быть может, их уничтожил Эль Кано, опасаясь, что репутация его пострадает, если выяснится правда о событиях в бухте Сан Хулиан. Но сохранились неопровержимые свидетельства современников о том, что Пигафетта передал Карлу V свой дневник, в котором история плавания была изложена значительно более обстоятельно, чем в дошедшем до нас кратком описании путешествия Магеллана. Судьба этого документа неизвестна.

Сохранились следующие документы, писанные рукою участников плавания:

- 1) Крайкое описание кругосветного плавания Пигафетты.
- 2) Шканцевый журнал одного из кормчих экспедиции Франсиско Альбо.
- 3) Записки безымянного генуэзского кормчего.
- 4) Краткий рассказ неизвестного португальского моряка.
- 5) Один из приказов Магеллана, данный им вскоре после подавления мятежа в бухте Сан Хулиан.

Значительную ценность представляют некоторые свидетельства современников и в первую очередь письмо секретаря Карла V Макси-

нательных происшествий, причем многие из них (например, мятеж в бухте Сан Хулиан, раздоры и усобицы на кораблях, столкновения испанцев с туземцами) остались либо вне поля зрения Пигафетты, либо получили в его записках недостаточное освещение.

Отметим также, что у Пигафетты не приводятся данные о курсах флотилии, крайне запутана в его записках вся географическая номенклатура. Пигафетта в «вольном стиле» передает воспринятые наслух местные названия и имена, широко пользуясь при этом различными версиями Марко Поло, Лодовико Вартемы¹, португальских и испанских мореплавателей.

Следует иметь в виду, что Пигафетта плоть от плоти человек своего века и своего класса, наблюдая и описывая неведомые дотоле страны и живущих в них людей, невольно придавал всему наблюдаемому черты хорошо ему знакомого общественного устройства и быта. К тому же он обращал внимание главным образом на внешнюю, подчас даже на парадную, показную, сторону жизни коренного населения заморских стран. Описанию всевозможных церемоний и процессий, деталям придворного этикета туземных царьков он уделяет больше внимания, чем материальной жизни, обычаям и нравам обитателей Южной Америки и островов Южного моря.

Чтобы дать читателю представление о маршруте экспедиции, ее целях и средствах, которыми цели эти достигались, необходимо привести краткую характеристику пути, пройденного кораблями флотилии, и уделить особое внимание методам и приемам «туземной политики» Магеллана.

миллиана Трансильванского епископу Зальцбургскому от 23 октября 1522 г., в котором излагается история кругосветного плавания, а также донесения Антониу де Бриту, командира эскадры, захватившего в плен на Молуккских островах экипаж «Тринидада», португальскому королю. Существенное значение имеют испанские хроники XVI столетия, посвященные истории новооткрытых земель — «История Индий» Лас Касаса, работы Овьедо, Гомары, Эрреры, Архенсола, Акосты. Интересны также труды португальских историков XVI века Барруша, Корреа и Кастаньеды, которые использовали обильный материал секретных архивов португальской короны.

¹ Лодовико Вартема — венецианский искатель приключений, полукупец, полубродяга, в самом начале XVI столетия исколесивший Египет, Аравию, Персию, Индию и юго-восточную Азию. Его «Путеводитель» был в XVI веке одной из популярнейших книг в Европе.

Маршрут экспедиции

Флотилия, покинув 20 сентября 1519 г. Сан Лукар де Баррамеда — аванпорт Севильи в устье Гвадалкивира и пройдя Гибралтарский пролив, взяла курс на Канарские острова. От Канарских островов к берегам Бразилии можно было идти либо непосредственно на юго-запад, либо спуститься вдоль африканского берега к югу до островов Зеленого мыса и далее повернуть на запад. В этом случае корабли могли использовать попутные течения и ветры (северо-восточные пассаты). В «ротейруш» (лоциях) португальских мореплавателей рекомендовался именно такой маршрут. И его придерживались те португальские суда, которые направлялись в Бразилию, и те, что шли в Индию. В последнем случае корабли от островов Зеленого мыса отклонялись далеко на запад и почти у самых берегов Бразилии меняли курс, следуя далее на восток-юго-восток к мысу Доброй Надежды¹. Магеллан, несмотря на возражения Жуана де Картахены, взял от Канарских островов курс на юг и, дойдя до широты северного берега Гвинейского залива, повернул на юго-запад.

29 ноября флотилия достигла бразильского берега (южнее города Пернамбуку). 13 декабря она вступила в бухту Санта Люсия (Рио-де-Жанейро). 26 декабря корабли покинули эту бухту и направились на юг вдоль берега южноамериканского материка.

10 января 1520 г. флотилия вступила в устье Ла Платы; местности на северном ее берегу было присвоено наименование «Монтевиди». Ныне здесь расположена столица Уругвая Монтевидео.

Оставив в Монтевиди три корабля, Магеллан на «Сан Антонио» направился к южному берегу эстуария Ла Платы, а Жуан Серран на «Сантьяго» послал вверх по течению реки. Серран обследовал реку Парану на значительном протяжении и возвратился в Монтевиди в конце января, где застал все четыре корабля готовыми к выходу в плавание.

6 февраля корабли вышли в путь.

13 февраля, после того как «Виктория» наткнулась на подводные камни, Магеллан приказал флотилии держать

¹ Португальцы пользовались этим маршрутом уже в 90-х годах XV века. Кабрал в 1500 г. открыл бразильский берег по пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

мористее. В открытом море, вдали от берега, корабли шли до 22 февраля. Затем, опасаясь пропустить пролив, который, по расчетам Магеллана, должен был находиться близ 40° ю. ш., капитан-генерал флотилии приказал повернуть к северу, подойти к суше и плыть в дальнейшем тем же направлением, не отдаляясь от берега.

24 февраля корабли вошли в залив Сан Матиас, который Магеллан тщательно обследовал, желая знать, имеется ли в этом месте пролив, ведущий в Южное море. Не задерживаясь в водах залива Сан Матиас, Магеллан направился дальше в поисках удобной якорной стоянки, где корабли могли бы укрыться от ярости зимних бурь и пробыть там до наступления весны.

Первая бухта, избранная для этой цели (гавань Великих Трудов), оказалась крайне негостеприимной. Покинув ее, флотилия на 49° 30' ю. ш., т. е. всего лишь в 2½ градусах к северу от входа в искомый пролив, всгупила 31 марта в бухту, названную Магелланом гаванью Сан Хулиан (св. Юлиана).

Здесь 2 апреля разразился мятеж, с большим трудом подавленный Магелланом (см. комментарий 33). В бухте Сан Хулиан флотилия оставалась до 24 августа. В мае погиб посланный под командой Серрана на рекогносцировку самый маленький корабль экспедиции «Сантьяго». Это случилось в устье реки Санта Крус (св. Креста), в 170 км к югу от бухты Сан Хулиан. Потерпевшие кораблекрушение, испытывавшие немало мук и лишений, были спасены. Во время стоянки в бухте Сан Хулиан испанцы вероломно напали на индейцев-патогонцев и нескольких человек взяли в плен.

Выйдя 24 августа из бухты Сан Хулиан, флотилия два дня спустя дошла до устья реки Санта Крус и здесь пробыла до 18 октября.

Отправившись в путь 18 октября, Магеллан 21 октября на 52° ю. ш. за выступом берега, названным мысом Одиннадцати Тысяч Дев, открыл глубокую выемку — восточный вход в пролив. На рекогносцировку направлены были корабли «Сан Антоньо» и «Консепсьон». К исходу четвертого дня оба корабля возвратились, и капитаны их доложили Магеллану, что, следуя водами пролива на много лиг, они везде встретили соленую воду и обнаружили очень сильное течение, увлекающее суда к западу.

1 ноября Магеллан направился на запад. Здесь в проливе дезертировал кормчий Иштебан Гомиж, захвативший

корабль «Сан Антонио», арестовавший и заковавший в цепи капитана этого корабля Альваро де Мескиту. Этот предатель, прибыв в Испанию, возвел тяжелые обвинения на Магеллана. Тесть Магеллана, Дьогу Барбоза, и жена его Беатриж подверглись домашнему аресту. Следственные органы принялись усиленно собирать материал, порочащий Магеллана. Любопытно, что сам Гомиж нисколько не пострадал, когда выяснилась его подлинная роль в событиях Магелланова плавания. Более того, он удостоен был королем Карлом V рыцарского звания «за выдающиеся заслуги, оказанные им флотилии Магеллана». «Подвиги» подобного рода были делом, привычным для рыцарей первоначального накопления!

В конце ноября Магеллан вступил в западную часть пролива. Моряжи, посланные на лодке вперед, дошли до места, за которым открывалось безбрежное море. Этот мыс — западную оконечность острова Санта Инес — на южной стороне пролива Магеллан назвал Желанным (Deseado).

28 ноября флотилия в составе трех кораблей вышла в Тихий океан (название это дано было спутниками Магеллана потому, что во время более чем трехмесячного перехода через океан они ни разу не испытали бурь и штормов. До плавания Магеллана этот океан носил название «Южное море». Впрочем, еще в XVII столетии он так именовался многими мореплавателями).

Испытывая жестокий голод (запасы провианты на кораблях были почти исчерпаны), страдая от цынги (болезнь эта унесла во время перехода через Тихий океан 19 человек), флотилия пересекла этот огромный океан.

Сперва корабли шли на северо-запад, затем на запад-северо-запад. Курс, избранный Магелланом, был не совсем удачным и, разумеется, в этом не вина, а беда руководителя экспедиции. Если бы Магеллан сразу же при выходе из пролива направился на запад-северо-запад, он не миновал бы архипелаг Туамоту — скопление обитаемых, утопающих в зелени островов, на берегах которых можно было пополнить оскудевшие запасы продовольствия и пресной воды. Но на пути, которым шел Магеллан, расстилалась беспредельная водная пустыня и лишь изредка в этой части океана встречались необитаемые островки, бесплодные и негостеприимные.

24 января 1521 г. открыт был такой необитаемый остров, названный именем св. Павла; 4 февраля открыт был еще один остров, получивший название острова Акула (Isola de Tiburones) ¹.

Только 6 марта флотилия дошла до цветущих и густо населенных островов, туземцы которых проявили полнейшее неуважение к священному принципу частной собственности. Эти острова (10—20° ю. ш, 140—150° в. д.) Магеллан назвал Островами Латинских Парусов, так как туземные каное оснащены были треугольными, или латинскими, парусами. Впоследствии островам этим дано было наименование Разбойничьих (Ladrones), а с 1668 г. они именуются Марианскими.

Обитатели Марианских островов жестоко заплатились за свою неосведомленность в нормах испанского уголовного права. Смуглокожие островитяне находились на самой ранней ступени варварства. У них лишь начинал складываться родовой строй, и все достояние этих людей было общим. Поэтому, охотно давая пришельцам все, в чем последние нуждались, они без спроса брали на кораблях диковинные для них вещи, не имея ни малейшего представления о суровых законах, охраняющих частную собственность европейцев.

В результате Магеллан предпринял карательную экспедицию, о чудовищных «деяниях» которой с обычной непосредственностью повествует Пигафетта. Спалив 40—50 хижин и умертвив семерых туземцев, разграбив селение островитян, флотилия 8 марта отправилась дальше и, спустя восемь дней, прибыла к берегам острова Самар, одного из 7 000 островов Филиппинского архипелага (этот архипелаг назван был островами св. Лазаря. Впоследствии ему присвоено было имя Филиппинского в честь Филиппа II. В 1563—1565 гг. испанцы утвердились на Филиппинских островах и удерживали их в своем владении до 1898 г.).

Высадившись на островке Хумуну по соседству с Самаром, испанцы пробыли здесь десять дней. Магеллан и Дуарте Барбоза, который, подобно своему патрону, долгое время прожил в юго-восточной Азии, встретили в лесах Хумуну множество деревьев, подобных тем, которые растут в Индии, на островах Малайского архипелага и в Малакке.

¹ У Пигафетты он назван Злосчастливым островом (Isola Infornate).

Очевидным становилось, что цель экспедиции — Молуккские острова — не за горами.

25 марта флотилия покинула остров Хумуну и, спустя три дня, подошла к другому острову Филиппинского архипелага — Масаву. Здесь раб Магеллана, малаец Энрике, вступив в переговоры с местными жителями, убедился, что они понимают его родной язык. 7 апреля корабли бросили якорь у берегов острова Себу (Субу у Пигафетты), куда провел их властитель Масавы.

Пребывание на этом острове участников экспедиции подробно описано у Пигафетты. Именно здесь Магеллан применил основные принципы «туземной политики» португало-испанских колонизаторов, политики, в тонкостях которой Пигафетта, как мы это увидим дальше, мало разбирался.

«Христианизация» туземного населения в сочетании с прямым насилием и дипломатическими приемами, существо которых сводилось к старой римской формуле — «разделяй и властвуй», — таковы, в сущности, те методы, которыми пользовался Магеллан на Филиппинских островах и испанские «цивилизаторы» на Эспаньоле и в Дарьене.

Пигафетта с умилением описывает сцены массового обращения обитателей Себу в «истинную веру». Но и он отмечает, что на берегах Себу торжественные мессы слушались под грохот корабельных пушек. Убеждая властителя острова принять христианство, Магеллан внушал ему, что сие обращение явится гарантией неприкосновенности имущества туземцев. Пигафетта отмечает, что испанцы сожгли город Булайя на острове Матан, но он забывает упомянуть, что его соратники и единоверцы таким образом карали «упорствующих язычников». Менее всего Пигафетта говорит о «духовных целях» миссионерской деятельности Магеллана. Видимо, он отлично отдает себе отчет в том, что не ради «спасения языческих душ» прибыли на далекие острова вооруженные до зубов «миссионеры». Но Пигафетта либо по неведению, либо по иным причинам умалчивает об истинных целях христианизации. Цели же эти станут понятны, если мы обратимся к другому документу, почти современному запискам Пигафетты, — дневнику первого путешествия Христофора Колумба.

Колумб, обращаясь к королю и королеве, писал: «...я вижу и знаю, что нет никаких верований у этих людей [индейцев] и что они не идолопоклонники, а очень смиренные люди, не ведающие, что такое зло, убийство и кража, без-

оружные и такие боязливые, что любой из наших людей может обратить в бегство сотню индейцев, если он пожелает потешиться над ними. Они легковверны и знают, что в небе есть бог, и твердо уверены, что мы пришли с неба. Они легко усваивают любую молитву, повторяя ее за нами, и совершают крестное знамение. Таким образом ваши высочества должны принять решение и сделать их христианами. Стоит только начать, и я убежден, что в короткое время можно будет завершить обращение в нашу святую веру многих народов, и тогда Испания приобретет великие владения и богатства...» (Курсив мой.— Я. С.).

Эта запись была сделана в 1492 г., на заре эпохи освоения новооткрытых земель, но за три десятилетия практика христианизации обогатилась. В самом начале XVI столетия была разработана целая система «миссионерских» мероприятий, фарисейская природа которых вызывала возмущение прогрессивных мыслителей-гуманистов того времени.

Испанские теологи, которые «по совместительству» нередко занимали крупные посты в ведомстве управления «Индиями», полагали, что акт обращения в христианство автоматически превращает туземцев в рабов католического короля, который отныне становится их господином, вольным по своему усмотрению распоряжаться имуществом и жизнью новообращенных. Разумеется, подобное толкование вряд ли могло вызвать у туземцев чувство энтузиазма. Но с практическими последствиями акта крещения они вынуждены были считаться вне зависимости от своего желания. За попом-миссионером шли солдаты и чиновники, которые располагали целым арсеналом достаточно убедительных и веских доводов, перед которыми смолкали любые протесты...

В 1508 г. была составлена стандартная форма проповеди-ультиматума («рекеримьенто»), после прочтения которой (а читалась она на кастильском языке) индейцам предлагалось либо принять христианство, либо отвергнуть его догматы. Но в последнем случае туземцы от имени св. Петра и его наместника на земле — папы, провозглашались врагами рода человеческого и им объявлялась война. Таким образом индейцам предоставлялись две возможности: или стать «на законном основании» рабами испанцев, или вступить с «миссионерами» в борьбу, исход которой сулил упорствующим поголовное истребление.

Итак, массовая христианизация была своеобразной прелюдией к колониальным захватам.

Христианская проповедь всегда сочеталась с демонстрацией силы белых пришельцев. Этот прием Магеллан умел использовать прекрасно, о чем свидетельствуют записки Пигафетты.

В условиях, когда горсть завоевателей является в густо населенную страну, принцип «разделяй и властвуй» определял обычно политику пришельцев.

Магеллан вскоре после прибытия на Себу убедился, что на близлежащих островах расположены враждующие между собой туземные княжества и что, следовательно, используя эти распри и раздоры, нетрудно будет покорить новооткрытые земли. Однако он стал жертвой своих же собственных хитроумных комбинаций.

27 апреля Магеллан погиб в стычке с туземцами островка Матан. Поход на этот остров, где за несколько дней до того испанцы сожгли селение Булайя, был предпринят Магелланом с тем, чтобы покорить его обитателей, крестить их и обложить данью и чтобы продемонстрировать обитателям Себу и их властителю Хумабоне силу испанского оружия.

Обстоятельства, при которых был совершен этот поход, судя по другим источникам, не вполне точно описываются Пигафеттой.

В примечании 85 к настоящему изданию приводится выдержка из дневника одного из участников экспедиции, которая не оставляет сомнений в том, что Магеллан после первой карательной экспедиции на остров Матан предъявил его жителям требование об уплате дани натурой (рисом, козами и свиньями). Туземцы просили Магеллана умерить его требования, и, когда им было в этом отказано, они заявили, что ничего не дадут испанцам. Тогда Магеллан и предпринял поход на остров, где суждено было ему сложить голову. Несомненно, Хумабона был в курсе этих переговоров и сделал все возможное, чтобы облегчить царьку одной из областей островка Матан — Силапулапи победу над испанцами.

Великий мореплаватель, совершивший переход через два океана, пал в заурядной разбойничьей экспедиции. Таков был трагический конец деятельности Магеллана — человека, чей талант, мужество, энергия призваны были положить дорогу к новым источникам жизни.

1 мая Хумабона захватил в плен и умертвил 20 моряков флотилии. Погибли Дуарте Барбоза, заменивший Магеллана на посту руководителя экспедиции, капитан «Консепсьона» Жуан Серран, главный кормчий, картограф и астролог Сан Мартин. В гибели этих людей в большей степени, чем Хумабона, был повинен оставленный во флотилии в качестве временного ее начальника Жуан Карвалью, который, несмотря на призывы Серрана, не пришел на помощь своим товарищам и отдал приказ немедленно сниматься с якоря.

Вскоре после отплытия из Себу на стоянке у острова Бохол решено было продолжать путешествие только на двух кораблях — «Тринидаде» и «Виктории». «Консепсьон» оставлен был на этой стоянке, — судно давало течь и было признано непригодным для плавания.

От острова Бохол «Тринидад» (под командой Карвалью) и «Виктория» (под командой Гонсало де Эспиносы) отправились на поиски Молуккского архипелага. К этому времени из 265 человек, которые вышли в путь 20 месяцев назад из Сан Лукара де Баррамеды, уцелело только 113. Лишенная единого руководства, флотилия блуждала в неведомых водах, экипажи кораблей испытывали голод и жажду, страдали от тропических болезней, пускались во все тяжкие, чтобы добыть пропитание. Флотилия нападала на беззащитные китайские и малайские джонки и, пробавляясь пиратским промыслом, медленно шла на юго-запад мимо мелких островков, рассеянных между Филиппинами и Борнео.

В конце июня корабли дошли до северо-восточной оконечности острова Борнео. Около месяца моряки пробыли в столице княжества Бруней, богатом восточном городе. Здесь испанцы вступили в преддверье Восточных Индий, в край с высокой и древней культурой.

Мореплаватели отличились наглыми пиратскими предприятиями, которые вызвали возмущение у местного населения. Спасая свою шкуру, Карвалью вышел в море, оставив на берегу в руках у брунейского раджи группу моряков.

Вскоре судовые команды вынесли решение сместить Карвалью. На его место избран был Гонсало де Эспиноса, мужественный и честный человек, в свое время оказавший Магеллану неоценимые услуги при подавлении мятежа в бухте Сан Хулиан. Капитаном «Виктории» стал баск Себа-

Стьян эль Кано, молодой моряк, человек беспринципный, хитрый и жестокий, один из активнейших участников мятежа. Впрочем, вряд ли можно осуждать моряков за этот выбор. Только человек с железной волей и с негибаемым мужеством мог провести дряхлое, потрепанное в долгом плавании суденышко от берегов Малайского архипелага в Севилью через воды Индийского и Атлантического океанов. А на этом пути опасности, подстерегавшие экипаж, удваивались, ибо больше, чем штормов и голода, приходилось опасаться португальцев и, как огня, избегать встречи с их кораблями.

В сентябре кораблям встретилась лодка с двумя гребцами-туземцами, от которых Эспиноса узнал, каким путем следует идти к Молуккским островам.

Направившись к югу, флотилия 8 ноября достигла острова Тидор в Молуккском архипелаге. Желанная цель — Острова Пряностей — была достигнута!

Забыв об испытанных лишениях, не думая о трудностях обратного пути в Испанию, моряки принялись скупать пряности — гвоздику, мускатный орех, корицу, имбирь.

На Тидоре испанцы встретили португальского купца Педру Афонсу ди Лорозу, прожившего в этих краях около 10 лет. Выяснилось, что король Мануэль, опасаясь, что друг Магеллана — Франсишку Серран облегчит испанцам овладение Молуккскими островами, послал эскадру на Тернате и приказал командиру ее увезти Серрана подальше от Островов Пряностей. Серран был доставлен в Малакку, бежал оттуда на Тернате и убедил местного властителя искать покровительства у испанского короля. Португальская эскадра снова появилась у берегов Тернате, но португальцам при попытке их высадиться на берег оказано было сопротивление. Убедившись, что Серрана не удастся захватить в плен, командир эскадры подкупил одну туземную женщину, которая отравила Серрана вскоре после того, как португальские корабли покинули Тернате.

Ди Лороза сообщил, что португальцы намерены захватить корабли экспедиции Магеллана и порекомендовал испанцам как можно скорее отправляться восвояси, так как можно было ожидать, что сильная португальская флотилия вскоре появится в водах Молуккских островов.

Корабли закончили погрузку пряностей и собирались выйти в море, но тут выяснилось, что корпус «Тринидада» дает сильную течь. Решено было, что «Виктория» отправится

в Испанию одна через Индийский и Атлантический океаны, а «Тринидад» после ремонта выйдет в обратный путь, следуя не в Испанию, а к берегам Панамы через Тихий океан.

«Тринидад» 6 апреля 1522 г. покинул Тидор и после шестимесячных скитаний в водах Тихого океана вынужден был возвратиться к Молуккским островам. В этом плавании погибла большая часть экипажа, а два десятка измученных испанских моряков на Молуккских островах были захвачены в плен португальской эскадрой. Страшная участь выпала на долю этих пленников — один за другим умирали они в португальских тюрьмах или на плантациях. Их томили на Молуккских островах, затем на островах Банда. Тех, кто выжил тяготы первого года пленения, отправили в Индию, где Эспиноса и его спутники влачили жалкое существование, зарабатывая себе на жизнь подаяннем, все время пребывая под неусыпным надзором португальских властей. Только в 1527 г. Эспиноса попадает в Испанию с двумя моряками и священником — «последними могиканами» из экипажа «Тринидада», которым удалось выдержать муки долголетнего плена.

Иная судьба ждала «Викторию». 21 декабря 1521 г. «Виктория» отправилась в путь и 26 января 1522 г. прибыла на остров Тимор, где было закуплено небольшое количество сандалового дерева. Пополнив запасы воды и провианта, «Виктория» покинула Тимор, пересекла Индийский океан, выдержала жестокую бурю у мыса Доброй Надежды и 13 июля, совершив тяжелый переход через два океана, подошла к острову Сантьягу, в архипелаге островов Зеленого мыса. От цынги и голода погибла значительная часть моряков. Трудности усугублялись еще и тем, что испанцы вынуждены были держаться как можно дальше от берегов Африки, опасаясь встречи с португальскими кораблями. Капитану «Виктории» надо было обладать огромной выдержкой и несокрушимой волей, чтобы заставить экипаж ценой невероятных мук довести до конца предприятие, начатое Магелланом. Эль Кано решительным образом воспротивился высадке на берегах Мозамбика, где можно было опасаться встречи с португальцами, и провел корабль по маршруту, который гарантировал экспедицию от нежелательных встреч с португальскими судами.

Настоятельная необходимость заставила Эль Кано остановиться на Сантьягу в португальских владениях. Едва

избежав пленения, оставив в руках у португальцев 12 человек из судовой команды, Эль Кано 15 июля отправился дальше. 6 сентября 1522 г. «Виктория» вошла в гавань Сан Лукар де Баррамеда. 18 моряков, истощенные от голода и болезни, опаленные тропическим солнцем, в ветхой, изодранной одежде, сошли на испанский берег.

Первое кругосветное плавание было совершено.

ИТОГИ ПРЕДПРИЯТИЯ МАГЕЛЛАНА

За три года, которые миновали со времени выхода экспедиции Магеллана в плавание, многое изменилось в Испании. Была открыта и завоевана Мексика, и новые источники наживы найдены были, таким образом, в той части мира, где испанцам не надо было опасаться португальской конкуренции.

Существенно изменилась и внешняя политика Испании. Карл V, вступивший на германский престол в 1519 г., руководствовался в своей политике великодержавными имперскими интересами куда в большей степени, чем интересами Испании. Началась серия кровопролитных и изнурительных войн империи с Францией за гегемонию в Европе, и в эти войны была втянута Испания. Знать и рыцарство обогащались в военных предприятиях Карла V; при этом добыча доставалась не за счет ограбления далеких и трудно достижимых земель, а путем разорения соседних стран — Италии и Фландрии, на полях которых шла непрерывная война с французами.

Наконец, знаменательные события произошли и во внутренней жизни Испании. В 1521—1522 гг. было подавлено восстание городских общин (комунерос), и на пепелище городских свобод знать справляла кровавую тризну. Победа над городами возвестила наступление эпохи феодальной реакции и нанесла сокрушительный удар по еще не окрепшему классу буржуазии, который формировался в недрах испанского города.

Поэтому-то сообщение об открытии пролива, ведущего в Южное море, и вести о том, что испанские корабли дошли до Островов Пряностей, не возбудили интереса ни у советников короля, ни у всевозможных искателей наживы.

Правда, по приказу Карла V была в 1525 г. снаряжена экспедиция Лоайсы к Моллукским островам, но она носила скорее характер демонстративной антипортугальской акции,

необходимой для того, чтобы воздействовать на воображение и психику энергичных конкурентов. В 1523 г. начались испано-португальские переговоры о демаркации тихоокеанского полушария, и подобные демонстрации казались Карлу V более действенным аргументом, чем дипломатические ноты и ссылки на изыскания космографов и астрологов.

Лоанса через Магелланов пролив прошел к Молуккским островам, растеряв по пути часть кораблей своей флотилии. Сам он умер при переходе через Тихий океан, а его спутники, добравшись до Молуккских островов, столкнулись здесь с португальцами. После долгой борьбы испанцы (к ним присоединились в 1527 г. моряки с корабля, отправленного на Молукки из Мексики) вынуждены были сложить оружие под натиском своих более удачливых конкурентов.

В 1529 г., когда испанцы еще продолжали борьбу с португальцами на Молукках, Карл V уступил за 350 тыс. дукатов свои более чем сомнительные права на эти острова португальскому королю Жуану III. Императору нужна была звонкая монета для ведения войн с Францией и для подавления грозных крестьянских движений в Германии.

После плавания Лоансы дорога через Магелланов пролив признана была в Испании опасной и далекой. Не было смысла водить корабли в Тихий океан кружным путем, когда имелась реальная возможность совершать плавания к западным берегам Южной Америки и к островам Южного моря из гаваней на тихоокеанских берегах Панамского перешейка и Мексики.

Испанцы и в XVII и в XVIII столетиях предпочитали вести торговлю с Китаем и малайскими странами, доставляя товары из метрополии в Вера Крус или Пуэрто Бельо, а оттуда перебрасывая их по суше в Акапулько и Панаму для погрузки на корабли своего тихоокеанского флота. Таким же путем осуществлялась связь Испании с ее владениями в Южной Америке — Перу, Чили и даже Ла Платой.

Зато англичане и голландцы по достоинству оценили выгоды Магелланова пролива. Они, следуя по пути, предложенному Магелланом, проникали в Тихий океан и к западным берегам Америки и наносили чувствительные удары испанской колониальной империи, подрывая ее монополию торговых сношений с южноамериканскими владениями, разоряя города и поселения испанцев на берегах Чили, Перу и Центральной Америки.

Новая, англо-голландская, плеяда рыцарей первоначального накопления, утверждаясь в далеких морях и землях Азии и Океании, использовала путь, проложенный Магелланом.

К концу XVI столетия в Испании настолько основательно забыты были открытия Магеллана, что распространились даже слухи о том, что пролив, названный его именем, вообще недоступен для мореплавателей. Поэт Эрсилья, долгие годы проживший в Чили, утверждал, что Магелланов пролив засыпан огромным обвалом. Лопе де Вега считал этот пролив непроходимым и отзывался о его берегах, как о самом жутком уголке земного шара.

Таким образом, непосредственные результаты первого кругосветного путешествия были ничтожны, и предприятие Магеллана не получило достойной оценки в той стране, где оно было организовано.

Значение его было, однако, огромно. В результате кругосветного плавания Магеллана — Эль Кано окончательно было доказано, что можно морем обойти вокруг земной шар, развеяны были мифы античной и средневековой географии, стало ясно, что океаны и моря занимают большую часть поверхности нашей планеты (а ведь еще за двадцать лет до плавания Магеллана Колумб пытался уверить своих современников, что библейские легенды, в которых вещается, что $\frac{6}{7}$ поверхности земли заняты сушей, неопровержимы и подтверждаются результатами его собственных открытий), открыт был проход из Атлантики в Тихий океан, найден был южный предел гигантского материка Южной Америки.

Подобно экспедициям Колумба и Васко да Гама, плавание Магеллана было одним из самых значительных предприятий начального этапа великих открытий. Однако еще в течение более чем двух столетий зыбкими и неясными оставались контуры новооткрытых материков, в XVII веке на картах мира оставались огромные белые пятна как в северном, так и в южном полушарии.

В северной половине земного шара неизвестными продолжали оставаться земли северо-западной Америки и водные пространства в северной части Тихого океана. В южном полушарии мореплаватели безуспешно пытались отыскать легендарный южный материк — Terra Australis incognita. XVIII век и первые десятилетия XIX столетия явились в истории великих открытий завершающим этапом.

И именно в это время в летопись замечательных открытий русскими мореходами-исследователями были вписаны памятные страницы.

«Колумбы росские» открывают северо-западную Америку. Начало этим открытиям было положено еще в середине XVII столетия Семеном Дежневым. После экспедиций Беринга и Чирикова на картах мира исчезают колоссальные белые пятна в северном полушарии, определяются очертания берегов Сибири и Аляски, известными становятся моря до той поры неизведанной части океана, который пересекли корабли Магеллана.

А спустя ровно три столетия после плавания Магеллана русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев открыли шестую часть света — Антарктиду.

Отныне на земле не оставалось уже неведомых континентов и океанов.

Я. М. Свет

ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

*Его сиятельству и превосходительству
синьору Филиппу де Вилье Лиль Адану¹,
именитому магистру родосского ордена,
достойнейшему синьору моему,*

*от патриция из Виченцы,
рыцаря ордена родосского
Антонио Пигафетты.*

Сиятельный и превосходительный синьор!

На свете немало любознательных людей, которые не только не удовольствуются тем, что узнают и услышат о великих и удивительных вещах, которые господь бог сподобил меня переживать и претерпеть в долгом и опасном плаваньи, ниже мною описанном, но также пожелают узнать, какими средствами, способами и путями пользовался я, совершая это плавание, и не придадут полной веры его успешному завершению, пока им не будет доподлинно известно, каково было его начало. Ввиду этого да будет ведомо вам, сиятельный синьор, что в бытность мою в Испании в 1519 году от рождества нашего спасителя при дворе светлейшего короля римлян² в составе свигы достопочтенного монсиньора Франческо Кьерикати³, апостолического протонотария и нунция блаженной памяти папы Льва X, возведенного впоследствии в сан епископа Апрутинского и принца Терамского, узнав до того из многих книг, мною прочитанных, а также из рассказов разных особ, беседовав-

ших с вами, мой господин, о великих и удивительных явлениях на Море-Океане, я решил, пользуясь благоволением его кесаревского величества, а также и вышеупомянутого господина моего, испытать сам и повидать все это собственными глазами, дабы в некоторой мере удовлетворить свою любознательность, равно как и для того, чтобы снискать себе некую славу в далеком потомстве. Услыхав, что в городе Севилье снаряжен с этой целью флот в составе пяти кораблей для добычи пряностей на Молуккских островах, под начальством капитан-генерала Фернана ди Магальянша [Магеллана], португальского дворянина, командора ордена св. Якова Меченосца ⁴, многократно пересекавшего в различных направлениях Океан и снискавшего себе этим великую славу, я отправился туда из города Барселоны, где в это время пребывало его величество, везя с собой много благожелательных писем. Я отплыл на корабле в Малагу, а оттуда сушией прибыл в Севилью. Целых три месяца я провел в Севилье в ожидании, пока упомянутый флот готовился к плаванию, и когда, наконец, наступил срок отправления, путешествие началось при чрезвычайно счастливых предзнаменованиях, в чем, превосходительнейший мой господин, вы убедитесь из дальнейшего. А так как в бытность мою в Италии для свидания с его святейшеством папой Климентом ⁵, вы были столь милостивы, благосклонны и благожелательны ко мне при встрече в Монте Розо и заявили мне, что вам доставило бы большое удовольствие, если бы я составил для вас описание всего того, что увижу и претерплю во время моего путешествия, то, хотя у меня представлялось к тому мало удобств, я все же постарался удовлетворить ваше желание, насколько мне это позволяло мое скудоумие. В соответствии с этим в сей маленькой книжке, мною написанной, я преподношу вам описание всех моих бдений, трудностей и странствований и прошу вас, как бы вы ни были заняты непрерывными заботами о родосском ордене, соблаговолить бегло просмотреть ее, чем вы, светлейший мой господин, немало вознаградите меня, вверяющего себя вашей благоклонности.

Решив совершить столь длительное плавание по Океану, на котором повсеместно свирепствуют неистовые ветры и сильные бури, и не желая в то же время, чтобы кто-нибудь из его экипажа знал о его намерениях в этом предприятии, дабы их не могла смутить мысль о свершении столь великого и необыкновенного деяния, которое он готовился осу-

ществовать с помощью господ бога (сопровождаявшие его капитаны испытывали к нему чрезвычайно сильную неприязнь, неизвестно по какой причине, если только не оттого, что он был португальцем, а все они были испанцы), наряду с желанием выполнить клятвенное обещание, данное им императору дону Карлу, королю Испании, он предписал нижеследующие правила и преподал их кормчим и боцманам своих кораблей с той целью, чтобы корабли не отделялись друг от друга во время бурь и в ночную пору. Он должен был все время идти впереди других кораблей в ночное время, они же следовать за ним, причем на его корабле будет гореть большой смоляной факел, называемый «фаролем». Этот фароль будет находиться на корме его корабля и служить для других кораблей знаком, чтобы они следовали за ним. Другой световой сигнал — при помощи фонаря или фитиля, сделанного из камыша и носящего название «веревки из эспарто»⁶, хорошенько вымоченного в воде и затем высушенного на солнце или прокопченного в дыму, — превосходный материал для этой цели. Другие корабли должны давать ответные сигналы таким образом, чтобы он мог всегда знать, двигаются ли все корабли вместе. Если за фаролем будут гореть два световых сигнала, то корабли должны менять направление или поворачивать на другой галс, по той ли причине, что ветер неблагоприятен или не подходит для плавания по взятому курсу, или когда он желал идти медленнее. Когда он давал три световых сигнала, они должны были убирать лисель, каковой представляет собой часть снастей, находящуюся под грот-мачтой и прикрепленную к ней при хорошей погоде, чтобы лучше придерживаться ветра; он убирается затем, чтобы возможно было с большей легкостью опустить грот-мачту тогда, когда внезапный шквал начинает сильно трепать корабль. Когда на корме у него показывались четыре световых сигнала, то это означало, что на кораблях должны немедленно убрать все паруса, а затем он давал световой сигнал, показывая этим, что его корабль остановился. Если показывалось еще больше световых сигналов или стреляли из пушки, то это означало близость земли или мелей. Четыре сигнала зажигались, когда он хотел, чтобы корабли шли на всех парусах в его кильватере, руководствуясь факелом, горящим на корме. Когда нужно было поднять лисель, он зажигал три света. Когда он менял курс, он показывал два света, а чтобы удостовериться в том, что все корабли следуют за ним и

что они идут вместе, он показывал один сигнал, и каждый из кораблей в ответ делал то же самое. По ночам назначались три вахты: первая — с наступлением ночи, вторая, называемая средней, полуночной, — в полночь, а третья — к концу ночи. Экипаж кораблей был разделен на три части: над первой начальствовал капитан или боцман, они сменяли один другого ночью; начальником второй был либо кормчий, либо помощник боцмана, начальником третьей — боцман. Капитан-генерал требовал неуклонного соблюдения правил о сигналах и вахтах всеми кораблями, дабы тем обеспечить наиболее благоприятные условия для плавания.

В понедельник утром, 10 августа, в день св. Лаврентия упомянутого уже года флот, снабженный всем необходимым для морского путешествия⁷ и имея на борту разных людей, числом всего двести тридцать семь⁸, готовился покинуть севильский порт. Дав залп из многих орудий, поставили фок-стаг по ветру и спустились вниз по Бетису, ныне называемому Гвадалкивиром, и миновали Хуан д'Альфаракс, некогда обширное поселение мавров, посреди которого находился мост, пересекавший эту реку и ведущий в Севилью. До нынешнего дня еще сохранились под водой два устоя этого моста, и когда суда проходят в этом месте, приходится прибегать к помощи людей, отлично знающих расположение устоев, дабы суда не ударились о них. Лучше всего проходить эти места во время полноводья, бывающего при приливах. То же самое относится ко многим другим поселениям вдоль этой реки, около которых река недостаточно глубока для прохода судов с грузом, да и самый проход не очень широк. Затем корабли прошли мимо другого поселения, Корья, а также многих других, пока не достигли замка герцога Медина Сидонья, называемого Сан Лукар и являющегося гаванью и выходом в Море-Океан⁹. Он находится в юго-западном направлении к мысу св. Винсента, который лежит на 37° широты и на расстоянии 10 лиг * от этого порта. А от Севильи до этого пункта [Сан Лукара] 17 или 20 лиг по реке. Тут мы пробыли немало дней для окончания работ по снаряжению флота всем необходимым. Ежедневно отправлялись мы на берег служить мессу в селении Баррамедская Богоматерь, неподалеку от Сан Лукара. Перед отплытием капитан-генерал пожелал, чтобы все мы исповеда-

* Лига — испанская мера длины, равная примерно 6 км.

лись. Он распорядился не допустить на эскадру ни одной женщины, ввиду важности предприятия.

Во вторник, 20 сентября того же года, мы оставили Сан Лукар и взяли курс на юго-запад. 26-го того же месяца мы прибыли к острову Большая Канария под названием Тенериф¹⁰, что лежит на 28° широты, и сделали тут остановку, чтобы запастись мясом, водой и дровами. Мы простояли тут три с половиною дня, запасаясь всем вышесказанным. Затем мы пришли в порт Монте Розо¹¹ за смолой и простояли там два дня. Да будет ведомо вашему именитству, что среди Канарских островов есть один, на котором нет ни одного источника воды, но где в полдень с неба сходит облако, которое окутывает растущее на этом острове дерево, после чего из его листьев и ветвей сочится большое количество воды. У подножья этого дерева находится ров, напоминающий своим видом ключ, и в него стекает вся эта вода, и только этой водой и никакой другой утоляют жажду обитающие тут люди, домашние и дикие животные¹².

В понедельник, 3 октября, в полночь, мы плыли на всех парусах на юг и вступили в открытый Океан, пройдя между Зеленым мысом и примыкающими к нему островами, расположенными на 14°30' широты. Таким образом мы шли много дней вдоль берегов Гвинеи или Эфиопии, где находится гора под названием Сьерра Леоне, расположенная на 8° широты, испытывая и противные ветры, и штили, и дожди без ветра, пока не достигли экватора, причем в течение шестидесяти дней непрерывно лил дождь. Вопреки мнению древних¹³, до того, как мы достигли этой линии на 14° широты, мы выдержали много яростных шквалов и течение шло против кормы. Так как не было возможности двигаться вперед, то, во избежание кораблекрушения, паруса убирались, и таким-то образом нас носило то туда, то сюда все время, пока продолжалась буря,— так яростна была она. При дожде ветер стихал. С появлением солнца наступало затишье. Какие-то большие рыбы, называемые акулами, подплывали к кораблям. У них страшные зубы, и как только им попадается человек, они пожирают его. Мы выловили много рыб при помощи железных крюков, но они непригодны для еды; размерами поменьше лучше, но точно так же не годятся для этой цели. Во время этих бурь нам не раз являлось святое тело, т. е. св. Эльм, в пламени¹⁴, а в одну очень темную ночь он показался на грот-мачте, пылая точно ярко горящий факел, где и оставался в продолжение

двух с лишним часов, принося нам отраду, так как все мы проливали слезы. Когда этот благословенный свет погас, столь яркой была его последняя вспышка, что она поразила наше зрение, и все мы больше чем одну восьмую часа не могли видеть ничего и молили, чтобы сжалились над нами. Но как раз тогда, когда мы считали себя на краю гибели, море внезапно успокоилось. Я видел много разнообразных родов птиц, в том числе таких, которые вовсе не имеют гузки; были и другие, у которых самка, собираясь класть яйца, делает это на спине самца и там же высидывает их. У этой птицы нет ног, и она постоянно живет на море. Видел я и такую птицу, которая питается пометом других птиц и, кроме этой, никакой иной пищи не принимает. Я часто наблюдал, как эта птица, называемая «кагасела»¹⁵, летала вслед за другой до тех пор, пока последняя не выпускала помета, который первая немедленно же подхватывала, после чего оставляла преследуемую в покое. Я видел летающих рыб и много других рыб, собравшихся вместе, так что они напоминали собою целый остров.

Миновав экватор и направляясь на юг, мы потеряли из виду Полярную звезду, затем, идя по курсу юго-юго-запад, пришли в страну, именуемую страной Верзин¹⁶, расположенную на 20°30' широты в направлении к южному полюсу. Эта страна тянется на пространстве от мыса Св. Августина, лежащего на 8° той же широты. Там мы сделали обильный запас кур, пататов, множества сладких ананасов — воистину самый вкусный плод, который только можно найти на земле, мяса «анта»¹⁷, напоминающего по вкусу говядину, сахарного тростника и бесчисленного множества другого продовольствия, которого не перечисляю, дабы не быть докучным. Здесь нам давали за один рыболовный крючок пять или шесть кур, за гребенку — пару гусей, за зеркало или пару ножниц — столько рыбы, сколько хватило бы на прокормление десятка людей, за погремушку или кожаный шнурок — целую корзину пататов. Пататы вкусом напоминают каштаны, величиной они с репу. За короля в игральных картах давали мне шесть кур, и при этом считали, что надули меня.

В этот порт мы вступили в день св. Люсии, солнце стояло в зените, и как в этот, так и в последующие дни, в которые солнце все время оставалось в зените, мы страдали от жары гораздо сильнее, чем когда находились на экваторе¹⁸.

Страна Верзин и размерами своими и богатствами больше, чем Испания, Франция и Италия вместе взятые, она принадлежит королю Португалии. Здешний народ — не христиане и ничему не поклоняются. Они живут сообразно с велениями природы и достигают возраста 125—140 лет. Как мужчины, так и женщины ходят нагие. Они живут в продолговатых домах, называемых «бойи», и спят в хлопчатобумажных сетках «амаке», привязываемых внутри этих домов концами к толстым брусьям. Под этими сетками на полу разложен очаг. В каждом из «бойи» помещается по сотне мужчин с женами и детьми¹⁹, отчего стоит большой шум. У них есть лодки, «каное», выдолбленные из одного громадного дерева при помощи каменных топоров. Так как у местных жителей нет железа, то они пользуются камнем так же, как мы пользуемся железом. В подобного рода лодке помещается от 30 до 40 человек. Гребут веслами, напоминающими ухваты; черные, нагие, стриженные догола, они походят во время гребли на гребцов на стиковом болоте. Мужчины и женщины такого же сложения, как и мы. Они едят мясо своих врагов, и не потому, чтобы оно было вкусное, а таков уж установившийся обычай. Обычай этот, общий для всех, возник благодаря одной старой женщине, у которой единственный сын был убит врагами. По прошествии нескольких дней друзья старой женщины взяли в плен одного из тех, что убили ее сына, и привели его в то место, где она находилась. Увидав его и вспомнив сына, она накинулась на него, как разъяренная сука, и укусила его в плечо. Вскоре пленнику удалось бежать к своим соплеменникам, которым он рассказал, что его пытались съесть, и при этом показал знаки укуса на своем плече. После этого, как только они брали в плен кого-нибудь из врагов, они съедали его, и точно так же поступали с ними их враги. Вот каким образом возник подобный обычай. Они не съедают труп целиком, но каждый отрезывает по кусочку и уносит его домой, где и коптит его. Затем каждую неделю он отрезает небольшой прокопченный кусочек и съедает его вместе с другой пищей, чтобы помнить о своих врагах. Все это рассказал мне кормчий Жуан Каваджо²⁰, ехавший с нами и проживший в этой стране четыре года.

Туземцы разрисовывают тело и лицо удивительным способом при помощи огня на всевозможные лады; то же делают и женщины. Мужчины обриты догола, бород у них нет: волосы они выщипывают. Одеты они в платье из перьев

попугая, у пояса же они носят круг из самых больших перьев,— вид прямо-таки уморительный. Почти у всех, за исключением женщин и детей, в нижней губе проткнуты три отверстия, с которых свисают круглые камушки длиною около пальца. Цвет кожи у них не черный, а желтоватый. Срамные части ничем не прикрыты, все тело лишено волос, и тем не менее и мужчины и женщины ходят всегда нагие. Своего повелителя они называют «каси́ком».

Тут водится бесчисленное множество попугаев; нам давали в обмен на одно зеркало восемь штук. Водятся и маленькие обезьянки, похожие на львов, но желтого цвета и очень красивые²¹. Туземцы пекут круглый белый хлеб из мякоти, находящейся между древесиной и корою и напоминающей собою заквашенное молоко²²; он не очень хорош на вкус. Тут водится свинья с пупком на спине²³, а также большие птицы без языка, но с клювами наподобие ложек²⁴.

За один топор или большой нож мужчины отдавали нам в рабыни одну или двух своих дочерей, но жен своих они отказывались давать в обмен на что бы то ни было. Да и сами жены ни за что на свете не позволяют себе вести себя постыдно по отношению к мужьям и, как нам передавали, они дают согласие своим мужьям только ночью, а не днем. Женщины обрабатывают поля, они носят свою пищу с гор в корзинах или коробах прямо на голове или прикрепленными к голове. Но их постоянно сопровождают мужья, вооруженные при этом луком, сделанным из бразильского дерева или черной пальмы, и пучком бамбуковых стрел, так как они очень ревнивы. Женщины носят детей в хлопчатобумажной сетке, подвешенной к шее. Я упускаю другие подробности, дабы не быть докучным.

На берегу была дважды отслужена месса, в продолжение которой туземцы стояли на коленях с таким покаянным видом и поднятыми горé сложенными руками, что видеть их такими доставляло истинную радость.

Они соорудили для нас дом, полагая, что мы намерены оставаться здесь дольше, а перед нашим отплытием нарубили для нас большое количество бразильского дерева.

Около двух месяцев тут не было дождей, но как раз в тот день, когда мы вошли в этот порт, пошел дождь, вследствие чего они твердили, что мы явились с неба и принесли с собой дождь. Этот народ можно легко обратить в веру Иисуса Христа.

На первых порах они думали, что маленькие лодки не что иное, как дети кораблей, и что роды происходят тогда, когда их спускают с кораблей на воду, тогда же, когда они привязаны вдоль кораблей, как это обычно и бывает, им казалось, что корабли кормят их грудью.

В этой стране мы пробыли тринадцать дней, затем, продолжая наш путь, мы достигли $34\frac{1}{3}^{\circ}$ широты в направлении южного полюса, где встретили на берегу пресноводной реки людей, называемых каннибалами, употребляющих в пищу человеческое мясо. Один из них, гигантского роста, приблизился к флагманскому судну, ободряя своих сотоварищей. Голос его походил на рев быка. В то время, когда он находился на борту корабля, остальные занимались тем, что уносили свои пожитки подальше от места, где жили, из боязни перед нами. Видя это, мы высадили на берег сотню наших людей с целью найти языков и поговорить с ними или захватить одного из них силой. Они немедленно обратились в бегство и делали такие большие шаги, что мы не могли догнать их, хотя старались также быстро бежать.

На этой реке расположено семь островов, и на самом большом находятся драгоценные камни. Это место носит название мыса св. Марин. Одно время полагали, что отсюда можно выйти в Южное, то-есть Полуденное море, но ничего дальше не было когда-либо открыто. Теперь это название присвоено не мысу, а реке с устьем шириною 17 лиг²⁵. Испанский капитан Хуан де Солис²⁶ некогда отправился с шестьюдесятью моряками для открытия стран, подобно нам, и был съеден на этой реке каннибалами, которым он слишком доверился.

Продолжая путь по направлению к южному полюсу вдоль побережья этой страны, мы бросили якоря у двух островов, изобилующих гусями и морскими волками²⁷. Поистине трудно было определить число этих гусей: их было так много, что за один час мы нагрузили ими все пять кораблей. Гуси эти черного цвета, и все тело и крылья покрыты перьями одинаковой формы. Они не летают и питаются рыбой. Они такие жирные, что вовсе не было необходимости ощипывать перья,— мы попросту сдирали с них кожу. Клюв их похож на вороний. Морские волки разной масти, они таких же размеров, как корова, с коровьей головой, маленькими круглыми ушами и большими зубами. У них нет лап, а только подошвы с маленькими когтями у самого туловища, похожие на наши руки, а между паль-

цами у них перепонка, как у гусей. Умей они бегать, они были бы весьма свирепы. Они плавают и питаются рыбой.

В этом месте корабли перенесли очень сильную бурю, во время которой неоднократно являлись нам три святых тела, а именно: св. Эльма, св. Николая и св. Клары, вскоре после чего буря прекратилась.

Оставив это место, мы достигли наконец 49°30' широты в направлении южного полюса. Так как наступила зима, то суда остановились в одном безопасном для зимней стоянки порту²⁸. Тут мы провели два месяца, не видя ни одного человека. Однажды мы вдруг увидели на берегу голого человека гигантского роста, он плясал, пел и посыпал голову пылью. Капитан-генерал велел одному из наших сойти на берег и проделать то же самое в знак миролюбивых намерений. Таким способом ему удалось завести его на островок и представить его капитан-генералу. Когда гигант увидел нас и капитана, он чрезвычайно удивился и начал делать знаки поднятием пальца вверх, как бы заявляя, что мы явились с неба. Он был такого роста, что наши головы достигали только до его пояса, и очень хорошо сложен. Его широкое лицо было все расцвечено красной краской, около глаз — желтой, на щеках нарисованы были два сердца. Скудные волосы его были раскрашены белой краской. Одет он был в шкуры одного животного, искусно сшитые вместе. У этого животного голова и уши такой же величины, как у мула, шея и туловище — как у верблюда, ноги — как у оленя, а хвост — как у лошади, подобно которой он также и ржал. В этой стране живет очень много подобных существ²⁹. Обут дикарь был в кожу от ног того же животного, шкурой которого было покрыто его тело³⁰. В руке у него был короткий тяжелый лук с тетивой, немного толще струны лютни, сделанной из кишок того же животного, и пучок не очень длинных бамбуковых стрел, оперенных, как и наши, и снабженных острыми наконечниками из белого и черного кремня вместо железных, наподобие турецких стрел. Острия эти обрабатываются при посредстве другого камня. Капитан-генерал велел накормить и напоить великана. Между прочими предметами ему показали большое стальное зеркало. Когда он увидел в зеркале свое лицо, он был страшно испуган и шарахнулся назад, опрокинув при этом на землю четырех наших. Затем ему дали несколько погремушек, зеркало, гребенку и несколько молитвенников. Капитан-генерал отправил его на берег в сопро-

вождении четырех вооруженных. Когда один из сотоварищей великана, не побывавший на наших кораблях, увидел его и спутников, он кинулся к тому месту, где находились остальные. Все они, выстроившись в ряд, нагие, начали подходить к нашим людям. При приближении к ним наших людей они пустились в пляс и начали петь, поднимая палец к небу. Они показали нашим белый порошок, изготовляемый ими из корней одной травы и сохраняемый в глиняных горшках; этот порошок служит им пищей, ничего другого у них нет. Наши знаками пригласили их на корабли, обещая помочь им перенести туда все их пожитки. Но мужчины взяли только свои луки, в то время как их жены, словно мулы, нагрузили на себя все остальное. Женщины не такого высокого роста, как мужчины, зато гораздо более тучные. Их вид нас крайне поразил. Груды у них длиною в полтора локтя, они раскрашены и одеты так же, как и мужчины, но спереди кусок меха прикрывает их срамные части. Они вели за собой четырех детенышей упоминавшихся уже животных, связанных ремнями наподобие поводьев. Охотясь на этих животных, они привязывают детенышей к терновому кусту. Взрослые животные приходят поиграть с детенышами, и туземцы убивают их стрелами из своих укрытий.

Наши люди привели к кораблям восемнадцать туземцев, мужчин и женщин, и расставили их по обеим сторонам бухты, чтобы они изловили нескольких животных.

Спустя шесть дней, наши люди, занятые рубкой дров, заметили другого великана, раскрашенного и одетого точно таким же образом. В руке у него были лук и стрелы. Когда наши приблизились к нему, он прежде всего коснулся руками головы, лица и туловища, и то же самое проделали и наши, и затем поднял руки к небу. Извещенный об этом, капитан-генерал приказал привезти его на маленькой лодке. Его привезли на островок в бухте, где нами был выстроен дом под кузницу и кладовую для хранения некоторых предметов с кораблей. Великан этот был даже выше ростом и еще лучше сложен, чем остальные, и столь же смиренный и добродушный, как и они. Он плясал, подскакивая, и при каждом прыжке ноги его вдавливались в песок на целую пядь. Он прожил у нас много дней, так что мы его окрестили и дали имя Хуан. Он повторял за нами слова: «Иисус», «Отче наш», «Ave Maria» и «Хуан» столь же отчетливо, как и мы, но необыкновенно громким голосом. Капитан-генерал дал ему рубаху, шерстяную куртку, суконные штаны,

шапку, зеркало, гребенку, погремушки и всякой всячины и отослал его так же, как и его сотоварищей, домой. Он покинул нас счастливый и веселый. На следующий день он привел к капитан-генералу одно из упомянутых больших животных, взамен чего ему дано было много вещей с тем, чтоб он привел животных побольше, но с той поры мы его не видели больше. Мы решили, что сотоварищи убили его за то, что он общался с нами.

Спустя две недели, мы увидели четырех таких же безоружных великанов: они скрыли свое оружие в кустах, о чем нам стало известно от двух взятых нами в плен. Каждый из них был раскрашен по-разному. Двоих из них помолже и лучше сложенных капитан-генерал захватил при помощи очень хитрой уловки для того, чтобы повезти их в Испанию. Если бы он употребил для этой цели другие средства, то они легко могли бы убить кого-нибудь из нас. Уловка же, к которой он прибегнул для того, чтобы их захватить, состояла в следующем. Он дал им много ножей, ножниц, погремушек и стеклянных бус; всем этим заняты были обе руки великанов. Капитан при этом держал две пары ножных кандалов и делал такие движения, как если бы хотел передать их великанам, которым эти вещи пришлись по вкусу, так как они были из железа, но они не знали их назначения. Им очень не хотелось отказываться от этого подарка, но им некуда было положить остальные подарки, да они еще должны были придерживать руками меха, в которые были укутаны. Другие два великана собирались было помочь им, но капитан им не разрешил этого. Видя, что они не склонны отказываться от кандалов, капитан знаками показал им, что может прикрепить их к их ногам, и таким образом они могут их унести с собой. Они кивнули головами в знак согласия, и в ту же минуту капитан наложил кандалы на обоих одновременно. Когда наши приступили к запору замков на кандалах, великаны заподозрили что-то недоброе, но капитан успокоил их, и они продолжали стоять неподвижно. Однако, увидев, что обмануты, они рассвирепели, как быки, громко крича: «Сетевос»³¹ и призывая его на помощь. С трудом связали мы руки остальным двум и отправили их с девятью нашими на берег с тем, чтобы они указали место, где спряталась жена одного из захваченных нами великанов, так как этот последний выражал сильное горе по поводу того, что она осталась одна, судя по знакам, которые он делал и по которым мы поняли, что речь идет

именно о ней. Пока они находились в пути, один из великанов высвободил свои руки и пустился бежать с такой быстротой, что наши вскоре потеряли его из виду. Он прибежал на то место, где остались его сотоварищи, но не нашел там одного из них, который остался с женщинами и отправился на охоту. Он немедленно отправился в поиски за ними и рассказал ему обо всем случившемся. Другой великан делал такие усилия освободиться от уз, что наши вынуждены были ударить его, слегка ранив при этом в голову, и заставили повести их, несмотря на его ярость, туда, где находились женщины. Кормчий и предводитель нашего отряда Жуан Каваджо порешил не уводить женщин ночью, а заночевать на берегу, так как уже вечерело. В это время появились два других великана. Увидев своего сотоварища раненым, они заколебались было, но ничего не сказали. Однако на рассвете они сообщили об этом женщинам, и все они бросились тотчас же бежать, покинув все свои пожитки, причем те, что были ростом поменьше, бежали быстрее других. Двое из них обернулись и выстрелили в наших из луков. Один уводил с собою животных, предназначенных для охоты, как описано было выше. В этом бою один из наших был поражен стрелой в бедро и вскоре умер. Увидев это, великаны побежали еще быстрее. Наши были вооружены мушкетами и самострелами, но не могли ранить ни одного из великанов, так как во время сражения великаны не стояли на одном месте, а кидались в разные стороны. Наши похоронили убитого товарища и сожгли все имущество великанов, оставленное ими. Действительно, эти великаны бегают быстрее, чем лошади, и весьма сильно ревнуют своих жен.

Когда у туземцев болит желудок, они, вместо того, чтобы очистить его, засовывают в глотку стрелу на глубину двух и более пядей и изрыгают смешанную с кровью массу зеленого цвета, так как они употребляют в пищу какой-то вид чертополоха. Если у них болит голова, они делают порез на лбу; порезы делают они также на руках, ногах и на других частях тела, чтобы выпустить побольше крови. Один из тех, которых мы захватили и содержали на нашем корабле, объяснил нам, что кровь отказывается оставаться дольше (там, где чувствуется боль), отчего и причиняет им страдание.

Волосы у них острижены, как у монахов, в виде тонзуры, но они длиннее³². Голова охвачена хлопчатобумажным шнур-

ком, к которому они, отправляясь на охоту, прикрепляют стрелы. Когда кто-нибудь из них умирает, появляются десять или двенадцать раскрашенных с головы до ног демонов и затевают веселую пляску вокруг трупа. Один из них, утверждаят они, выше всех остальных, он и кричит и веселится громче всех. Они и окрашивают себя на тот же лад, что и появляющиеся им демоны. Самого большого демона они называют именем Сетевоса, а других Келуле. Великан знаками дал нам знать, что он сам видел демонов с двумя рогами на голове и длинными волосами, висящими до пят; они изрыгают пламя изо рта и зада. Капитан-генерал назвал этот народ патагонцами. Одеты они в шкуру упомянутого уже животного, и других жилищ, кроме как из шкур того же животного, у них нет; в этих домах они кочуют с места на место подобно цыганам. Питаются они сырым мясом и сладким корнем, называемым ими «капа». Каждый из захваченных нами великанов съедал по корзине сухарей и залпом выпивал полведра воды. Они едят также крыс вместе с кожей.

В этой бухте, названной нами бухтой св. Юлиана [Сан Хулиан], мы пробыли около пяти месяцев. Тут имело место немало происшествий. Дабы ваша светлость знал некоторые из них, расскажу, что как только мы вошли в бухту, капитаны остальных кораблей замыслили измену с целью убийства капитан-генерала. Заговорщиками были: смотритель флота Хуан де Картахена, казначей Луис де Мендоса, счетовод Антоньо де Кока и Гаспар де Касада. Заговор был раскрыт, и смотритель был четвертован, а казначей умер от ударов кинжала. Спустя несколько дней после этого Гаспар де Касада вместе с одним священнослужителем был изгнан в Патагонию. Капитан-генерал не захотел убить его, так как сам император дон Карл назначил его капитаном³³. Корабль «Сантьяго» потерпел крушение во время экспедиции, предпринятой для исследования побережья страны. Экипажу удалось спастись каким-то чудом, никто даже не промок. Двое из них, испытав множество трудностей, явились к нам и рассказали о случившемся. Тогда капитан-генерал послал несколько человек с запасом сухарей на два месяца. Они нуждались в пище, так как каждый день собирали обломки корабля. Дорога туда была далекая, 24 лиги, или 100 миль, весьма неровная и заросшая колючим кустарником. Наши моряки провели четыре дня в дороге, отдыхая по ночам в кустах. Воды найти

нельзя было, и они утоляли жажду льдом, что усугубляло их трудности ³⁴.

В этой бухте [Сан Хулиан] мы находили моллюсков, названных нами «миссيليони». Они несъедобны, но внутри их находятся жемчужины, правда небольшие. Мы встречали тут также ладан, страусов, лисиц, воробьев и кроликов помельче наших. Мы тут водрузили крест на самой высокой вершине в знак того, что страна эта принадлежит королю Испании, и назвали эту вершину Монте Кристо.

Покинув это место, мы нашли на 51 градусе без одной трети в направлении южного полюса пресноводную реку. Наши корабли тут чуть не погибли из-за яростных ветров, но бог и святые тела вызволили нас из беды. Мы простояли на этой реке около двух месяцев для обеспечения кораблей водой, дровами и рыбой, длиною в один и более локоть, покрытой чешуей. Она очень хороша на вкус, но ее было немного. Перед тем, как покинуть реку, капитан-генерал и все мы исповедались и причастились, как подобает истинным христианам ³⁵.

Подойдя к 52° той же широты, мы открыли в день Одиннадцати тысяч дев пролив, мыс на котором был назван мысом Одиннадцати тысяч дев в память столь великого чуда. В длину этот пролив простирается на 10 лиг, или 40 миль, а в ширину — на пол-лиги, в одном месте он уже, в другом шире. Он ведет к другому морю, получившему название Тихого моря, и окружен со всех сторон очень высокими горами, покрытыми снегом. Мы не могли нащупать дно и вынуждены были ошвартоваться у берега, на расстоянии 25—30 морских брасов. Без капитан-генерала нам бы ни за что не обнаружить этот пролив, так как нам говорили, что он закрыт со всех сторон. Но капитан-генерал, который знал, куда следует направиться, чтобы найти скрытый от глаз пролив, так как он видел его на карте в сокровищнице короля Португалии, нарисованной таким превосходным мужем, как Мартин Бегайм ³⁶, отрядил два корабля, «Сан Антонио» и «Консепсьон», для исследования того, что именно находится внутри бухты Байя ³⁷. Мы же на других кораблях, флагманском «Тринидад» и «Виктория», оставались внутри бухты, ожидая их возвращения. В эту ночь на нас налетела буря, продолжавшаяся до полудня следующего дня. Она вынудила нас поднять якоря, и нас кидало в бухте из стороны в сторону. Те же два корабля не в состоянии были из-за встречного ветра обогнуть мыс ³⁸, образуемый бухтой

почти у выхода из нее, и с минуты на минуту ожидали гибели. Но как раз тогда, когда они подошли к краю бухты, ожидая неминуемой гибели, они заметили какой-то проход, который оказался не проходом даже, а резким поворотом³⁹. В отчаянии они устремились туда, и так вот, случайно, они и открыли пролив. Убедившись в том, что это — не резкий поворот, а пролив, граничащий с сушей, они проследовали дальше и обнаружили бухту⁴⁰. Направляясь еще дальше, они открыли еще один пролив и еще одну бухту⁴¹, еще более широкие, чем предыдущие. С радостным чувством поспешили они известить об этом капитан-генерала. Мы же решили, что они потерпели крушение, во-первых, из-за жестокого шторма, а, во-вторых, потому, что прошло уже два дня, а они еще не вернулись, а также потому, что были замечены дымовые сигналы, сделанные двумя посланными с наших кораблей на берег, чтобы подать нам весть. В таком состоянии мы и увидели эти два корабля, подходившие к нам на всех парусах с развевающимися по ветру флагами. Подойдя к нам ближе в таком виде, они тут же стали стрелять из орудий и шумно приветствовали нас. Тогда все мы возблагодарили бога и деву Марию и направились на дальнейшие поиски.

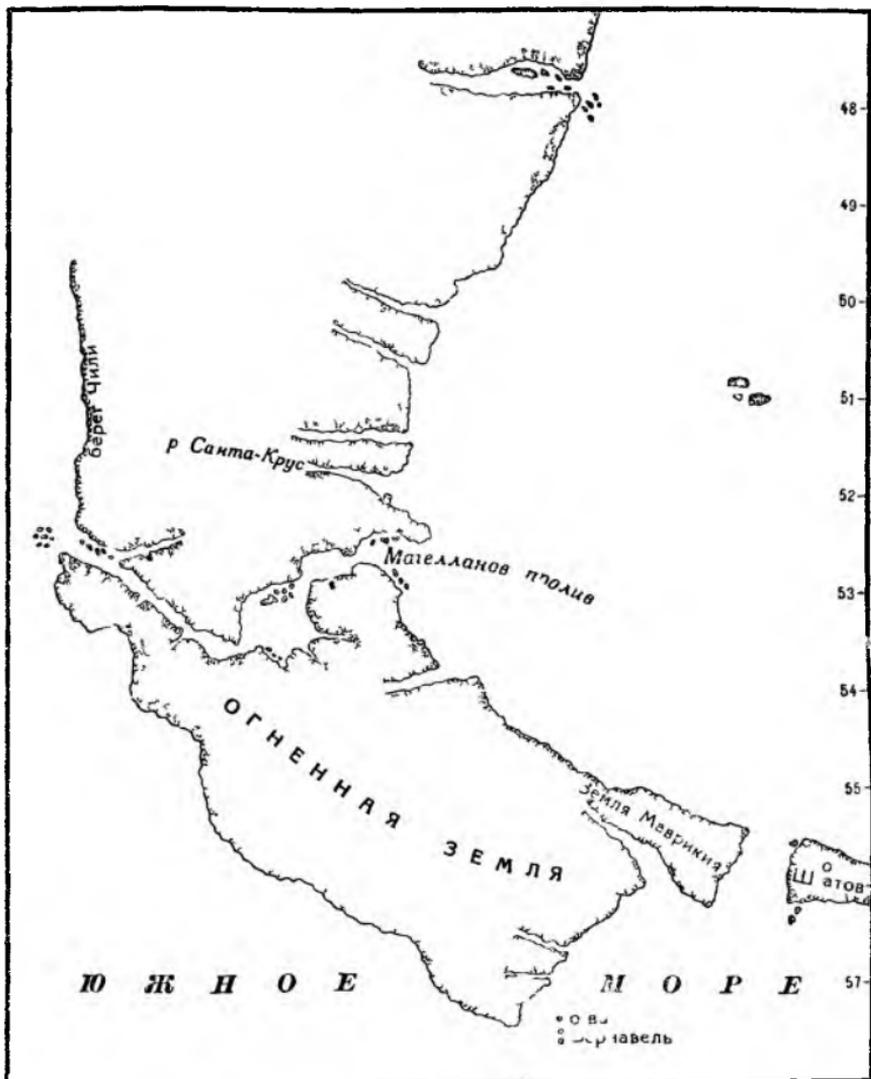
Вступив в этот пролив, мы нашли два выхода из него — один на юго-восток, другой — на юго-запад⁴². Капитан-генерал отправил корабль «Сан Антонио» вместе с кораблем «Консепсьон» удостовериться, имеется ли выход на юго-востоке в Тихое море. Корабль «Сан Антонио» отказался ждать «Консепсьон», намереваясь бежать и вернуться в Испанию, каковое намерение он и осуществил. Кормчим этого корабля был Стефан Гомес⁴³, который ненавидел капитана пуще всего оттого, что когда эскадра была уже снаряжена, император повелел дать ему несколько каравел для совершения открытий, но его величество так и не предоставил их ему вследствие появления капитан-генерала. По этой-то причине он и замыслил заговор с некоторыми испанцами, и на следующий день они захватили капитана своего корабля, двоюродного брата капитан-генерала, Альваро де Мескита, ранили его и заключили в оковы и в таком виде отвезли в Испанию.

На этом корабле находился один из великанов, которого мы захватили, но он умер, как только наступила жаркая погода. «Консепсьон» не мог следовать за этим кораблем и стал крейсировать в ожидании его отправления. «Сан

Антоньо» вернулся ночью и в ту же ночь бежал тем же проливом.

Мы отправились в поиски другого выхода к юго-западу. Направляясь все время по этому проливу, мы подошли к реке «Сардин», названной так потому, что там было очень много сардин⁴⁴. Мы пробыли здесь четыре дня в ожидании прихода двух остальных кораблей. За это время мы отрядили хорошо снаряженную лодку для исследования мыса другого моря. Посланные вернулись через три дня с известием, что они видели мыс и открытое море. Капитан-генерал прослезился от радости и назвал этот мыс Желанным⁴⁵, так как мы долгое время его желали. Затем мы возвратились, чтобы соединиться с двумя другими кораблями, но нашли только «Консепсьон». На наш вопрос, где же второй корабль, Жуан Серран⁴⁶, капитан и кормчий первого, так же, как и корабля, потерпевшего крушение, ответил, что он не знает и что после вступления в проход он более его не видел. Мы произвели розыски на всем протяжении пролива вплоть до самого выхода, через который он бежал, а капитан-генерал отправил корабль «Виктория» обратно к входу в пролив, чтобы удостовериться, там ли этот корабль. Было дано распоряжение, в случае ненахождения корабля, водрузить на вершине невысокого холма флаг и зарыть под ним письмо в глиняном горшке с таким расчетом, чтобы, когда станет виден флаг и найдено будет письмо, корабль мог узнать курс, по которому мы направились. Таков был согласованный между нами способ на случай, если бы отдельные корабли сбились с пути. С такого рода письмами были водружены два флага: один на небольшом возвышении в первой бухте, другой — на островке в третьей бухте⁴⁷, где находилось множество морских волков и больших птиц. Капитан-генерал поджидал этот корабль вместе с другим своим кораблем у островка Ислео⁴⁸ и поставил крест на островке у реки, протекающей между высокими горами, покрытыми снегом, и впадающей в море вблизи реки Сардин. Не открой мы этого пролива, капитан-генерал непременно дошел бы до 75° широты в направлении к южному полюсу.

На этой широте в летнее время ночи нет, а если ночь и бывает, то короткая; столь же короток и день в зимнее время. Чтобы ваше сиятельство мог этому поверить, скажу, что, когда мы находились в этом проливе, ночь продолжалась не более трех часов, а были мы там в октябре месяце.

Пролив Магеллана. Карта XVI века.

По левую сторону от пролива земля тянулась в юго-восточном направлении и представляла собою низменность.

Пролив этот мы назвали Патагонским проливом. Через каждые пол-лиги мы находили надсжнейшие гавани, воду, превосходные деревья, но не кедр, рыбу, сардины и миссиолиони, сельдерей⁴⁹, сладкую траву (хотя там имеются и более горькие виды), растущую около источников. Мы питались этой травой много дней подряд за неимением другой пищи.

Думаю, что нет на свете пролива более прекрасного и удобного, чем этот.

На этом Море-Океане можно быть свидетелем очень забавной охоты. Охотником является рыба трех родов. Она достигает в длину более одной пяди и носит название: до-радо, альбикор и бонито. Эта рыба преследует летающую рыбу, «колондрино», длиною более одной пяди и очень приятную на вкус. Когда упомянутая рыба трех родов замечает летающую рыбу, последняя тут же выскакивает из воды и летит на расстояние выстрела из самострела, пока крылья у нее еще влажные. Пока она летит, другие рыбы мчатся вслед за нею под водой, следуя за ее тенью. Как только колондрино падает в воду, они немедленно схватывают ее и пожирают. Забавно и ловко так, что приятно смотреть.

Когда туземцы намерены развести огонь, они трут один заостренный кусок дерева о другой, пока огонь не охватит сердцевины одного какого-то дерева, помещаемой ими между двумя этими кусочками.

В среду, 28 ноября 1520 г., мы выбрались из этого пролива и погрузились в просторы Тихого моря. В продолжение трех месяцев и двадцати дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой⁵⁰. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать.

Однако хуже всех этих бед была вот такая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны распухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли⁵¹. От этой болезни умерло девятнадцать человек, в том числе и великан, а также индеец из страны Верзин. Из числа тридцати человек экипажа переболело двадцать пять, кто ногами, кто руками, кто испытывал боль в других местах, здоровых оставалось очень мало. Я, благодарение господу, не испытал никакого недуга.

За эти три месяца и двадцать дней мы прошли четыре тысячи лиг, не останавливаясь, по этому Тихому морю. Поистине оно было весьма мирным, ибо за все это время мы не выдержали ни одной бури. Кроме двух пустынных островков, на которых мы нашли одних только птиц да деревья и потому назвали их Несчастливыми Островами, мы никакой земли не видали. Они лежат на расстоянии двухсот лиг один от другого. Мы не находили места, куда бы бросить якоря, и видели около них множество акул. Первый островок лежит под 15° южной широты, а другой под 9° ⁵². Согласно измерениям, которые мы производили по бревну от корабельного носа до кормы, мы делали ежедневно 50, 60 или 70 лиг. Если бы господь бог и присноблаженная мать его не послали нам хорошей погоды, мы все погибли бы от голода в этом необычайно обширном море. Я глубоко уверен, что путешествие, подобное этому, вряд ли может быть предпринято когда-либо в будущем.

Если бы после оставления пролива мы двигались беспрерывно в западном направлении, мы объехали бы весь мир, но не открыли бы ничего, кроме мыса Одиннадцати Тысяч Дев⁵³. Это — мыс в этом проливе у Тихого моря в прямом направлении на юго-запад, как и мыс Желанный в Тихом море. Оба эти мыса лежат точно на 52° в направлении к южному полюсу.

Южный полюс не такой звездный, как северный. Здесь видны скопления большого числа небольших звезд, напоминающие тучи пыли. Между ними расстояние небольшое, и они несколько тусклые. Среди них находятся две крупные, но не очень яркие звезды,двигающиеся очень медленно. Это — две звезды южного полюса. Наша магнитная стрелка, хотя и отклонялась то в одну, то в другую сторону, все же направлялась все время к северному полюсу, но тут сила этого движения не такая, как в своем полушарии. По этой-

то причине, когда мы находились на этих просторах и капитан-генерал запрашивал кормчих, идут ли они вперед по курсу, отмеченному нами на картах, и они в ответ ему заявляли: «Точно по вашему курсу, здесь начертанному», он указывал им, что они шли по неправильному курсу, в чем он был прав, и что надлежит выправить магнитную стрелку, ибо у нее нехватает силы в этом полушарии. Когда мы находились посреди этих открытых просторов, мы наблюдали пять необычайно ярко сверкающих звезд, расположенных крестом в прямом направлении на запад и одна против другой⁵⁴.

Эти дни мы шли между западом и северо-западом, пока не достигли экватора на расстоянии 122° от демаркационной линии. Линия же демаркации лежит на 30° от начального меридиана, а этот меридиан лежит на 3° к юго-западу от Зеленого мыса.

Идя в этом направлении, мы прошли на коротком расстоянии от двух изобилующих большими богатствами островов, расположенных — один под 20° широты южного полюса под названием Сипангу, и другой — под 15° — под названием Сумбдит-Прадит⁵⁵.

Миновав экватор, мы направились на запад-северо-запад, между западом и севером, после чего шли 200 лиг на запад, переменяя курс на юго-запад, и достигли 13° широты северного полюса с целью быть ближе к мысу Гатикара. Этот мыс — да простят мне космографы, которыми он не был замечен, — вовсе не находится там, где представляют себе его местоположение, а севернее на 12° или около этого.

Пройдя около 70 лиг по этому курсу, мы нашли под 12° широты и 146° долготы в среду, 6 марта, небольшой остров в северо-западном направлении⁵⁶ и два других — в юго-западном, из которых один более возвышенный и больше двух остальных. Капитан-генерал намеревался было сделать стоянку около большого острова, чтобы запастись свежей водой, но он не мог выполнить своего намерения потому, что жители этого острова забирались на корабли и крали там все, что было под руками, мы же не могли защититься от них. Наши решили было уже спустить паруса и высадиться на берег, но туземцы весьма ловко похитили у нас небольшую лодку, прикрепленную к корме флагманского судна. Тогда капитан-генерал в гневе высадился на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40—50 хижин вместе с большим числом лодок, и убил

семерых туземцев. Он забрал свою лодку, и мы тотчас же пустились в путь, следуя по тому же направлению. Перед тем, как мы высадились на берег, некоторые из больных нашего экипажа попросили нас принести им внутренности мужчины или женщины в том случае, если мы кого-нибудь убьем, дабы они могли немедленно излечиться от своей болезни.

Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками наших самострелов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал конец дротика во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и таким образом умирал. Так же поступали и раненные в грудь, что вызывало у нас сильное чувство жалости. Когда мы уезжали, туземцы провожали нас на расстоянии свыше одной лиги более чем на сотне лодок. Приближаясь к кораблям, они показывали нам рыбу, точно хотели дать ее нам, и тут же забрасывали нас камнями. И хотя мы шли на всех парусах, они с большой ловкостью скользили в своих лодчонках между кораблями и небольшими шлюпками, привязанными к корме. Вместе с ними на лодках находились и женщины, которые кричали и рвали на себе волосы, вероятно, оплакивая убитых нами.

Каждый из этих туземцев живет согласно своей воле, так как у них нет властелина. Ходят они нагие, некоторые носят бороду и черные волосы, спускающиеся до пояса. Они носят, подобно албанцам, небольшие шляпы из пальмовых листьев. Они такого же роста, как и мы, и хорошо сложены. Они ничему не поклоняются. Цвет их кожи смуглый, хотя рождаются они белыми. Зубы их окрашены в красный и черный цвета, они считают это признаком самой большой красоты. Женщины ходят голые, только срамная часть у них прикрыта узкой полоской тонкой, как бумага, коры, растущей между древесиной и корою пальмы. Они милостивы и изящно сложены, цвет кожи у них светлее, чем у мужчин. Черные волосы их распущены и падают до земли. Женщины не занимаются полевыми работами, а проводят время дома за плетением циновок, корзин и изготовлением других хозяйственных предметов из пальмовых листьев. Пищу их составляют кокосовые орехи, пататы, фиги величиной в одну пядь [бананы], сахарный тростник и летающие рыбы, помимо другого съестного. Они мажут тело и волосы кокосовым и кунжутным маслом. Дома их построены из дерева, крышей служат жерди, на которых лежат листья

фигового [бананового] дерева длиною в две пяди; имеются полы и окна. Комнаты и постели убраны очень красивыми пальмовыми циновками. Спят они на пальмовых тюфяках, очень мягких и нежных. Иного вида вооружения, кроме копья с насаженной на его конце рыбьей костью, у них не имеется. Они бедны, но весьма ловки и особенно воровать, вследствие чего эти три острова названы были Островами воров (Разбойничьими). Они бороздят море на своих лодчонках, что служит развлечением как мужчин, так и женщин. Они напоминают собой физолеры⁵⁷, но они уже, некоторые окрашены в белый или красный цвет. Напротив паруса лежит заостренное в конце бревно; к нему накрест прикреплены жерди, опускающиеся в воду, чтобы уравновесить лодку. Парус изготавливается из сшитых вместе пальмовых листьев и напоминает собой латинский парус. Рулем служит лопасть, похожая на лопатку булочника, с куском дерева на конце. Корма служит также и носом; в общем они напоминают дельфинов, которые перескакивают с волны на волну. «Воры», судя по знакам, которые они делали, были в полной уверенности, что, кроме них, на свете иных людей нет.

В субботу, 16 марта 1521 г., поутру, мы подошли к вышеуказанной местности, на расстоянии 300 лиг от Разбойничьих островов,— то был остров Самаль [Самар]. На следующий день капитан-генерал решил для большей безопасности высадиться на другом необитаемом острове, расположенном справа от вышеупомянутого, и там запастись водой и отдохнуть немного. Он велел раскинуть на берегу два шатра для больных и зарезать для них свинью.

В понедельник, 18 марта, под вечер, мы заметили приближающуюся к нам лодку с девятью туземцами. Капитан-генерал приказал всем не делать ни малейшего движения и не вымолвить ни одного слова без его позволения. Когда они подошли к берегу, их начальник тотчас направился к капитан-генералу со знаками радости по поводу нашего прибытия. С нами остались пятеро наиболее пышно разукрашенных, другие вернулись к лодке позвать оставшихся в ней и занятых рыбной ловлей, после чего собрались все. Видя, что эти люди благорассудительные, капитан-генерал распорядился дать им поесть и роздал им красные головные уборы, зеркала, гребенки, погремушки, безделушки из слоновой кости, демикотон и другие вещи. Довольные обхождением капитана, они предложили рыбу, кувшин

пальмового вина, называемого у них «урака» [аррак], фиги длиною более пяди [бананы], а также фиги меньшего размера и более сладкие, и два кокосовых ореха. У них с собой больше ничего, кроме этого, не было, но знаками, при помощи рук, они показали, что привезут нам «умай» или рис, кокосовые орехи и множество других предметов пищи в ближайшие четыре дня.

Кокосовые орехи — это плоды пальмового дерева. Подобно тому, как мы удовлетворяем свою нужду в хлебе, вине, масле и молоке, туземцы извлекают все необходимое для питания из этого дерева. Поступают же они для получения из пальмы вина следующим образом. Они просверливают в стволе на вершине пальмы отверстие до самой древесины, и из этого отверстия начинает сочиться жидкость, похожая на белый муст. Жидкость эта сладкая, но несколько терпкая на вкус. Ее собирают в бамбуковые стебли толщиной в ногу и даже больше. Привязанные к пальме стебли бамбука они оставляют до утра, а привязанные с утра — до самого вечера.

Плод пальмы, кокосовый орех, величиною с голову или около этого. Его внешняя скорлупа зеленого цвета и толще двух пальцев. Внутри скорлупы находятся волокна, из которых они изготовляют веревки для связывания лодок. Под этой скорлупой находится твердая кожура, более толстая, чем у ореха; они ее сжигают и получают таким образом порошок для различного употребления. Под этой кожурой находится белая мякоть толщиной с палец, которую они едят в сыром виде, как мы едим хлеб с мясом и рыбой. По вкусу она напоминает миндаль. Ее можно высушить и превратить в муку. Внутри этой мякоти находится весьма укрепляющая сладкая жидкость. Стоит ей постоять некоторое время на воздухе, как она застывает и становится похожей на яблоко. Для получения масла они дают перебродить мякоти вместе с жидкостью, затем кипятят и получают масло вроде сливочного. Для получения уксуса они дают перебродить одной только жидкости, выставляют ее на солнце и получают уксус, похожий на наш из белого вина. Из этой жидкости можно также раздобыть молоко; мы получили его немного. Так, мы наскоблили мякоть и смешали ее с ее же жидкостью, процеженной через полотно, и получили таким образом молоко вроде козьего. Эти пальмы похожи на финиковые, но хотя ствол их не гладкий, он все же не такой сучковатый, как ствол финиковой пальмы. Семья из десяти

человек может прокормиться при двух пальмах, используя одну из них одну неделю, а другую — другую неделю, — в противном случае пальмы высохнут. Пальмы эти живут целое столетие.

Туземцы свыклись с нами. Они рассказывали нам обо многом, о том, как их зовут, а также названия некоторых островов, которые мы могли видеть из нашей стоянки. Остров, на котором они жили, носит название Сулуан⁵⁸. Он не очень больших размеров. Встречи с ними доставляли нам большое удовольствие, так как они были очень приветливы и общительны. Дабы оказать им еще больше внимания, капитан-генерал привел их на свой корабль и показал им все свои товары: гвоздику, корицу, перец, имбирь, мускатный орех, матию, золото и многое другое. Он велел выстрелить из нескольких орудий, отчего они были сильно испуганы и пытались даже спрыгнуть с корабля. Они знаками дали нам понять, что все эти предметы как раз и находятся там, откуда они сами. Прощаясь с нами, они расстались очень вежливо и приветливо и заявили, что скоро вернуться.

Остров, где мы находились, носит название Хумуну, но так как мы нашли на нем два источника прозрачайшей воды, мы дали ему название «Водоема с хорошими признаками»: мы действительно обнаружили тут первые признаки золота, имеющегося в этой стране⁵⁹. Мы нашли тут также множество белых кораллов и огромные деревья, плоды которых не намного меньше миндаля и напоминают семена сосны. Тут растет много пальм различных пород, одни похуже, другие получше. В этом краю много островов, почему мы и назвали его архипелагом Святого Лазаря, так как мы их открыли в субботу, в день св. Лазаря. Он лежит на 10° широты к северному полюсу и 161° долготы от демаркационной линии⁶⁰.

В пятницу, 22 марта, в полдень туземцы, согласно обещанию, приехали к нам на двух лодках, груженных кокосовыми орехами, сладкими апельсинами, кувшином пальмового вина и петухом⁶¹, чтобы показать, что на острове водятся птицы. При виде нас они выражали большое удовольствие. Мы закупили у них все привезенные ими предметы. Их властителем был разрисованный [татуированный] старик. В ушах у него были две золотые серьги, у его спутников было много золотых браслетов на руках и платки на головах.

Мы простояли тут неделю, и за это время наш капитан ежедневно высаживался на берег, навещая больных и давая им из своих рук напитков из кокосового ореха, что весьма подкрепляло их.

В этом краю поблизости от этого острова мы встретили людей, в ушах которых были проделаны такие широкие отверстия, что сквозь них можно было просунуть руку. Это — кафры, то-есть язычники. Они ходят голые, только срамная часть покрыта плетеньем из древесной коры; их начальники одеты в хлопчатобумажную ткань, вышитую по концам шелком при помощи иглы. Они — темного цвета, тучны и разрисованы. Они мажут тело кокосовым и кунжутным маслом для защиты от солнца и ветра. У них очень черные волосы, опускающиеся до пояса. У них в употреблении кинжалы, ножи и копья, украшенные золотом, широкие щиты, гарпуны, дротики и рыболовные сети, похожие на наш невод. Их лодки напоминают наши.

В понедельник на страстной неделе, в день нашей владычицы, 25 марта, под вечер, когда мы собирались уже поднимать якорь, я подошел к борту, намереваясь половить рыбу, и, не успев поставить ногу на рею, ведущую в кладовую, поскользнулся, так как рея была мокрая от дождя, и упал в море, а меж тем поблизости не было никого. Я уже погрузился в воду, но тут моя левая рука нащупала веревку от грот-мачты, которая болталась в воде. Я крепко ухватился за нее и стал так громко кричать, что ко мне поспешили на шлюпке и спасли меня. Разумеется, не мои заслуги были причиной моего спасения, а только благодать этого источника милосердия (богородицы).

В тот же день мы направились на юго-юго-запад между четырьмя небольшими островами, именно: Сенало, Хьюнган, Ибуссон и Абарьен⁶².

В четверг, 28 марта, утром мы отшвартовались у острова, на котором накануне ночью заметили огонь. К флагманскому кораблю приблизилась лодка, которую туземцы называют «бóлото», с восемью людьми на ней. С ними заговорил раб капитан-генерала⁶³, уроженец Саматры [Суматры], носившей ранее название Трапробана. Они его поняли сразу, но остановились поодаль от корабля, отказываясь подняться на борт. Видя, что они нам не доверяют, капитан приказал сбросить им красную шапку и другие вещи, привязанные к куску дерева. Они очень охотно приняли эти вещи и тотчас уехали. чтобы известить своего

властителя. Часа два спустя мы увидели две «баланги». Так называются у них большие лодки. На них было множество людей, а на самой большой находился их властитель, который сидел под навесом из циновок. Раб повел с ним разговор, как только тот приблизился к флагманскому кораблю. Он понял речь раба, так как в этих краях властители знают больше наречий, чем все другие [его подданные]. Некоторым из своих спутников он приказал подняться на корабль, сам же он оставался в своей баланге на некотором расстоянии от корабля, ожидая возвращения своих людей. Как только они вернулись, он уехал. Капитан-генерал оказал большое внимание туземцам, взошедшим на корабль, и одарил их некоторыми вещами, за которые властитель их пожелал перед отъездом дать капитану большой слиток золота и корзину имбиря. Капитан, однако, отказался их принять, сердечно поблагодарив властителя. Под вечер мы подошли на кораблях ближе к берегу и остановились недалеко от поселения властителя.

На следующий день, в страстную пятницу, капитан-генерал отправил своего раба, служившего нам толмачом, на берег в небольшой шлюпке, поручив ему спросить властителя, может ли он прислать на корабли съестные припасы; он велел передать, что тот будет полностью вознагражден нами, так как он и его люди явились в эту страну как друзья, а не как враги. После этого властитель приехал с шестью или восемью своими людьми и взошел на корабль. Он обнял капитан-генерала и дал ему три фарфоровых кувшина с невареным рисом, закрытые листьями, две большие рыбы (дорадо) и другие предметы. Капитан-генерал, в свою очередь, преподнес ему платье из красной и желтой материи турецкого фасона и красивый красный головной убор, а его свите — одним ножи, другим зеркала. Затем он велел подать им завтрак, а толмачу-рабу приказал передать властителю, что хочет быть ему «каси-каси»⁶⁴, то-есть братом, на что властитель ответил, что он точно так же желает находиться в братских отношениях с капитан-генералом. Капитан показал ему разноцветные материи, полотно, коралловые украшения и множество других товаров, а также артиллерию, при этом были сделаны выстрелы из нескольких пушек, что сильно напугало туземцев. Затем капитан-генерал велел одному из наших надеть полное вооружение, а трем другим, вооруженным мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу. Властитель был до-нельзя

поражен этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через раба, что один вооруженный таким образом человек может сражаться против ста его же людей. На что властитель ответил, что он в этом убедился воочию. Капитан-генерал заявил, что на каждом из кораблей находится по двести человек, вооруженных таким же образом. Он показал ему кирасы, мечи, щиты, а также, как ими пользоваться. После этого он повел властителя на дек корабля, что находится над кормой, и велел принести туда морскую карту и бусоль⁶⁵. Через толмача он объяснил ему, каким образом ему удалось открыть пролив, позволивший ему прибыть сюда, и сколько месяцев он провел на море, не видя суши. Рассказ этот сильно удивил властителя. В заключение он попросил у властителя позволения послать с ним двух своих людей с тем, чтобы тот показал ему некоторые из его предметов. Властитель изъявил согласие, после чего туда отправился я в сопровождении одного из наших людей.

Едва мы сошли на берег, как властитель поднял руки к небу, после чего повернулся к нам. Мы повторили то же перед его лицом, точно так же поступили и все окружающие. Властитель взял меня за руку, а спутника моего взял за руку один из начальников. Они повели нас под бамбуковый навес, под которым находилась баланга, в длину равную восьмидесяти моим ладоням и напоминающую собой галеру (фусту). Мы сели на корме этой баланги, переговариваясь все время при помощи знаков. Свита властителя окружила нас, вооруженная мечами, кинжалами, копьями и щитами. Властитель распорядился принести блюдо со свининой и большой кувшин с вином. Каждый кусок пищи мы запивали чашей вина. Остатки вина в чаше — это, правда, случалось редко — выливались обратно в кувшин. Чаша властителя оставалась все время закрытой, и из нее дозволялось пить только властителю и мне.

Перед тем как поднести чашу ко рту, властитель поднимал сложенные руки к небу, а потом протирал их ко мне, когда же он приступал к питью, то протягивал сжатый кулак (на первых порах я решил было, что он собирается ударить меня) и только после этого принимался пить. Я поступал точно так же, обращаясь все время к нему. Каждый из присутствующих делал такие же движения по отношению к рядом с ним находившимся. С такими церемониями мы вкушали пищу, обмениваясь в то же время знаками, выражаю-

щими дружбу. Я ел мясо в страстную пятницу, но ничего не поделаешь.

До наступления ужина я передал властителю множество предметов, которые захватил с собою. Названия многих предметов на их наречии я тут же записал. Они были крайне удивлены, видя меня пишущим и особенно узнав, что я записал их собственные слова.

Пока я занимался этим, подали ужин. Внесли два больших фарфоровых блюда, одно с рисом, другое — со свиной с подливкой. Ужин сопровождался такими же церемониями и знаками, после чего мы направились во дворец властителя, который имел вид сеновала, покрытого банановыми и пальмовыми листьями. Он покоился высоко над землей на огромных деревянных сваях, и чтобы туда взойти, надо было взбираться по лестнице. Властитель предложил нам сесть на бамбуковую циновку со скрещенными ногами, как то делают портные. Спустя полчаса было внесено блюдо с вареной рыбой, разрезанной на куски, свежесобранный имбирь и вино. В это время явился наследник, старший сын властителя, и властитель велел ему сесть рядом с нами, что он и сделал. После этого внесли два блюда: одно с рыбой и подливкой, другое — с рисом, чтобы мы могли поужинать вместе с наследником. Мой спутник опьянел оттого, что много пил и ел.

Здесь для освещения употребляется смола одного дерева, называемая ими «аниме», которую они заворачивают для этой цели в пальмовые или банановые листья. Властитель сделал нам знак, что отправляется на покой. Наследник остался с нами, и мы спали вместе с ним на бамбуковой циновке и подушках, сделанных из листьев.

С наступлением рассвета явился властитель, взял меня за руку и повел туда, где накануне мы ужинали, для того, чтобы попотчевать нас, но в это время пришли звать нас с нашей шлюпки. При расставании властитель с большой радостью облобызал нам руки, и мы его. С нами отправился один из его братьев, властитель другого острова, и трое туземцев. Капитан-генерал оставил его обедать с нами и надавал ему много вещей.

На этом острове, откуда властитель явился к нам на корабль, можно найти куски золота, стоит только просеять землю. Все блюда этого властелина сделаны из золота, из золота сделана также часть его дома, — так рассказывал нам он сам. Сообразно существующим здесь обычаям, он был

одет наряднее всех других и, действительно, казался самым красивым среди всех окружающих его людей. Волосы его были черного-черного цвета и спускались до плеч. Его голова была покрыта шелковой тканью, а в ушах висели большие золотые серьги. От пояса до колен он был покрыт хлопчатобумажным покровом, расшитым шелком. На боку висел кинжал с довольно длинной золотой рукояткой в ножнах из инкрустированного дерева. На каждом зубе у него были три золотые крапинки, и, казалось, будто зубы его связаны золотом. Он был надушен росным ладаном. Цвета он был желтого и весь покрыт татуировкой.

Острова, которыми он владел, называются Бутуан и Калаган⁶⁶. Всякий раз как властители этих двух государств пожелают встретиться друг с другом, они отправляются на охоту на тот остров, на котором мы теперь находились. Имя первого властителя было раджа Коламбу, другого — раджа Снау.

В воскресенье, в последний день марта, день пасхальный, рано утром капитан-генерал отправил священнослужителя вместе с некоторыми нашими людьми на берег для приготовлений к мессе. Вместе с ними поехал и наш толмач предупредить властителя, что мы высаживаемся не для того, чтобы откусать вместе с ним, а слушать мессу. Властитель прислал нам двух зарезанных свиней. С наступлением часа мессы на берег сошло человек около пятидесяти, не в полном вооружении, но все же имея при себе оружие и одетые как можно лучше. Перед тем как мы добрались до берега, были сделаны выстрелы из шести пушек в знак наших мирных намерений. После того как мы показались на берегу, оба властителя обняли капитан-генерала и поместили его рядом с собою. Боевым маршем прибыли мы на место, предназначенное для мессы и находившееся неподалеку от берега. Прежде чем приступить к службе, капитан окропил обоих властителей от головы до пят мускусной водой. Во время мессы властители выступили вперед, чтобы приложиться к кресту, следуя нашему примеру, но не вознесли жертвы. Во время возношения даров они оставались коленопреклоненными и возносили моления со сложенными руками. Как только тело христово вознеслось, раздался артиллерийский залп, по знаку, данному выстрелами из мушкетов теми, которые были на берегу. По окончании мессы некоторые наши причастились. Капитан-генерал устроил фехтовальный турнир, который сильно понравился властителям. Затем он рас-

порядился принести крест и венец с гвоздями, перед каковым все упали на колени. Властителям он объяснил через толмача, что это знамя, доверенное ему императором, его сувереном, и что он обязан воздвигать его повсюду, в какое бы место он ни приезжал. Он намерен водрузить крест этот ради их же блага, потому что какой бы корабль ни явился сюда в будущем, они по этому кресту убедятся, что мы уже были тут и, следовательно, не предпримут ничего такого, что могло бы причинить им неприятность или нанести ущерб их имуществу. Если бы кто-нибудь из туземцев был ими задержан, то его освободят тут же, как только им будет показан этот крест. Крест же этот надлежит водрузить на вершине самой высокой горы так, чтобы, видя его каждое утро, они могли поклоняться ему; если они будут поступать таким образом, то ни гром, ни молния, ни буря ни в какой степени не повредят им. Властители сердечно поблагодарили его, заявив при этом, что они охотно сделают все, чего он от них потребует. Капитан-генерал в свою очередь спросил их, какова их вера—мавры они или язычники. В ответ они заявили, что они не поклоняются ничему, но что они воздевают сложенные руки и обращают лицо к небу и называют своего бога «абба». Капитан остался весьма доволен таким ответом, а первый властитель, заметив это, воздел руки к небу и заявил, что он желал бы чем только возможно показать, как он любит его. Толмач задал ему вопрос, почему тут так мало съестного. Властитель ответил, что он бывает в этих местах только тогда, когда отправляется на охоту и на свидание со своим братом, а что живет он на другом острове, где пребывает также и его семья. Капитан-генерал попросил его сказать, нет ли у него врагов, дабы он вместе со своим флотом мог истребить их или привести в покорность. Раджа поблагодарил его за это и сообщил, что тут действительно находятся два острова, которые враждебно относятся к нему, но теперь не время идти на них войной. Капитан дал ему понять, что если господу будет угодно дозволить ему вновь вернуться в эти края, он приведет с собой столько людей, что сможет силой заставить врагов раджи повиноваться ему. Он сказал ему, что так как наступило время обеда, то он вернется на берег после обеда для водрузения креста на вершине горы. Раджи выразили свое согласие, наши люди построились в батальон и дали залп из мушкетов, капитан обнял обоих раджей, и мы попрощались с ними.

Мы отправились после обеда, одетые в простые куртки, и вместе с обоими раджами поднялись после полудня на вершину самой высокой горы. Когда мы вззошли на эту гору, капитан-генерал заявил, что он считает за высокую честь для себя труды, положенные им ради их же блага, ибо раз крест будет находиться тут, он послужит им только на величайшую пользу. Он спросил их, в какой гавани легче всего будет найти съестные припасы, на что они ответили, что поблизости имеются три гавани: Сейлон, Субу и Калаган⁶⁷ и что Субу — самый крупный и торговый порт. По собственному почину они предложили дать нам лоцманов для указания туда дороги. Капитан-генерал поблагодарил их и решил направиться туда, куда влекла его злосчастная судьба.

После того как крест был водружен на месте, каждый из нас повторил молитвы «Отче наш» и «Ave Maria» и поклонился кресту; то же самое сделали раджи, после чего мы спустились вниз, миновали их возделанные поля и пришли в то место, где находилась баланга. Раджа приказал принести туда несколько кокосовых орехов, чтобы мы могли подкрепиться. Капитан попросил прислать к нему лоцманов, так как он собирался утром следующего дня отбыть, и заявил при этом, что будет обращаться с ними так, как если бы они были раджами, и что он согласен дать им одного из своих людей в качестве заложника. Раджи в ответ заявили, что боцманы будут в его распоряжении, когда он только пожелает, но за ночь первый раджа изменил свое мнение и послал сказать капитан-генералу, что ему нужно собрать урожай риса и закончить кое-какие другие работы, а потому просил из любви к нему переждать два дня. Одновременно он попросил капитан-генерала прислать ему на помощь несколько человек для того, чтоб ускорить окончание работ, и заявил, что он самолично отправится в качестве лоцмана. Капитан послал ему несколько человек, но раджи пили и ели столько, что целый день спали. В оправдание некоторые сказали нам, что они слегка занедужили. Наши люди ничего не делали в этот день, но зато поработали следующие два дня.

Один из туземцев принес нам миску с рисом и восемь или десять бананов в виде связки в обмен на нож, которому красная цена была три кваттрина⁶⁸. Капитан, видя, что туземец хлопочет только о ноже, позвал его, чтобы показать другие предметы. Он вынул из кошелька реал и собирался

дать ему, но тот отказался. Он показал ему дукат, но он отказался и от дуката. Наконец капитан попытался предложить ему «допшоне»⁶⁹ стоимостью в два дуката, но он решительно отказывался от всего, требуя только ножа, и капитан поэтому дал ему нож. Когда один из наших людей сошел на берег, чтобы заpastись водою, туземец предложил ему большой слиток золота размерами в «колону»⁷⁰ в обмен на шесть стеклянных бус, но капитан запретил производить обмен, дабы туземцы с самого же начала усвоили себе, что мы ценим наши товары гораздо выше золота.

Здесьний народ — язычники, они ходят голые и раскрашенные. Срамную часть они прикрывают древесной тканью⁷¹. Они большие пьяницы. Женщины носят покровы из древесной коры от пояса и ниже, волосы у них черные и ниспадают до земли. У них отверстия в ушах, заполненные золотом. Туземцы постоянно жуют плод, называемый ими «арека» и напоминающий грушу. Они разрезают этот плод на четыре части и заворачивают его в листья дерева, которое носит у них название «бетре» [бетель]. Листья эти похожи на листья тутового дерева. Они примешивают к нему немного глины и, прожевав, выплевывают его. От этого рот становится невероятно красным. Во всех этих краях бетель употребляют все, так как он освежает сердце, и откажись они от его употребления, они умерли бы.

Тут водятся собаки, кошки, свиньи, куры, козы, растет рис, имбирь, кокосовые орехи, фиги [бананы], апельсины, лимоны, просо, птичье просо, сорго, имеется воск и большое количество золота. Этот остров расположен на $9\frac{2}{3}^{\circ}$ в направлении северного полюса и на 162° долготы от демаркационной линии. От Аквады он отстоит на расстоянии 25 лиг и называется Масава⁷².

Мы пробыли тут семь дней, по истечении коих взяли курс на северо-запад, миновав пять островов, именно: Сейлон, Бохол, Каниган, Байбай и Гатиган⁷³. На этом последнем острове Гатиган встречаются летучие мыши величиной с орла⁷⁴. Так как был уже конец дня, мы убили одну из них, вкусом напоминающую курицу. Тут водятся голуби, горлицы, попугаи и какой-то род черных птиц, равных своими размерами домашним курам, с длинным хвостом. Упомянутые птицы кладут яйца в песок, и птенцы вылупиваются оттого, что песок этот очень горячий. Вылупившись, птенцы вылезают из-под песка и выходят на свет божий. Эти яйца очень питательны⁷⁵.

От Масавы до Гатигана 200 лиг расстояния. Мы направились на запад от Гатигана, но так как властитель Масавы не имел возможности тут же последовать за нами, то мы в ожидании его задержались вблизи трех островов, именно: Поло, Тикобон и Посон⁷⁶. Догнав нас, он выразил большое удивление по поводу быстроты нашего плавания. Капитан-генерал пригласил его на свой корабль вместе с некоторыми его начальниками, что доставило всем им большое удовольствие. Так мы шли от Субу до Гатигана, а расстояние между ними 15 лиг.

В воскресенье, 7 апреля, в полдень мы вступили в гавань Субу, минуя множество поселений, и увидели большое число хижин, построенных на сваях. При приближении к городу капитан-генерал распорядился поднять все флаги. Паруса были спущены, как то бывает перед боем, и из всех пушек дан был залп, что навело большой страх на туземцев. Капитан отправил одного из своих питомцев в качестве посла вместе с толмачом к властителю Субу. Достигнув города, они увидели около властителя большую толпу народа, встревоженную нашими пушками. Толмач объяснил им, что таков наш обычай, когда мы вступаем в эти края, что это — знак мира и дружбы и что мы стреляли из пушек в честь властителя этого селения. Властитель и окружающие его успокоились, и через своего правителя властитель спросил, чего мы хотим. Толмач ответил, что его хозяин — капитан на службе у величайшего из государей и владык в мире и что он направляется отыскивать Молукку, но сюда он прибыл только ради того, чтобы свидеться с властителем, так как слышал о нем много хорошего от властителя Масавы, а также для того, чтобы получить продовольствие в обмен на свои товары. В ответ властитель заявил, что он приветствует их приход, но у них обычай таков, что все вступающие в эти гавани суда обязаны платить дань и что только четыре дня назад такую дань уплатила прибывшая сюда джонка из Сиамы [Сиам] с грузом золота и рабов. В доказательство своих слов он указал толмачу на купца из Сиамы, оставшегося здесь для торговли золотом и рабами. Толмач заявил ему, что раз его хозяин является капитаном на службе у столь могущественного государя, он не платит дани ни одному властителю в мире и что если властитель этот хочет мира, пускай будет мир, а если вместо этого он хочет войны, пускай будет война. Тогда купец-мавр сказал властителю: «Смотри в оба, государь. Эти люди — те же самые, что

завоевали Каликут, Малакку и всю большую Индию⁷⁷. Если с ними будут обращаться хорошо, они будут также хорошо обращаться, а если с ними будут обращаться дурно, они будут обращаться еще хуже, подобно тому, как они поступили в Малакке». Толмач понял эту речь и сказал, обращаясь к властителю, что государь его господина гораздо могущественнее и людьми и кораблями, чем король Португалии, что он — король Испании и император всех христиан и что если властитель не будет относиться к нему с дружеским отношением, то в ближайшее же время он направит сюда такое число людей, что его владения будут разрушены. Мавр передал все эти слова властителю, который ответил, что посоветуется со своими и даст ответ капитану завтра. После этого он распорядился попотчевать нас разнообразной пищей из мяса, поданной на фарфоровых блюдах, а также вином, принесенным в кувшинах. Закусив, наши вернулись на корабль и передали все слышанное. Властитель Масавы, наиболее влиятельный после этого властителя и владетель многочисленных островов, направился на берег затем, чтобы рассказать властителю о большой учтивости нашего капитан-генерала.

В понедельник утром в Субу направились наш нотариус и толмач. Властитель явился на площадь в сопровождении своих начальников и предложил нашим шесть рядом с ним. Он спросил нотариуса, много ли капитанов в нашем экипаже и требует ли капитан, чтобы он платил дань императору, его хозяину. Нотариус ответил, что этого не требуется и что капитан желает лишь одного: вести торговлю с ними и ни с кем другим. Властитель заявил, что удовлетворен этим ответом, и прибавил, что если капитан желает стать его другом, пускай пришлет ему каплю крови из правой руки, и он сделает то же — в знак искреннейшей дружбы. Нотариус сказал, что капитан так и поступит. После этого властитель сообщил ему, что все приезжавшие сюда капитаны обычно давали ему подарки, и он, в свою очередь, давал подарки им, и спросил, кто должен теперь начать первый: капитан или он. Толмач сказал, что, раз он желает поддерживать этот обычай, пусть он и начинает.

Во вторник утром властитель Масавы пришел на корабль в сопровождении мавра. Он приветствовал капитана от имени властителя [Субу] и сообщил, что тот занят сбором продовольствия в таком количестве, в каком только его возможно собрать, чтобы дать ему, и что после обеда он

пришлет сюда своих племянников и двух других из своих начальников на предмет заключения мира. Капитан-генерал велел одному из наших людей надеть свое вооружение и, показывая на него мавру, объяснил, что все мы сражаемся подобным образом. Мавр был сильно напуган, но капитан успокоил его, заявив, что наше оружие мягко по отношению к друзьям, но жестко по отношению к нашим врагам, и с той же легкостью, с какой оттирают пот носовым платком, и наше оружие низвергает и сокрушает всех наших противников, равно как и тех, кто враждебен нашей вере. Капитан поступил так с той целью, чтобы мавр, казавшийся более смышленным, чем все прочие, мог передать это властителю.

После обеда племянник властителя, его наследник, пришел на корабль вместе с властителем Масавы, мавром, правителем, начальником охраны и восемью другими начальниками для заключения с нами мира. Капитан-генерал принял их, сидя в кресле, обитом красным бархатом, его главные помощники сидели на стульях, обитых кожей, а остальные расположились на циновках на полу. Через толмача капитан-генерал задал им вопрос, каков их обычай в этих случаях: вести переговоры втайне или публично, а также уполномочены ли наследник и властитель Масавы заключить мир. В ответ они заявили, что в обычае у них вести переговоры публично и что они имеют полномочие на заключение мира. Капитан-генерал много говорил о том, что касается до мира, и о том, что он молил бога утвердить этот мир в небесах. Они заявили, что им никогда еще не приводилось слышать такие речи и что для них было удовольствием внимать ему. Убедившись в том, что они слушали и отвечали ему охотно, он начал приводить доказательства в пользу обращения их в [христианскую] веру. На его вопрос, кто наследует владения после смерти властителя, он получил ответ, что у короля нет сыновей, а есть только дочери, старшая из которых — жена одного из его племянников, который потому и является наследником властителя. Когда у них отцы и матери становятся старыми, они уже больше не пользуются почетом, и власть переходит к их детям. На это капитан сказал им, что господь бог сотворил небо, землю, море и все остальное и завещал нам почитать наших отцов и матерей, тот же, кто поступает не так, осуждается на горение в вечном огне, что мы все происходим от Адама и Евы, наших праотцов, что дух наш бессмертен, и

многое другое говорил он касательно веры. Выражая радость, они просили капитана оставить им двоих из наших людей или, по меньшей мере, одного, дабы он наставлял их в вере, обещая оказывать им большие почести. В ответ на это капитан заявил, что он не может оставлять им людей, но если они желают стать христианами, наш священник совершит над ними обряд крещения, а он сам в скором времени привезет с собою священников и монахов для наставления их в нашей вере. Они сказали, что поговорят об этом сначала со своим властителем, а затем станут христианами; слушая их, все мы прослезились от большой радости. Капитан-генерал объяснил им, что их должны подвигнуть на то, чтобы стать христианами, не страх перед нами или желание доставить нам приятное, а только их собственная свободная воля, и что те, кто желают продолжать жить согласно своему уставу, не должны опасаться каких-либо неприятностей, но все же с христианами будут обходиться и обращаться лучше, чем с остальными. Все вскричали в один голос, что не из страха или из желания сделать нам приятное, а только по собственной свободной воле они намерены стать христианами. Тогда капитан заявил им, что когда они станут христианами, он оставит им одно полное вооружение, ибо так повелел ему государь. Он также сказал, что если мы будем вступать в общение с их женами, то совершим этим очень большой грех, так как они язычницы. Он уверил их также в том, что как только они станут христианами, дьявол перестанет являться им, разве только перед самой смертью. Они же сказали, что им невозможно надлежащим образом отвечать на прекрасные речи капитана, но они доверяются ему полностью, и он может относиться к ним, как к преданнейшим своим слугам. Со слезами на глазах капитан обнял их, и взяв руку наследника и руку властителя в свои собственные, он заявил им, что обещает им вечный мир с королем Испании, в чем заверяет их своей верой в бога и своего суверена, императора, а также принадлежностью своей к ордену. Они, в свою очередь, дали подобный же обет. После заключения мира капитан велел попотчевать их, а затем наследник и властитель [Масавы] передали капитану от имени властителя несколько корзин с рисом, свиней, коз и кур, прося простить им ничтожность даров для столь достойного мужа. Капитан подарил наследнику белое платье из тончайшего полотна, красный головной убор, несколько стеклянных бус и позолоченную чашку. В этих краях такие чашки

ценятся очень высоко. Властителю Масавы он не дал ничего, так как уже подарил ему раньше платье из камбайской материи, не говоря уже о других вещах. Каждому из остальных он давал то одну вещь, то другую. Властителю Субу он отослал через меня и другого из наших людей шелковое платье желтого и фиолетового цвета, сшитое на турецкий фасон, красивый красный головной убор, несколько стеклянных бус,— все это было положено на серебряное блюдо, а также две позолоченные чашки для питья, которые мы несли в руках. Прибыв в город, мы нашли властителя во дворце, окруженного большим числом людей. Он сидел на полу на пальмовой циновке, только срамная часть у него была прикрыта куском хлопчатобумажной материи, голова была окутана вышитым от руки шарфом, на шее висело ожерелье большой ценности, а в ушах две большие золотые серьги, осыпанные драгоценными камнями. Он был небольшого роста, тучен и разрисован разными изображениями, выжженными огнем. На другой циновке стояли два фарфоровых блюда с яйцами черепахи, которые он ел, тут же находились четыре кувшина полных вина, прикрытых приятно пахнущими травами, и из каждого кувшина торчало по тростнику, при помощи которого он пил. Отвесив ему положенным образом поклон, толмач сообщил ему, что хозяин горячо благодарит его за подарок и что подарок, который он ему посылает, не есть вознаграждение за присланное, а выражение подлинной любви, которую он испытывает к нему. Мы накинули на него платье, возложили на его голову убор и отдали ему все остальные вещи, затем, поцеловав бусы и возложив их ему на голову, я их преподнес ему. Принимая их, он их также поцеловал. Затем властитель предложил нам угоститься яйцами и выпить вина через гибкие тростниковые трубки. В это время его посланцы передали ему слова капитана касательно мира и как он их увещевал принять христианство. Властитель выразил желание, чтобы мы остались до ужина, но мы ответили, что не можем. После того как мы с ним распрощались, наследник повел нас к себе в дом, где четыре молодые девушки играли, одна на барабане, похожем на наши, но стоящем на земле, другая ударяла палкой с толстой обмоткой на конце из пальмовой ткани по двум подвешенным литаврам, а третья ударяла одним небольшим литавром о другой, и они издавали при этом приятный звук. Они играли так согласованно, что можно было бы подумать, что они обладают хорошим

музыкальным чувством. Эти девушки были очень красивы, белокожи, как и наши, и такого же роста. Они были нагие, только древесная кора покрывала их от пояса до колен. Некоторые были совсем обнажены, в ушах у них были большие отверстия, куда вставлены были маленькие куски дерева, делавшие отверстия большими и круглыми. У них были длинные черные волосы, на голове лежал кусок материи, они были на босу ногу. Наследник приказал трем совершенно обнаженным девушкам поплясать перед нами. Мы закусили, после чего отправились на корабль.

Их литавры сделаны из металла, изготавливают их в этих краях в окрестностях Большого Залива, именуемых Китаем⁷⁸. Они в таком же ходу в этих краях, как у нас колокола, и называются они «агон».

В среду утром я и толмач явились к властителю с просьбой указать нам место, где мы могли бы похоронить одного из наших, умершего истекшей ночью. Властитель находился в окружении большого числа людей. Отвесив надлежащие поклоны, я обратился к нему с этой просьбой. Он ответил на это: «Если я и любой из подданных моих нахожусь в распоряжении вашего государя, то тем более принадлежит вся эта земля». Я сказал ему, что мы должны освятить это место и водрузить там крест. Он ответил, что это доставит ему полное удовольствие и что он желал бы поклоняться кресту так же, как это делаем мы. Покойник был похоронен на площади с всевозможной торжественностью, дабы подать этим хороший пример. Затем мы освятили место. Вечером мы похоронили еще одного из наших.

Мы свезли на берег большое количество товаров и сложили их в одном из домов. Властитель взял на себя его охрану. Он также отрядил четырех человек для оптовой меновой торговли.

Люди эти живут в согласии с правосудием. У них имеются весы и меры. Они предпочитают мир, довольство, покой. У них деревянные весы, поддерживаемые веревкой, прикрепленной к середине перекладки. На одном конце висит кусок свинца, а на другом имеются обозначения: четверти фунта, полуфунта, фунта. Для взвешивания они кладут весы с тремя веревочками, как наши, над обозначениями, и таким образом получается правильный вес. У них имеются очень большие бездонные меры емкости.

Молодежь играет на дудках — таких же, как наши, называемых ими «субин».

Дома их построены из дерева и составлены из досок и бамбука, возвышаясь над землей на больших бревнах, и взбираться туда приходится по лестнице. Комнаты у них такие же, как и у нас. Под домом они держат своих свиней, коз и птицу.

Тут водятся морские улитки, красивые на вид, которые убивают китов. Последние глотают их живыми, и когда они уже находятся внутри кита, они вылезают из своей раковины и пожирают его сердце. Туземцы находят их после этого живыми возле мертвого сердца кита. У этих тварей черные зубы и кожа и белого цвета раковина, мясо их приятно на вкус. Их называют здесь «лаган»⁷⁹.

В пятницу мы показали им нашу лавку, полную товаров, что привело их в крайнее изумление. Они давали нам золото в обмен на чугун и прочий крупный товар. За другие товары они давали нам рис, свиней, коз и прочие предметы продовольствия. За 14 фунтов железа они давали нам десять слитков золота, причем каждый слиток был ценою в 1½ дуката. Капитан-генерал отказывался от большого количества золота, так как среди нас находились такие, которые готовы были отдать все, что у них было, за небольшое количество золота и тем самым могли бы погубить навсегда нашу торговлю⁸⁰.

В четверг, во исполнение обещания, данного капитаном властителю, обратить его в христианство, воздвигли возвышение на площади, которую освятили заранее и по случаю крещения украсили занавесами и пальмовыми ветвями. Капитан-генерал послал предупредить его, чтобы он не испугался, если в это утро будут даны выстрелы из пушек, так как у нас в обычае делать залпы из орудий, не заряжая их камнями, в дни самых торжественных наших праздников.

В воскресенье, 14 апреля, утром сорок наших людей сошли на берег. Двое из них были в полном вооружении и шли впереди королевского знамени. Как только мы ступили на сушу, раздались выстрелы из всех пушек. Туземцы ходили за нами повсюду. Капитан и властитель обнялись. Капитан сказал властителю, что королевское знамя обычно выносятся на берег не иначе, как в сопровождении 50 человек, вооруженных так же точно, как эти двое, да еще 50 мушкетеров, но его любовь к властителю столь велика, что он решил вынести знамя на берег таким образом, как он поступил теперь. После этого все мы с весельем подошли к возвышению. Капитан и властитель уселись в креслах,

покрытых красным и фиолетовым бархатом, начальники на подушках, а все остальные на циновках. Капитан передал через толмача, что он возносит благодарность богу за то, что он внушил властителю мысль стать христианином,— с этого дня ему будет гораздо легче одолевать своих врагов. В ответ на это властитель сказал, что он желает стать христианином, но что некоторые из его начальников не желают ему повиноваться: мы-де, говорят они, такие же хорошие люди, как и он. Тогда капитан позвал начальников властителя и заявил им, что если они не будут оказывать повиновение своему властителю, как своему государю, он велит всех их убить, а владения их отдать властителю. Они ответили, что будут впредь ему подчиняться. Капитан объявил властителю, что намерен отправиться в Испанию, но собирается в скором времени вернуться с такими значительными силами, с помощью которых он сделает его величайшим властелином этих областей, потому что он первый принял решение стать христианином. Воздев руки к небу, властитель поблагодарил капитана и попросил его оставить здесь кого-нибудь из своих людей, дабы он и его народ были лучше наставлены в вере. Капитан ответил, что удовлетворит его просьбу и оставит двух человек, но что ему хотелось бы взять с собою двух детей начальников для того, чтобы они научились нашему языку и, по возвращении, сумели рассказать обо всем, что видели в Испании.

В самом центре площади был водружен большой крест. Капитан заявил всем, что если они действительно хотят стать христианами, как они обещали в предыдущие дни, они должны сжечь всех своих идолов и водрузить на их место крест. Каждый день должны они поклоняться кресту сложенными руками и каждое утро, по обычаю их [испанцев], они должны сотворять крестное знамение,— при этом капитан показал, как это надо делать,— и ежечасно, по крайней мере по утрам, подходить к кресту и класть поклон. Уже изъявленное ими намерение они обязаны подтвердить добрыми делами. Властитель и все другие выразили желание подтвердить это полностью. Капитан-генерал объяснил властителю, что белая одежда, которая на нем теперь, свидетельствует об его искренней любви к ним. Они сказали, что у них нет слов для ответа на такие сладкие речи. Говоря им все это, капитан повел властителя за руку к возвышению для совершения обряда крещения. Он сказал властителю, что отныне имя его будет дон Карл, по имени импе-

ратора, его суверена, наследник будет именоваться дон Фернандо, по имени брата императора, властитель Масавы — Хуаном, начальник — Фернандо, по имени нашего же начальника, то-есть капитана, мавр — Христофором. Так он дал новые имена всем, кому одно, кому другое. До мессы было крещено пятьсот человек. После того как месса была отслужена, он пригласил властителя и некоторых его начальников на обед, но они отказались и только проводили нас до берега. На кораблях дали выстрелы из орудий. Обняв друг друга, властитель, начальники и капитан растались.

После обеда священник и некоторые другие высадились на берег для крещения жены властителя, которая пришла в сопровождении сорока женщин. Мы повели ее на возвышение и усадили на подушку, остальные женщины уселись около нее, пока священник готовился к обряду. Ей показали образ нашей владычицы, очень красивую деревянную статуэтку младенца Иисуса и крест. Все это повергло ее в большую печаль, и она со слезами на глазах просила, чтобы ее окрестили. Мы дали ей имя Хуаны, по имени матери императора, дочь ее, жену наследника, мы назвали Екатериной, жену властителя Масавы — Елисаветой, дали мы по имени также женщинам из ее свиты. Мы окрестили восемьсот душ мужчин, женщин и детей. Жена властителя была молодая и красивая, одета была она вся в белое с черным. Ее рот и ногти были яркокрасного цвета, на голове у нее была широкая шляпа из пальмовых листьев вроде зонтика, поверх которой возвышался венец из тех же листьев, наподобие папской тиары. Без нее она не появляется нигде. Она попросила нас отдать ей младенца Иисуса, чтобы заменить им своих идолов, после чего удалилась.

Под вечер к берегу пришли властитель с женою в сопровождении большого числа лиц. По этому случаю капитан распорядился выпустить много огневых петард⁸¹ и стрелять из больших орудий, что доставило им большое удовольствие. Капитан и властитель называли друг друга братьями. Имя властителя было раджа Гумабон.

До конца недели были крещены все жители этого острова и некоторые с других островов. Одну хижину на соседнем острове мы сожгли по той причине, что жители отказали в повиновении радже или нам. Мы воздвигли там крест, так как население этого острова состояло из язычников. Будь они мавры, мы воздвигли бы на этом месте

колонну как знак величайшей твердости, ибо в деле обращения в христианство мавры гораздо более жестки, чем язычники.

Капитан-генерал в эти дни ежедневно высаживался на берег слушать мессу и в это время рассказывал радже многое, касающееся веры. Однажды жена властителя весьма торжественно явилась к мессе. Впереди нее шли три девушки с тремя ее шляпами в руках. Одета она была в белое с черным, широкий шелковый шарф с поперечными золотыми полосками был наброшен на голову и покрывал ее плечи. Она была в шляпе. Ее сопровождало большое число женщин, все нагие и босые, только срамные части прикрыты у них были куском ткани из пальмового дерева и на голову наброшен маленький шарф, волосы у них были распущены. Жена властителя, отвесив надлежащий поклон перед алтарем, уселась на шелковую вышитую подушку. До начала мессы капитан окропил ее и некоторых ее женщин розовой мускусной водой, так как аромат этот сильно нравился им. Зная, что жене правителя очень понравилась статуэтка младенца Иисуса, он дал ее ей, сказав при этом, что ее нужно поместить вместо идолов, потому что это память о сыне божьем. Она приняла статуэтку, поблагодарив его от всего сердца.

Однажды перед мессой капитан-генерал предложил властителю одеть белую шелковую одежду; то же предложил он и городской знати, отцу наследника по имени Бендара и его брату, другому его брату, по имени Кадайю, некоторым другим [приближенным], их имена: Симиут, Мибуайя, Магалибе, и многим другим, имен которых я не буду приводить, дабы не быть докучным. Капитан велел им всем поклясться в верности своему властителю, в знак чего они облобызали руку последнего. После этого он предложил властителю объявить, что он будет всегда соблюдать покорность и верность государю Испании, в чем тот дал клятву. При этом капитан обнажил свой меч перед образом нашей владычицы и сказал, обращаясь к властителю, что кто бы ни давал клятву, он должен предпочесть смерть нарушению таковой клятвы, если он дает ее перед этим образом, и ценою своей собственной жизни и одежды на нем⁸² оставаться вечно верным ему. После этого капитан подарил властителю кресло, обитое красным бархатом, и объяснил, что куда бы он ни направлялся, он должен брать его с собою, а носить его должен кто-нибудь из ближайшей его

родни; он при этом показал, как следует носить это кресло. Властитель заявил, что все это он будет исполнять с охотою из любви к нему, и прибавил, что приказал изготовить для него драгоценности, именно — две большие золотые серьги для ушей, два браслета для рук и два других кольца на ноги выше колен, помимо драгоценных камней для украшения его ушей. Это — самые красивые украшения, которые допускаются к ношению властителями в этих краях. Они обычно ходят босиком и носят кусок материи, спускающийся от пояса до колен.

Однажды капитан-генерал спросил властителя и других, по какой причине они не сожгли своих идолов в согласии с данным им, когда они были обращены в христианство, обещанием, а также почему они приносят в жертву так много мяса. Они ответили ему, что поступают так не ради самих себя, а ради одного больного, который вот уже четыре дня как лишился голоса и которому идолы могли бы вернуть здоровье. Это был брат властителя, самый доблестный и мудрый муж на острове. Капитан предложил им сжечь идолов и довериться Христу; он сказал, что если бы этот больной был крещен, то он выздоровел бы очень скоро; он дает свою голову на отсечение, если это не произойдет именно так, как он говорит. На это властитель ответил, что он так и поступит из истинной веры в Христа. В торжественной процессии мы направились от площади к дому больного. Мы его нашли там в таком состоянии, что ни говорить, ни двигаться он не мог. Мы окрестили его, двух его жен и десять девушек. После этого капитан спросил, как он чувствует себя. Тот сразу же заговорил и сказал, что с божьей благодатью он вполне оправился. Это было чудо самое явное, случившееся в наши дни. Капитан, услышав его речь, вознес горячую благодарность богу. Он дал больному миндального молока, которое было уже заготовлено по его распоряжению. Потом он послал ему матрац, две простыни, одеяло из желтой материи и подушку. Пока тот выздоравливал, капитан присылал ему миндальное молоко, розовую воду, розовое масло и сладкие варенья. Не прошло и пяти дней, как больной начал ходить. Капитан велел сжечь в присутствии властителя и всего населения идола, которого несколько старух спрятали в доме больного. Он велел также разрушить множество алтарей на берегу, на которых съедалось жертвенное мясо. При этом народ кричал: «Кастилия! Кастилия!»

и сам принимал участие в разрушении этих алтарей. Если бог продлит им жизнь, они сожгут всех идолов, которых найдут, даже если бы они находились в доме у самого властителя.

Эти идолы сделаны из дерева, они полые внутри, а сзади они открыты. Руки у них распростерты, ступни загнуты под телом и широко расставлены. У них широкое лицо и четыре очень крупных зуба, похожие на клыки дикого кабана. Они разрисованы сверху донизу.

На этом острове много селений. Вот их названия, а также имена начальников этих селений: Сингапола, начальники — Сиатон, Сигабукан, Симанинга, Симатихат и Сиканбул; Мандауи, начальник — Апаноан; Лалан, начальник — Тетеу; Лалутан, начальник — Тапан; Силумай; Лубукун⁸³. Все эти селения изъявили покорность нам и предоставили нам продовольствие и уплатили дань.

Поблизости от острова Субу находится остров, называемый Матан, и там и была та гавань, в которой мы бросили якорь. Поселение на нем носит название Матан, а его начальниками были Зула и Силапулапи. На этом же острове находился и город, который мы сожгли и который назывался Булайя.

Дабы ваше сиятельство имело представление о церемониях, с которыми у этого народа приносят в жертву свинью (я вам их опишу). Они начинаются ударами в большие литавры. После этого приносят три больших блюда, на двух — розы и пироги с рисом и просом, завернутые в листья, и жареная рыба; на третьем — кусок камбайской материи и два флажка из пальмовой ткани. Кусок камбайской материи разостлан на земле⁸⁴. Затем приходят две престарелые женщины, у каждой из которых в руке бамбуковая труба. Как только они вступают на материю, они отвешивают поклон солнцу. После этого они укутываются материей (лежащей на блюде). Одна из них обвязывает голову платком так, чтобы торчали два конца, как рога, другой платок берет в руку и, танцуя и трубя, испускает возгласы, обращаясь к солнцу. Другая с одним из флажков танцует и трубит. Так они танцуют и вызывают к солнцу короткое время, произнося какие-то слова, обращенные к солнцу. Та, что с платком берет потом другой флажок, роняет платок на землю, и обе, продолжая трубить, танцуют вокруг связанной свиньи. Та, что с рогами, говорит шопотом, обращаясь к солнцу, другая отвечает ей. Той, что с рогами,

подают бокал вина, и она, танцуя и повторяя какие-то слова, в то время как другая ей отвечает, и делая четыре или пять раз такие движения, будто собирается пить вино, изливает его на сердце свиньи. После этого она снова пускается в пляс. В это время ей подают копьё. Размахивая им и повторяя какие-то слова и все продолжая танцовать и делая четыре или пять раз такие движения, точно собирается пронзить копьём сердце свиньи, она внезапным и резким ударом пронизывает его насквозь. Рану тут же быстро закрывают травами. Та, что убила свинью, берет факел, который горит во время обряда, подносит его ко рту и тушит. Другая, погрузив конец своей трубы в кровь свиньи, обходит присутствующих и касается пальцами, смоченными в крови, прежде всего лба своих мужей, а затем и всех остальных: к нам она не подходила ни разу. После этого они раздеваются и принимаются за пищу на блюдах, приглашая разделить трапезу одних только женщин. Свинью палят на огне. Таким-то образом только старые женщины освящают мясо свиньи, и мясо это едят только после того, как свинья убита с соблюдением этого обряда. Когда кто-нибудь из нас сходил на берег, будь то днем или ночью, каждый туземец приглашал его к себе поесть и выпить. Мясо они не доваривают до конца и сильно солят его. Пьют они часто и обильно через тростниковые трубочки, вставленные в кувшины, и за одной из трапез проводят по пять-шесть часов.

Когда кто-нибудь умирает из начальников, они совершают следующий обряд. К дому умершего направляются прежде всего все знатные женщины селения. Покойник помещается в ящике посреди дома. Вокруг ящика протянуты веревки в виде ограды, и к ним прикреплено множество ветвей. На каждой ветке висит кусок хлопчатобумажной ткани, так что образуется нечто вроде балдахина с занавесами. Под этими занавесами усаживаются наиболее именитые женщины, все в белых одеждах из хлопчатобумажной ткани, и около каждой стоит девушка с опахалом из пальмового листа. Другие женщины с печальным видом сидят вокруг комнаты. Одна из женщин начинает медленно срезать ножом у покойника волосы. Другая женщина, его главная жена, ложится на него, прильнув ртом, руками и ногами ко рту, рукам и ногам покойника. В то время как первая срезает волосы, вторая плачет, когда же первая кончает, вторая затягивает песню. В комнате

множество фарфоровых сосудов с огнем, в который бросают мирру, росный ладан, отчего по комнате распространяется сильный аромат. Эта церемония длится пять-шесть дней, и все это время труп остается в доме. Повидимому, труп набальзамирован камфарою. Его хоронят в том же ящике, который прибивают деревянными гвоздями к бревну и закрывают бревнами же.

Ежедневно около полуночи над городом появляется черная-черная птица величиною с ворону, которая начинает кричать, как только приближается к жилищам. Тогда все собаки поднимают лай, и этот крик и лай не прекращаются в течение четырех-пяти часов. Туземцы никак не могли объяснить нам причину этого.

В пятницу, 26 апреля, Зула, начальник острова Метан, прислал к капитан-генералу одного из своих сыновей с козами. Он сообщил, что мог бы послать ему все, что было ему ранее обещано, но он не мог этого сделать по той причине, что другой начальник, Силапулапу, отказался подчиниться королю Испании. Он просил капитана снарядить одну шлюпку со своими людьми и отправить их той же ночью, чтобы помочь ему сражаться с этим начальником. Капитан-генерал решил отправиться сам с тремя шлюпками. Мы настойчиво просили его не ездить туда, однако он, как добрый пастырь, отказывался покинуть свое стадо. В полночь шестьдесят человек в нагрудниках и касках вместе с властителем-христианином, наследником и некоторыми именитыми туземцами двинулись в путь на двадцати или тридцати «балангах». Мы добрались до Матана за три часа до рассвета. Капитан не хотел начинать битву в это время ночи и отправил в качестве посла к туземцам мавра, поручив ему передать им, что если они будут оказывать повиновение королю Испании и признают христианского государя как своего суверена и уплатят нам дань, то он станет их другом, если же они желают другого, то пускай убедятся в том, какие раны наносят наши копья. Они сказали в ответ, что если у него имеются копья, то копья имеются и у них, хотя и из бамбука, а также колья, закаленные на огне. Они просили нас не начинать наступления теперь, а выждать наступления утра, чтобы они могли набрать побольше людей. Эта просьба объяснялась их намерением побудить нас направиться на поиски их, они же выкопали меж домов ямы, в которые мы должны были попадать. Как только наступило утро, сорок девять человек наших броси-

лись в воду, которая доходила им до бедер. Пришлось проплыть расстояние свыше двух выстрелов из самострела прежде чем добраться до берега. Из-за подводных скал лодки не могли подойти к берегу ближе. Когда мы добрались до берега, туземцы числом свыше 1 500 человек выстроились в три отряда. Увидав нас, они кинулись на нас с невероятными криками, два отряда обрушились на наши фланги, а один — с фронта. Тогда капитан построил нас в два отряда, и началось сражение. Мушкетеры и лучники стреляли издали около получаса, однако без всякой пользы, так как пули и стрелы пробивали только их щиты, сделанные из тонких деревянных дощечек, и руки. Капитан кричал: «Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу!» — но никто не обращал внимания на его крики. Когда туземцы убедились в том, что наша стрельба не достигает цели, они начали кричать, что будут стойко держаться, и возобновили крик с еще большей силой. Во время нашей стрельбы туземцы не оставались на одном месте, а бегали то туда, то сюда, прикрываясь щитами. Они осыпали нас таким количеством стрел и бросали такое множество копьев в сторону капитана (некоторые копыя были с железными наконечниками), да еще закаленные на огне колья, да камни и землю, что мы едва были в состоянии защищаться. Видя это, капитан отрядил несколько человек с приказом сжечь их дома, дабы подействовать на них страхом. Вид сжигаемых домов привел их в еще большую ярость. Двое из наших были убиты у домов, мы же сожгли от двадцати до тридцати домов. На нас накинuloсь такое множество туземцев, что им удалось ранить капитана в ногу отравленной стрелой. Вследствие этого он дал приказ медленно отступать, но наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно обратились в бегство. Туземцы стреляли нам только в ноги, потому что мы не были обуты. И так велико было число копьев и камней, которые они метали в нас, что мы не в состоянии были оказывать сопротивление. Пушки с наших судов не могли оказывать нам помощи, так как они находились слишком далеко. Мы продолжали отступать и, находясь на расстоянии выстрела от берега, продолжали сражаться, стоя по колени в воде. Туземцы продолжали преследование, и поднимая с земли по четыре-шесть раз одно и то же копые, метали их в нас вновь и вновь. Узнав капитана, на него накинuloсь такое множество людей, что дважды с его головы

сбили каску, но все же он продолжал стойко держаться, как и подобает славному рыцарю, вместе с другими, рядом с ним стоящими. Так мы бились больше часа, отказываясь отступить дальше. Один индеец метнул бамбуковое копьё прямо в лицо капитана, но последний тут же убил его своим копьём, застрывшим в теле индейца. Затем, пытаясь выгащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку бамбуковым копьём. При виде этого на него накинулись все туземцы. Один из них ранил его в левую ногу большим тесаком, похожим на турецкий палаш, но еще более широким. Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесаками до тех пор, пока не погубили наше зеркало, наш свет, нашу отраду и нашего истинного вождя. Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться на лодки. Полагая, что он умер, мы, раненые, отступили, как только было возможно, к лодкам, которые сразу же двинулись в путь. Властитель-христианин хотел оказать нам помощь, но перед тем, как мы отправились на берег, капитан настоял на том, чтобы он не покидал своей «баланги», а оставался на ней и наблюдал, как мы будем сражаться. Узнав, что капитан убит, он залился слезами. Если бы не злосчастный капитан, то ни один из наших не спасся бы на лодках, так как, пока он бился, другие успели отступить к лодкам. Возлагаю упование на ваше сиятельство, что слава о столь благородном капитане не изгладится из памяти в наши дни. В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил.

Бой этот происходил в субботу, 27 апреля 1521 г.⁸⁵ Капитан не хотел принять бой в четверг, ибо это был особенно чтимый им день. В этом бою было убито вместе с ним восемь наших людей и четверо индейцев, обращенных в христианство, которые поспешили нам на помощь, но погибли от выстрелов из орудий на наших лодках.

Неприятель потерял убитыми пятнадцать человек, а среди наших раненых было много.

Перед вечером властитель-христианин послал с нашего согласия сказать жителям Матана, что если они отдадут нам тело капитана и других убитых, то мы дадим им столько товара, сколько они пожелают. В ответ они заявили, что мы напрасно воображаем, будто они возвратят нам такого человека, и что они не отдадут его ни за какие сокровища мира, так как они намерены сохранить его у себя как память [о своей победе]

В субботу, в день убийства капитана, четверо наших, оставшихся в городе для торговли, перенесли наши товары на корабли. Мы избрали двух командиров, именно Дуарте Барбозу⁸⁶, португальца, и Жуана Серрана, испанца. Так как наш толмач, по имени Генрих, получил легкую рану, он не сходил больше на берег и не помогал нам больше в наших делах, лежа все время в постели. Ввиду этого Дуарте Барбоза, командир флагманского корабля, обратился к нему с упреками, говоря, что хотя хозяин его, капитан, и умер — это еще не означает, что он свободен: напротив, он [Барбоза] позаботится о том, что как только мы вернемся в Испанию, он останется рабом доньи Беатриж, супруги капитан-генерала⁸⁷. Он угрожал рабу, что если тот не сойдет на берег, он прикажет высесть его, а тот поднялся, делая вид, что не обращает внимания на эти угрозы, направился на берег и там сообщил властителю-христианину, что мы вскоре собираемся отплыть и что если тот последует его совету, то он заполучит корабли и все наши товары. Они обдумали измену совместно, и раб вернулся на борт, где показал большую покорность и расторопность, чем раньше.

В понедельник, 1 мая, утром властитель-христианин послал сообщить командирам, что обещанные им для короля Испании драгоценности уже готовы и что он приглашает их приехать к нему утром этого дня на ужин вместе с сотоварищами, когда им и будут переданы эти драгоценности. На берег сошло двадцать четыре человека, в том числе и наш звездочет Сан Мартин де Севилья. Я лишен был возможности поехать вместе с ними, так как весь распух от раны, причиненной мне отравленной стрелой, пущенной в лицо. Жуан Каваджо и алгуасил вернулись и рассказали нам, что видели того человека, который излечился чудом; он увел к себе в дом священника. По этой при-

чине они заподозрили недоброе и покинули это место. Едва они сообщили нам это, как послышались громкие крики и вопли. Немедленно подняли мы якоря и, стреляя из многих пушек по домам, подошли ближе к берегу. Стреляя таким образом, мы увидали Жуана Серрана в одной рубашке и раненого, который кричал нам, чтобы мы больше не стреляли, так как туземцы убьют его. Мы спросили, убиты ли все другие и толмач вместе с ними. Он ответил, что убиты все, кроме толмача. Он настоятельно просил нас выкупить его за какие-нибудь товары, но Жуан Каваджо, его благодетельный товарищ, запретил шлюпке подойти к берегу — и поступил он так с целью, чтобы они одни остались хозяевами на кораблях. И несмотря на то, что Жуан Серран, плача, молил его не поднимать так быстро паруса, так как они убьют его, и заявлял, что он молит бога потребовать от него возмездия за свою душу в день страшного суда, мы тут же отбыли. Я не знаю, убит ли он или остался в живых⁸⁸.

На этом острове водятся собаки, кошки, растет рис, просо, птичье просо, сорго, имбирь, фиги [бананы], апельсины, лимоны, сахарный тростник, чеснок, имеется мед, кокосовые орехи, «нангка»⁸⁹, тыква, имеется мясо разного рода, пальмовое вино и золото. Это — большой остров, тут хороший порт с двумя входами, один на запад, другой лежит между востоком и северо-востоком. Он лежит на 10-м градусе широты в направлении к северному полюсу и на 164-м градусе долготы от демаркационной линии. Он называется Субу. Мы здесь имели сведения о Молукке еще до смерти капитан-генерала. Туземцы играют на скрипке с медными струнами.

Посреди этого архипелага, на расстоянии 18 лиг от острова Субу у оконечности другого острова, именуемого Бохолом, мы угляли корабль «Консепсьон», ибо слишком мало из нас осталось [для его обслуживания]⁹⁰. Мы перенесли самые лучшие запасы, находившиеся на нем, на другие два корабля, после чего взяли курс на юго-юго-запад и прошли берегом острова, называемого Панилонгом⁹¹, где люди черного цвета, как в Эфиопии.

Затем мы подошли к большому острову [Минданао], властитель коего, дабы войти в дружбу с нами, источил кровь из левой руки и помазал ею тело, лицо и кончик языка, что является знаком теснейшей дружбы; то же самое сделали и мы. Я сошел на берег один с властителем

осмотреть этот остров. Как только мы вошли в реку, множество рыбаков предложило властителю рыбу. Тогда властитель снял покровы со своей срамной части, то же сделали и его вельможи и с пением начали грести, направляясь мимо многих домов, которые находились на реке. В два часа ночи мы добрались до жилища властителя. Расстояние от устья реки, стоянки наших судов, было две лиги. Когда мы вступили в дом, нас встретили с большим числом факелов из тростника и пальмовых листьев. Эти факелы были из «аниме», о чем уже сказано было выше. До того, как подали ужин, властитель с двумя своими вельможами и двумя красивыми женами осушил большой сосуд вина, ничем не закусив. Я же отказался от вина, заявив, что ужинал уже и пью только один раз. Выпивая, они соблюдали те же обряды, что и властитель острова Масава. Принесли ужин, который состоял из риса и очень соленой рыбы, в фарфоровых тарелках. Они ели рис точно это был хлеб. Они пекут его следующим образом. Прежде всего кладут в глиняный кувшин, подобный нашим, большой лист так, чтобы он покрывал всю внутренность сосуда. Затем туда насыпают рис и наливают воды и, закрыв сосуд, дают ему кипеть до тех пор, пока рис не станет таким же твердым, как хлеб, после чего его вынимают оттуда кусками. Во всех этих краях рис варят таким же способом.

После того как мы отужинали, властитель приказал принести тростниковую дыновку и другую из пальмовых листьев и подушку из листьев, дабы я мог спать на них. Властитель отправился почивать с двумя женами в особую комнату, а я лег вместе с одним из его вельмож.

На следующее утро, пока готовили завтрак, я отправился бродить по острову. В домах я видел много предметов из золота, но мало пищи. Мы позавтракали рисом и рыбой, и по окончании обеда я знаками спросил властителя, могу ли я видеть его жену. Он ответил, что охотно сделает это, и мы направились вместе с ним к высокому холму, на вершине которого находилось ее жилище. Войдя в дом, я поклонился ей, и она ответила тем же, после чего я сел рядом с ней. Она была занята плетением дыновки из пальмовых листьев для постели. В доме висело большое число фарфоровых сосудов и четыре металлических литавра; один из них был размерами больше другого рядом с ним, остальные — поменьше; жена властителя играла на них. Множе-

ство рабов мужского и женского пола служили ей. Этот дом построен так же, как и упоминавшиеся мною.

Попрощавшись с нею, мы вернулись к властителю в дом, где он тотчас же угостил нас напитками из сахарного тростника.

Больше всего на этом острове золота. Они показывали мне широкие долины и знаками объяснили мне, что там такое обилие золота, сколько волос на их головах, но у них нет железа для того, чтобы выкапывать это золото, да им и мало дела до этого. Эта часть острова принадлежит к той же стране, как и Бууан и Калаган, и расположена она в направлении к Бохолу, прилегая к Масаве. Так как мы еще вернемся к этому острову, я больше теперь распространяться о нем не буду.

Так как прошло уже полдня, я решил вернуться на корабль. Властитель и прочие начальники пожелали проводить меня, и мы вернулись в той же «баланге». Возвращаясь рекою, я заметил с правой стороны на вершине холма висящих на дереве трех человек; ветки на дереве были срезаны. Я спросил властителя, что это означает, и он ответил мне, что это злоумышленники и грабители.

Здесь люди ходят нагишом, как и в других упомянутых мною местах. Имя властителя раджа Каланао.

Гавань тут превосходная. Здесь можно найти рис, имбирь, свиней, коз, кур и многое другое. Гавань лежит на 8° широты в направлении к северному полюсу и на 167° долготы от демаркационной линии. Он отстоит от Субу на расстоянии 50 лиг и называется Кипит⁹². В двух днях перехода оттуда к северо-западу находится большой остров Лосон⁹³, куда ежегодно приходят шесть или восемь джонок, принадлежащих жителям Леки⁹⁴.

Отплыв оттуда и взяв курс на запад-юго-запад, мы бросили якорь около острова не очень больших размеров и почти необитаемого. Народ, населяющий этот остров,—мавры, загнанные сюда с острова Бурне. Они ходят нагишом, как и все другие. Они вооружены луками и колчанами, полными стрел и ядовитых трав. У них кинжалы с рукоятками, украшенными золотом и драгоценными камнями, копья, панцыри, палицы и небольшие щиты из рогов буйвола. Они называли нас святыми существами. На этом острове мало предметов питания, зато тут встречаются громадные деревья. Он лежит на $7\frac{1}{2}^{\circ}$ по направлению к север-

ному полюсу и на расстоянии 43 лиг от Кипита. Он носит название Кагайян⁹⁵.

На расстоянии 25 лиг к западу-северо-западу от этого острова мы нашли большой остров, на котором имеется рис, имбирь, свиньи, козы, куры, финики, длиною в локоть и толщиною в руку [бананы], они превосходны; некоторые другие — в длину больше ладони и еще вкуснее, чем остальные; кокосовые орехи, пататы, сахарный тростник и корнеплоды, вкусом похожие на репу. Здесь варят рис на огне в бамбуковых или деревянных сосудах; так он сохраняется лучше, чем рис, сваренный в глиняных горшках. Мы назвали эту страну обетованной землей, ибо до того, как нашли ее, мы голодали очень сильно. Нередко бывало, что мы готовы были покинуть корабли и сойти на берег, чтобы не умереть от голода.

Властитель заключил с нами дружбу, сделавши одним из наших ножей небольшой надрез на груди и смазав кровью кончик языка и лоб в знак подлинного мира, и мы поступили точно так же. Этот остров лежит на $9\frac{1}{3}^{\circ}$ широты в направлении северного полюса, и на $171\frac{1}{3}^{\circ}$ долготы от демаркационной линии. Называется он Пулаоан⁹⁶.

Обитатели Пулаоана ходят нагишом, как и все прочие. Почти все они занимаются обработкой земли. Они имеют луки с толстыми деревянными стрелами, длиною больше локтя, с заостренными концами из рыбьих костей, отравленными соком травы; другие снабжены бамбуковыми остриями и также отравлены. Вместо перьев на конце стрел прикреплен кусочек железа, похожий на головку дротика; когда стрелы у них кончаются, они сражаются при помощи лука. У них в большой цене медные кольца и цепи, колокольчики, ножи, но выше всего они ценят медную проволоку для связывания своих рыболовных крючков.

У них имеются больших размеров домашние петухи, которых они не употребляют в пищу вследствие того, что они некоторым образом почитают их. Иногда они заставляют их биться друг с другом, и при этом ставят определенную сумму на того или иного петуха, и выигрыш получает владелец победившего петуха⁹⁷. Они гонят вино из риса, и оно крепче и вкуснее, чем пальмовое.

На расстоянии десяти лиг к юго-западу от этого острова мы пришли к острову, который, по мере того как мы плыли вдоль его берегов, поднимался, казалось, вверх. После того как мы вступили в гавань, в кромешном мраке

загорелись огни св. Эльма. От гавани до края этого острова расстояние в пятьдесят лиг. На следующий день, 9 июля, властитель этого острова прислал к нам очень красивую пирогу, нос и корма которой были украшены золотом. На носу поднимался бело-голубой флаг с павлиньими перьями. Некоторые на пироге играли на музыкальных инструментах и барабанах. Пирог сопровождали два «альмади»⁹⁸. Пирог имеет вид фусты [галеры], «альмади» же представляют собой небольшие рыбацьи челны. Восемь старейшин-вождей взошли на суда и уселись на ковре на корме. Они преподнесли нам в дар раскрашенный деревянный кувшин, наполненный бетелем (плод, который они жуют постоянно), араком и жасминовыми и апельсиновыми цветами, покров из желтого шелка, две клетки с птицами, двух коз, три кувшина с рисовой водкой и несколько связок сахарного тростника. Те же дары они оставили и на другом корабле и, обняв нас, расстались. Рисовая водка прозрачна, как вода, но такая крепкая, что многие из нас опьянели. Она называется араком.

Спустя шесть дней, властитель вновь прислал пышно разукрашенные три пироги, которые окружили наши суда под звуки музыки и бой барабанов и литавров. Они приветствовали нас своеобразными полотняными шапочками, покрывающими только макушку. Мы отвечали им салютом из бомбард, не заряженных камнями. Тогда они преподнесли нам в дар разнообразную пищу, изготовленную из одного только риса. Некоторые блюда были завернуты в листья и представляли собой продолговатые кусочки, некоторые были похожи на головы сахара, другие имели форму пирогов с яйцами и медом.

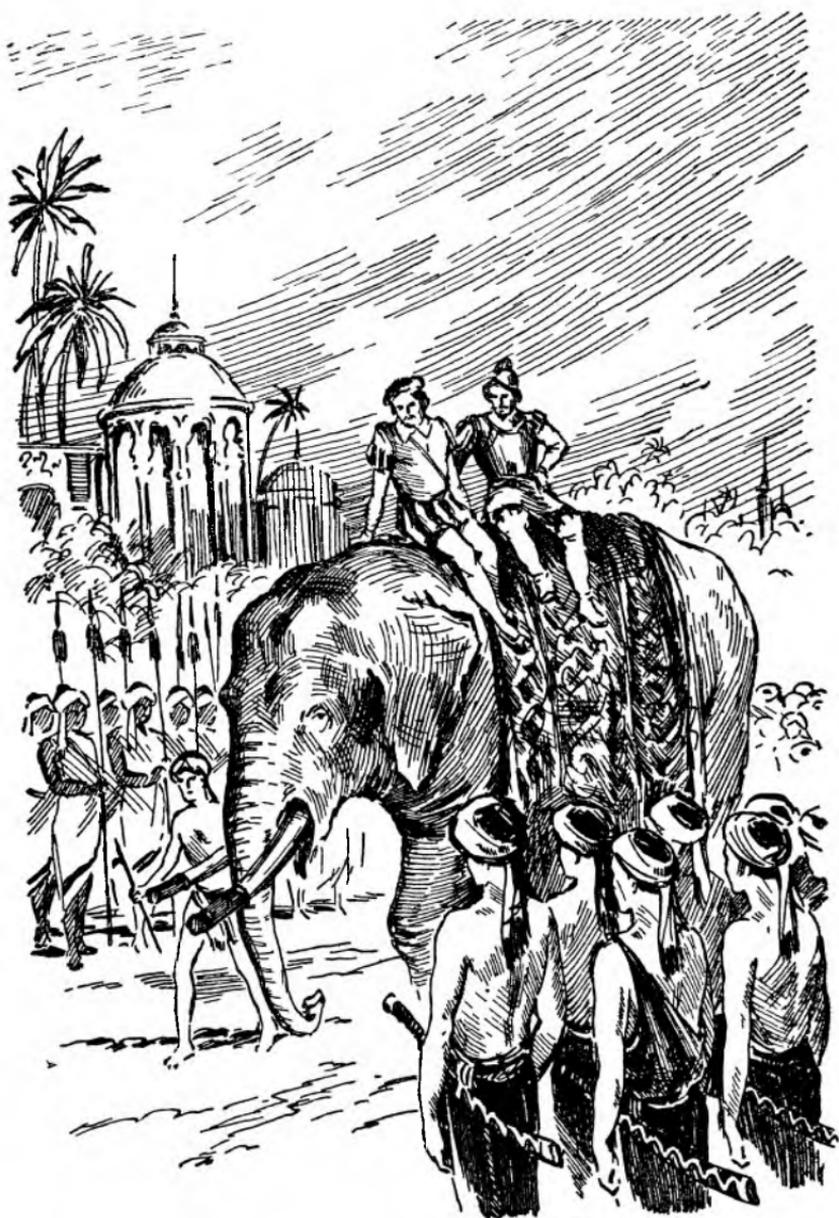
Они сообщили, что их властитель охотно разрешает нам добывать здесь продовольствие и запастись водой и вести торговлю сколько нам будет угодно. Услышав это, семеро наших спустились в пирогу, везя с собою подарок их властителю, состоявший из платья зеленого бархата, сшитого на турецкий манер, кресла обитого фиолетовым бархатом, пяти локтей красного сукна, головного убора, позолоченной чашки для питья, стеклянного сосуда с крышкой, трех тетрадей писчей бумаги и позолоченного письменного прибора. Для жены властителя мы захватили с собою: три локтя желтого сукна, пару посеребренных башмаков и серебряный игольник, полный иголок. Мы взяли с собою три локтя красного сукна, головной убор и позолоченную

чашку для питья для правителя. Глашатаю, прибывшему к нам на пироге, мы подарили платье из красного с зеленым шелка, сшитого на турецкий манер, головной убор и тетрадь писчей бумаги, и так мы дали всем семерым старейшинам — одному кусок сукна, другому головной убор, и каждому из них тетрадь писчей бумаги. После этого мы немедленно отправились на остров.

Прибыв в город⁹⁹, мы оставались в пироге два часа, пока не появились два слона, покрытые шелковыми попонами, и двенадцать человек, каждый из которых держал фарфоровый кувшин, закрытый шелком, в которых они должны были унести наши подарки. Тогда мы сели на слонов, и впереди нас пошли эти двенадцать человек с подарками в сосудах. Так мы доехали до дома правителя, где нас накормили ужином из многих и разнообразных блюд. Ночью мы спали на хлопковых матрацах, подбитых шелком, а простыни были из камбайского полотна. Половину следующего дня мы пробыли в доме правителя, после чего мы направились на слонах к дворцу властителя, предшествуемые, как и прошлый день, людьми с подарками. Все улицы от дома правителя до жилища властителя были полны людей, вооруженных мечами, копьями и щитами, ибо таков был приказ властителя. Мы въехали в дворцовый двор на слонах. Мы поднялись по лестнице в сопровождении правителя и других старейшин и вступили в большой зал, наполненный знатью, сели на ковер, а сосуды с подарками были поставлены поблизости от нас.

В конце этого зала был другой зал, несколько поменьше, но выше. Он был украшен шелковыми драпировками; два окна, через которые свет проникал в этот зал, были закрыты двумя расшитыми занавесами. Там находилось 300 телохранителей с обнаженными кинжалами у бедер. В конце малого зала было большое окно, расшитый занавес был отдернут затем, чтобы мы имели возможность лицезреть властителя, восседающего за столом с одним из своих юных сыновей, жуя бетель. Сзади него стояли одни только женщины.

Один из старейшин предупредил нас, что нам нельзя прямо заговорить с властителем и что если нам что-либо нужно, мы должны сказать об этом ему, а он, в свою очередь, передаст это особе более высокого положения. Последний сообщит это брату правителя, находящемуся в малом зале, а этот последний передаст это при помощи

разговорной трубы через отверстие в стене одному из лиц, находящихся в зале вместе с властителем. Он же научил нас, как сделать три поклона властителю при помощи рук, сложенных над головой, подняв раньше одну ногу, а затем и другую и целуя руки, протянутые к нему. Так мы и сделали, ибо такова тут форма царского поклона.

Мы сообщили властителю, что прибыли от короля Испании, что последнему угодно заключить с ним мир и он просит лишь разрешения на торговлю. Властитель ответил, что раз король Испании желает быть его другом, он с большой охотой станет его другом также, и что он разрешает нам брат здесь продовольствие и воду и вести торговлю как нам будет угодно. Мы ему вручили тогда подарки, и при получении каждого из них он слегка кивал головой. Каждому из нас дали парчевое с золотом и шелком платье, брошенное на наше левое плечо, где оно оставалось только короткий миг. Все находившиеся во дворце были наряжены в золототканое платье из шелка, которое покрывало их срамные части, у них были кинжалы, коих рукоятки были отделаны золотом и драгоценными камнями, на пальцах у них было много перстней. Мы возвратились в дом правителя на слонах, предшествуемые семерыми, несшими подарки властителя. Когда мы дошли до дома правителя, они роздали каждому из нас его подарок, кладя его на левое плечо. В благодарность за хлопоты мы дали каждому из них по паре ножей. К дому правителя явилось девять человек с таким же числом больших деревянных блюд, присланных властителем. На каждом блюде помещалось от 10 до 12 фарфоровых мисок с телятиной, каплунами, цыплятами, павлинами и мясом других животных, а также рыбой. Мы отужинали, сидя на пальмовой циновке на земле, тридцатью или тридцатью пятью различными блюдами из мяса, помимо рыбы и другой пищи. Каждый кусок пищи мы запивали их водкой из фарфоровой чашки величиной с яйцо. Рис и прочие сладкие блюда мы ели золотыми ложками, похожими на наши. В наших спальнях, в которых мы провели эти две ночи, постоянно горели свечи из белого воска в серебряных канделябрах, и две большие лампы, наполненные маслом, с четырьмя фитилями, причем два человека все время снимали с них нагар. Мы вернулись к берегу моря на тех же слонах, и две пироги отвезли нас на суда.

Весь город построен на море, за исключением домов властителя и некоторых главных начальников. Он состоит из

двадцати пяти тысяч очагов¹⁰⁰. Дома построены из дерева и возвышаются на сваях. Во время прилива женщины в лодках ездят по городу и продают все необходимое для поддержания жизни. Перед домом властителя выстроена большая кирпичная стена с башнями вроде крепости, и на ней размещены пятьдесят шесть бронзовых бомбард и шесть чугунных. Во время двухдневного нашего пребывания там несколько раз стреляли из многих пушек.

Властитель этих мест — мавр, и имя его раджа Сирипада. Ему было сорок лет от роду, был он стар и тучен. Ему служили только женщины, дочери главных начальников. Он никогда не покидает дворца, за исключением тех случаев, когда отправляется на охоту, и никому не позволено разговаривать с ним иначе, чем через разговорную трубу. У него десять писцов, именуемых «хиритолями»¹⁰¹, которые описывают его деяния на очень тонкой древесной коре.

Утром в понедельник, 29 июля, мы увидели свыше ста пирог, разделенных на три эскадры, и столько же «тунгули» [небольшие лодки], направляющиеся к нашим судам. Решив, что тут замышляется какая-то хитрость, мы с невозможной поспешностью подняли паруса, впопыхах оставив один из якорей. Мы были охвачены подозрением тем более, что могли очутиться между джонками, которые накануне бросили якорь вблизи наших судов. Мы немедленно выступили против них, захватили четыре джонки и перебили немало людей. Три или четыре джонки успели добраться до берега. В одной из захваченных нами джонок находился сын властителя острова Лосона. Он был капитаном-генералом властителя Бурне и вернулся на этих джонках из большого города, называемого Лаоэ¹⁰² и расположенного на окраине этого острова, обращенной к Большой Яве. Он предал этот город разрушению и разграблению по той причине, что тот отказал в повиновении властителю [Бурне], а поддался под руку властителя Малой Явы¹⁰³. Наш кормчий Джованни [Жуан] Каваджо самовольно отпустил на свободу капитана и джонки за определенную сумму золота, как это выяснилось впоследствии. Не отпусти его наш кормчий, мы могли бы получить в виде выкупа за него у властителя все, чего бы мы ни потребовали, так как этого капитана сильно боялись во всех этих краях, и особенно язычники, которые весьма враждебно относятся к властителю-мавр.

В этой же гавани находится и другой город с языческим населением; он размерами больше, чем город, населенный маврами, и точно так же построен на море. По этой причине между жителями обоих городов происходят в гавани ежедневные стычки. Властитель язычников столь же могущественен, как и властитель мавров, но не столь тщеславен, как тот, и его легко было бы обратить в христианство. Когда до слуха властителя мавров дошло известие о том, как мы поступили с джонками, он дал нам знать через одного из наших людей, оставшихся на берегу, что джонки вовсе не собирались учинить нам вред, а шли в поход против язычников. В доказательство этих слов мавры показали ему несколько голов убитых, которые, по их заявлению, принадлежали язычникам. Мы велели передать властителю просьбу сообразоваться и отпустить к нам двух из наших людей, оставшихся в городе на предмет торговли, а также сына Жуана Каваджо, родившегося в Верзине [Бразилии], но он отказал нам в этом. Таковы были последние известия того, что Жуан Каваджо отпустил на свободу капитана. Мы задержали шестнадцать знатнейших людей [захваченных на джонках], чтобы отвезти их в Испанию, а также трех женщин для королевы, но Жуан Каваджо забрал их себе.

Джонки¹⁰⁴ — это их корабли, и строятся они следующим образом. Подводная часть выше воды на два локтя и сделана из досок, скрепленных деревянными гвоздями, довольно хорошо сделанными; верхняя часть сделана из очень толстого тростника. Для противовеса служит бамбук. Грузоподъемность такой джонки такая же, как и у нашего корабля. Мачты сделаны из бамбукового дерева, а паруса из древесной коры.

Их фарфор — это нечто вроде очень белой земли, которая должна пролежать пятьдесят лет под землей прежде, чем ее употребляют, иначе она не будет такой тонкой. Отец закапывает ее в землю ради своего сына. Если положить отраву в сосуд из тонкого фарфора, то он немедленно трескается.

Деньги в этих краях у мавров бронзовые, по середине просверленные, чтобы можно было их нанизывать. Буквы выбиты на одной только стороне — их четыре и они означают титулы великого китайского императора. Мы называем эту монету «пичи»¹⁰⁵. Нам отдавали шесть фарфоровых блюдец за один ртутный «катил»¹⁰⁶, что равно двум

нашим фунтам; за тетрадь писчей бумаги мы получали сто «пичи»; небольшой фарфоровый сосуд мы покупали за 60 бронзовых «катилов»; фарфоровую вазу нам отдавали в обмен на три ножа; один «бахар», который равняется 203 «катилам» воска,— за 160 бронзовых «катилов»; один «бахар» соли — за 80 бронзовых «катилов»; один «бахар» «аниме» для конопачения наших судов (смолу невозможно найти в этих краях) — за 40 бронзовых «катилов»¹⁰⁷. 20 «тагилей» составляют один «катилов».

В этих краях высоко ценят бронзу, ртуть, киноварь, шерстяную материю, полотно и многие другие наши изделия, но превыше всего чугуны и очки¹⁰⁸. Эти мавры ходят нагишом, как и другие племена. Они пьют ртуть — большие для того, чтобы исцелиться, здоровые — ради сохранения здоровья.

Властитель Бурне владеет двумя жемчужинами величиною с куриное яйцо. Они настолько округлы, что не могут стоять неподвижно на столе. Я знаю, что это так, потому что, когда мы подносили ему дары, мы знаками попросили его показать их нам, и он ответил, что покажет их нам на следующий день. Некоторые старейшины говорили нам потом, что видели эти жемчужины собственными глазами.

Эти мавры поклоняются Магомету. Согласно его уставу, им запрещено потреблять свинину; если они моют свои ягодицы левой рукой, то нельзя этой же рукой дотрагиваться до пищи; им запрещено что-либо резать правой рукой, убивать птиц или коз не иначе, как предварительно обратившись к солнцу; они обязаны при этом отрезывать концы крыльев и свисающие вниз куски кожи, а также ножки птиц, а затем разрубать их надвое. Лицо должно мыть правой рукой, нельзя чистить зубы пальцами. Нельзя есть мясо животного, если оно не убито ими самими¹⁰⁹.

На этом острове производят камфару, род бальзама. Он просачивается между стволом дерева и корой, и капли эти столь же малы, как и частицы высевок. Если оставить ее на воздухе, то она превращается в ничто [испаряется]. Тут ее называют «капор»¹¹⁰. Здесь можно найти корицу, имбирь, сливы, апельсины, лимоны, «нангка», арбузы, огурцы, тыкву, репу, капусту, фиги, коров, буйволов, свиней, коз, кур, гусей, оленей, слонов, лошадей и мн. др. Остров так велик, что для объезда его на пироге требуется не менее трех месяцев. Он лежит на $5\frac{1}{4}^{\circ}$ широты по направ-

лению к северному полюсу и на $176\frac{2}{3}^{\circ}$ долготы от демаркационной линии. Остров этот называется Бурне [Борнео].

Покинув этот остров, мы вернулись назад в поисках удобного места для конопачения кораблей, которые начали давать течь. Один из кораблей наскочил из-за небрежности своего кормчего на мель у острова Бибалона¹¹¹, но с божьей помощью мы снялись с мели. Один из моряков на этом корабле сбросил нагар со свечи в бочку с порохом, но успел тотчас же вынуть его оттуда без всякого вреда для корабля. По пути следования мы захватили пирогу, груженную кокосовыми орехами и направлявшуюся в Борнео. Экипаж лодки пытался было бежать на островок, но мы овладели пирогой. Три другие пироги скрылись за другими островками.

У оконечности Борнео, именно между этим островом и островом, именуемым Симбонбон¹¹², расположенным на 8 градусах и 7 минутах широты, мы нашли превосходную гавань, пригодную для починки наших судов. Мы вступили в гавань, но так как нехватало многих предметов, нужных для ремонта, мы простояли там 42 дня. В продолжение всего этого времени каждый из нас работал очень усиленно: один делал одно, другой — другое. Самая большая трудность состояла в необходимости ходить босиком в лес за древесным материалом. На этом острове водятся дикие кабаны. Мы убили одного, который переходил вброд от одного островка к другому, охотясь за ним на лодке. Его голова имела $2\frac{1}{2}$ локтя в длину, зубы его очень большие. Там водятся большие крокодилы — как на суше, так и в воде, устрицы, крабы разного рода. В числе пойманных нами двух крабов один был такой большой, что мясо его весило 26 фунтов, мясо другого — 44 фунта¹¹³. Мы поймали рыбу с головой, похожей на голову свиньи, и двумя рогами. Тело ее состоит из одной только кости, на спине же у нее нечто вроде седла; она мала размерами¹¹⁴.

Мы нашли также деревья, листья которых, опадая, оживают и даже двигаются. Они похожи на листья шелковицы, но не такой длины. По обеим сторонам короткого и заостренного черешка у них две ножки¹¹⁵. Крови у них нет, но стоит лишь дотронуться до них, как они тотчас же ускользают. Один из них я хранил девять дней в коробке. Когда же я ее открывал, то лист двигался вокруг коробки. Я полагаю, что эти листья живут одним только воздухом.

Оставив за собою этот остров, т. е. гавань¹¹⁶, мы наткнулись по пути у оконечности острова Пулаоана на джонку, шедшую из Борнео. На ней находился правитель Пулаоана. Мы сделали ей знак переменить направление, но так как они отказались подчиниться нашему приказу, мы захватили силой пирогу, а также все, что на ней было. Правителю же мы заявили, что если он желает, чтобы мы его отпустили на свободу, то он должен доставить нам в течение недели 400 мер риса, 20 свиней, 20 коз и 150 кур. Предоставив нам все это, он преподнес нам в дар кокосовые орехи, фиги [бананы], сахарный тростник, кувшины с пальмовым вином и много других предметов. Во внимание к его великодушию мы вернули ему некоторое число кинжалов и аркебузов, дав ему сверх того флаг, платье из желтого дамасского сукна и 115 локтей материи. Брату правителя мы дали платье из зеленого сукна и другие вещи. После этого мы расстались друзьями.

Мы направились обратно между островом Кагайян и гаванью Кипит, держа курс на восток и юг в целях отыскания Молуккских островов. Мы прошли мимо некоторых небольших возвышений (рифов), поблизости от которых обнаружили море, покрытое травой, хотя глубина здесь была очень большая. Нам казалось при этом, что мы вступаем в другое море.

Оставив Кипит с восточной стороны, мы обнаружили в западном направлении два острова — Соло и Тагиму¹¹⁷, в окрестностях которых имеется жемчуг¹¹⁸. Тут-то и были найдены две жемчужины, принадлежавшие властителю Борнео, и он раздобыл их, согласно рассказам, следующим образом: он взял в жены дочь властителя Соло, и она сообщила ему, что эти две жемчужины находятся во владении ее отца. Властитель [Борнео] решил овладеть ими во что бы то ни стало. Ночью он отправился с 500 пирогами к этим островам, захватил в плен властителя и двух его сыновей и отвез их на Борнео. Властителю Соло он предложил дать свободу в обмен на две жемчужины.

Оттуда мы направились по курсу между востоком и севером и прошли мимо двух селений, Кавит и Субанин, а также мимо населенного острова Монорипа¹¹⁹, расположенного в 10 лигах от рифов. Население этого острова живет на лодках и иных жилищ не имеет. В этих двух поселениях, Кавите и Субанине, расположенных на островах Бутуан и Калаган, произрастает самая лучшая корица. Задержись

мы тут дня два, жители нагрузили бы наши корабли [корицей], но мы не хотели откладывать отъезда, намереваясь воспользоваться благоприятным ветром для того, чтобы обойти мыс острова и некоторые лежащие неподалеку от него островки. Во время плавания нам удалось обменять два больших ножа, взятых нами у правителя Пулаоана, на 17 фунтов [корицы].

Коричное дерево достигает высоты 3—4 локтей, толщиной оно с палец. У него не больше трех-четырех небольших веток, а листья его похожи на лавровые. Корицей является его кора, которую сдирают два раза в год. И древесина и листья такого же крепкого запаха, как и кора, когда они еще зеленые. Здесь его называют «каю мана»: «каю» означает дерево, и «мана» — сладкое, отсюда «сладкое дерево»¹²⁰.

По пути на северо-восток, направляясь к большому городу Майнгданао [Минданао], расположенному на острове, где находятся Бутуан и Калаган, чтобы добыть сведения о Молуккских островах, мы захватили «бигнидай», судно, похожее на пирогу¹²¹, и перебили на ней семь человек. Всего на ней находилось 18 человек — такого же крепкого сложения, как и все те, что встречались нам в этих краях. Это были начальники из Майнгданао, и в их числе один, оказавшийся братом властителя Майнгданао, который сказал нам, что знает местоположение Молуккских островов. В соответствии с его указаниями мы прервали наш курс на северо-восток и направились на юго-восток. На мысу острова, где расположены Бутуан и Калаган, вблизи реки, живут косматые люди, отменные воины и лучники. Они пользуются мечами длиной в один локоть и питаются только человеческими сердцами в сыром виде вместе с апельсинным или лимонным соком. Эти косматые люди носят название «бенаянов».

В это время мы находились на широте 6 градусов и 7 минут в направлении северного полюса и в 30 милях от Кавита.

По пути на юго-восток мы обнаружили четыре острова: Сибоко, Бирахам-Батолак¹²², Сарангани и Кандигар¹²³. В субботу, 26 октября, в ночную пору, когда мы направлялись вдоль берегов Бирахам-Батолак, на нас налетел сильнейший шторм. С обращенными к богу молитвами мы спустили все паруса, и тотчас же на трех мачтах появились тела святых [огни св. Эльма], которые рассеяли мрак.

Св. Эльм держался на грот-мачте свыше двух часов, пылая точно факел, св. Николай — на верхушке бизань-мачты, а св. Клара — на фок-мачте. Мы обещали святым Эльму, Николаю и Кларе по невольнику и роздали милостыню.

Продолжая наше плавание, мы вошли в гавань, что находится между островами Сарангани и Кандигар, и бросили якорь в восточной части поблизости от селения Сарангани, где находят золото и жемчуг. Местное население состоит из язычников; они ходят нагишом, как и все прочие [в этих краях]. Гавань расположена на широте 5 градусов и 9 минут и на расстоянии 50 лиг от Кавита.

Во время однодневной стоянки в этой гавани мы силой захватили двух лодманов и велели им показать нам дорогу к Молуккским островам. Затем, направившись на юго-юго-запад, мы прошли мимо восьми островов, из которых часть заселена, а часть необитаема; они расположены в виде улицы. Их названия: Кеава, Кабю, Каманука, Кабалусао, Кеан, Липан и Нуса¹²⁴. Миновав их, мы подошли к острову, прекрасному на вид. Так как дул встречный ветер, мы были лишены возможности обогнуть его, и нам оставалось лишь лавировать поблизости от него. Воспользовавшись этим, один из тех, кого мы захватили в Сарангани, а также брат властителя Майнгданао вместе со своим малолетним сыном сбежали ночью с корабля и вплавь добрались до острова; при этом ребенок утонул, не имея сил удержаться на спине своего отца. Не будучи в состоянии обогнуть остров, мы спустились ниже, где обнаружили множество маленьких островков. На этом острове правят четыре властителя: раджа Магандату, раджа Лалага, раджа Бапти и раджа Парабу. Население состоит из язычников. Остров лежит на $3\frac{1}{2}^{\circ}$ широты к северному полюсу и на расстоянии 27 лиг от Сарангани. Он называется Сангир.

Идя по тому же курсу, мы прошли мимо шести островов: Кеама, Каракита, Пара, Сангалура, Сиау — последний на расстоянии 10 лиг от Сангира, на нем находится высокая, но небольших размеров гора, правит на нем раджа Понто — и Пагинсара¹²⁵. Этот остров отстоит на 8 лиг от Сиау; на нем находятся три большие возвышенности. Имя его властителя раджа Бабинтан. Затем мы нашли остров Талаут, а на расстоянии 12 лиг к востоку от Пагинсары два острова небольших размеров, однако населенные, называемые Соар и Меау¹²⁶. Оставив за собой эти два острова, мы обнаружили в среду, 6 ноября, четыре

высоких острова в 14 лигах к востоку от двух вышеупомянутых. Находившийся среди нас лодман сказал, что эти четыре острова и есть Молуккские острова. Услышав это, мы возблагодарили бога и в знак радости дали залп из нашей артиллерии. Наша радость не должна казаться необыкновенной — ведь мы провели 27 месяцев без двух дней в поисках этих Молуккских островов. В месте расположения всех этих островов и вплоть до Молуккских в самом мелком месте глубина была от одного до двухсот локтей, вопреки утверждениям португальцев, что эти места не судоходны по причине множества мелей и темного неба, как они представляли себе ¹²⁷.

В пятницу, 8 ноября 1521 года, за три часа до заката, мы вошли в гавань на острове Тадор и, бросив якорь на глубину 20 локтей вблизи берега, дали артиллерийский залп. На следующий день к нашим судам подъехал на пироге властитель и сделал один круг. Мы немедленно вышли ему навстречу на маленькой лодке, дабы оказать ему почести. Он предложил нам перейти к нему на пирогу и сесть рядом с ним. Сам он сидел под шелковым зонтом, закрывавшим его со всех сторон. Впереди него находился один из его сыновей с царским скипетром, двое с двумя золотыми сосудами для омовения рук властителя и двое других с двумя ларцами с бетелем. Властитель заявил, что рад нашему приходу и что некоторое время назад ему привиделось во сне, что в Молукку предстоит прибытие судов из отдаленных краев. Для пущей уверенности он решил погадать по луне, благодаря чему он узнал, что суда находятся в пути и что мы уже прибыли. Когда властитель ступил на наш корабль, все облобызали ему руку, после чего его повели на корму. Чтобы войти внутрь шканцев, он перебрался туда через верхнее отверстие, не желая нагибаться. Усадив его в обитое красным бархатом кресло, мы набросили на него платье из желтого бархата, сшитое на турецкий манер. Чтобы оказать ему пушую честь, все мы уселись около него на полу. Тогда властитель заговорил и сказал, что он и его народ всегда были исполнены желания стать самыми преданными друзьями и вассалами нашего испанского короля. Он готов принять нас как своих детей, и мы можем сойти на берег и чувствовать себя там, как у себя дома, и что с этого дня этот остров будет именоваться не Тадором, а Кастилией, в силу большой любви, которую он испытывает к нашему королю, своему суверену. Мы преподнесли ему в дар

платье, кресло, кусок тонкого полотна, 4 локтя пурпуровой материи, кусок парчевого шелка, кусок желтой дамасской ткани, разную индийскую ткань, шитую золотом и шелком, кусок «берании» (белое камбайское полотно), два головных убора, шесть ниток стеклянных бус, 12 ножей, три больших зеркала, шесть пар ножиц, шесть гребенок, несколько позолоченных чашек и другие предметы. Сыну его мы подарили индийскую одежду из золототканной шелковой материи, большое зеркало, головной убор и два ножа, каждому из девяти присутствовавших при этом начальников по шелковому платью, головному убору и по два ножа; всем прочим — головные уборы и ножи. Мы продолжали раздавать подарки, пока властитель не предложил нам прекратить раздачу, после чего он объявил, что, кроме жизни, у него нет больше ничего, что он мог бы послать королю, своему суверену. Он предложил нам подойти ближе к городу и заявил, что если кто-нибудь осмелится ночью приблизиться к кораблям, мы в праве стрелять в него из своих ружей. Покидая корму, властитель ни разу не наклонил головы. Когда он покинул нас, мы дали залп из всех мушкетов.

Этот властитель — мавр, и ему около 45 лет от роду. Он хорошо сложен, и у него царственный вид. Он — превосходный звездочет. Во время посещения на нем была рубашка из чрезвычайно тонкой белой материи с рукавами, по краям расшитыми золотом, и покров от пояса до ступней. Он был на босу ногу, вокруг головы у него был повязан шелковый шарф, а на голове гирлянда цветов. Его имя раджа Султан Мансор.

В воскресенье, 10 ноября, этот властитель пожелал узнать, сколько времени назад мы покинули Испанию и какое каждому из нас положено жалованье и «кинталада»¹²⁸. Он попросил нас дать ему королевскую печать и королевский стяг, ибо и ныне и впредь он подчиняет этот остров, а также и другой остров, Таренат, где он намеревался посадить на престол своего внука, по имени Калонагапи, королю Испании. Он заявил, что готов биться на смерть за честь своего государя, когда же силы его иссякнут, он отправится со всей своей семьей в Испанию в джонке, недавно построенной, взяв с собой королевскую печать и знамя, и с той поры он до конца жизни — королевский слуга. Он просил нас оставить при нем несколько человек, дабы при виде их он постоянно помнил о короле испан-

ском. Ему не нужны наши товары, так как они не будут оставаться с ним. Он уведомил нас, что намерен отправиться на остров, называемый Бакьян, для ускорения погрузки наших кораблей гвоздикой, так как у него на острове нет потребного для погрузки количества сухой гвоздики. Так как это был день воскресный, то решили не вести торга. У них же праздничным днем считается суббота.

Дабы вашему сиятельству ведомо было, на каких островах произрастает гвоздика, я тут же их и перечислю. Их всего пять, а именно: Таренат, Тадор, Мутир, Макьян и Бакьян. Главный из них — Таренат, и когда жил раджа этого острова, то правил почти всеми остальными островами. Тадор, единственный из этих островов, на котором мы были, управляется раджей. На Мутире и Макьяне раджи нет,— ими управляет сам народ, и оба эти острова поставляют людей раджам Тарената и Тадора в тех случаях, когда между ними происходят военные действия. На пятом острове, Бакьяне, раджа имеется. Весь этот край, в котором растет гвоздика, называется Молуккой

За восемь месяцев до нашего прибытия сюда, в Таренат, умер некий Франсишку Серран¹²⁹, португалец. Он служил капитан-генералом у раджи Тарената, враждовавшего с раджей Тадора. Он повел дело так, что раджа Тадора отдал одну из своих дочерей в жены радже Тарената, и в качестве заложников почти всех сыновей вельмож. От этой-то дочери тот внук раджи Тадора, о котором речь шла выше. Таким образом был заключен мир между обоими властителями, но, когда Франсишку Серран явился однажды в Тадор закупать гвоздику, раджа Тадора дал ему отраву из упоминавшихся уже листьев бетеля. Он жил только четыре дня. Раджа собирался хоронить его по своему [магометанскому] обряду, но трое его слуг, христиан, воспротивились этому. Серран оставил после себя сына и дочь в малом возрасте, которых он прижил с женщиной, на которой женился на Большой Яве, и 200 бахар гвоздики. Он состоял в тесной дружбе и родстве с нашим королевским капитан-генералом, и именно он побудил последнего предпринять это путешествие, ибо в то время как Магальянш [Магеллан] был в Малакке, он неоднократно писал ему, что находится в Таренате. Когда дон Мануэль, король португальский, отказался повысить ему жалованье на один единственный тестон¹³⁰ в месяц, что было им заслужено, Магеллан отправился в Испанию и

там добился всего того, чего просил у его священного величества.

Спустя десять дней после смерти Франсишку Серрана раджа Тарената Абулеис, изгнавший с острова своего зятя, раджу Бакьяна, был отравлен своей дочерью, женою раджи Бакьяна. Раджа прожил не более двух дней и оставил после себя девять сыновей: Кекили-Момули, Джадоре, Руниги, Кекили де Роис, Сили Мансур, Силипаги, Кекили Катара, Вайеку Серих и Калано Гапи¹³¹.

В понедельник, 11 ноября, один из сыновей раджи Тарената, Кекили де Роис, подъехал к нашим судам, одетый в красный бархат. Он прибыл на двух пирогах, на которых играли на упомянутых уже ранее литаврах. Он отказался взойти на борт. С ним была жена и дети Франсишку Серрана и все имущество последнего. Когда мы узнали об этом, мы послали к радже осведомиться, можем ли мы принять у себя Кекили де Роиса, поскольку мы находились в его гавани, и он ответил, что мы можем поступить по нашему усмотрению. Но сын властителя, заметив, что мы колеблемся, отплыл на некоторое расстояние от наших кораблей. Мы поехали за ним на лодке для вручения ему подарка, состоящего из золототканного шелкового индейского платья, нескольких ножей, зеркал и пар ножниц. Он принял их с несколько надменным видом и тут же отъехал. Его сопровождал индеец-христианин, по имени Мануэль, слуга Педру Аффонсу ди Лороза, португальца¹³², прибывшего в Таренат из Бандана после смерти Франсишку Серрана. Так как этот слуга умел изъясняться по-португальски, то он поднялся на борт и рассказал нам, что, хотя сыновья раджи Тарената состоят во враждебных отношениях с раджей Тадора, они всегда готовы служить королю Испании.

С этим слугою мы передали письмо Педру Аффонсу ди Лороза, приглашая его приехать к нам без всяких колебаний.

У этих раджей столько жен, сколько они пожелают иметь, но одна считается главной, и ей повинуются все остальные. У упомянутого раджи Тадора большой дом за городом, и в нем живут двести главных жен его, в услужении коих находится такое же число женской прислуги. Во время приема пищи раджа находится один или вместе с главной женой на возвышении вроде галлерей, и той, которая понравится ему больше всех других, он приказывает

провести с ним ночь. Окончив есть, он может повелеть женщинам есть всем вместе, в противном случае каждая отправляется есть в свою комнату. Без разрешения раджи никто не в праве смотреть на этих женщин, и если найдут кого-нибудь поблизости от покоев раджи, будь то днем или ночью, его тотчас же убивают. Каждое семейство обязано отдавать королю одну или двух дочерей. У него 26 детей, в том числе 8 сыновей, остальные все девочки.

Неподалеку от этого острова лежит большой остров Жалоло (Жилоло), населенный маврами и язычниками¹³³. У этих мавров были двое раджей, один из которых, по словам властителя (Тадора), имел 600 детей, а другой — 525. У язычников нет такого большого числа жен. Нет у них также такого множества суеверий. В течение дня они боготворят тот предмет, который первый бросается им в глаза, как только утром они выходят из дому. Повелитель этих язычников, раджа Папуа, обладает несметным количеством золота и обитает внутри острова.

На кремнистых скалах острова Жилоло растет тростник толщиной с ногу, наполненный водой, очень приятной на вкус. Мы здесь закупили очень большое количество этого тростника¹³⁴.

Во вторник, 12 ноября, раджа за один день приказал построить в городе дом для наших товаров. Мы снесли сюда почти все наши товары и приставили четырех человек для охраны. Мы открыли немедленно торг, который вели таким способом. За 10 локтей красного сукна высокого качества нам давали один бахар гвоздики, что равнозначно четырем кинталам, или шести фунтам; за 15 локтей сукна не особенно высокого качества — один кинтал, или 100 фунтов; за 15 топориков — один бахар; за 35 стеклянных чашек — один бахар (раджа сам забрал все чашки); за 17 катиллов киновари — один бахар; за 17 катиллов ртути — один бахар; за 26 локтей полотна — один бахар; за 150 ножей — один бахар; за 50 пар ножниц — один бахар; за 40 головных уборов — один бахар; за 10 локтей гудзератской материи¹³⁵ — один бахар; за 3 гонга, что у них в употреблении, — два бахара; за кинту бронзы — один бахар. Почти все зеркала, которые мы везли с собою, по пути разбились; немногие уцелевшие раджа пожелал оставить себе. Большинство пущенных нами в обмен предметов были с джонок, которые мы в свое время захватили. Мы торопились с возвращением в Испанию, вследствие чего

отдавали свой товар туземцам на более выгодных для них условиях, чем мы это делали бы при других обстоятельствах. Ежедневно нам привозили к кораблям на лодках такие количества коз, кур, бананов, кокосовых орехов и прочего продовольствия, что мы только диву давались. Мы запаслись пресной водой, которая в горячем виде бьет из земли; стоит поддержать ее на воздухе вне источника в продолжение часа, как она становится очень холодной, и это объясняется тем, что она берет начало в горах, где растет гвоздика. Это явление опровергает ходячее в Испании представление, что на Молукку надо возить воду из отдаленных мест¹⁻⁶.

В среду раджа отправил своего сына, по имени Моссаап на остров Мутир, чтобы ускорить снабжение нас (гвоздикой). В тот же день мы уведомили раджу, что захватили некоторых индейцев. Раджа сердечно возблагодарил бога и попросил нас оказать ему услугу и передать ему трех пленных, дабы он мог отослать их назад в их страну в сопровождении пяти человек из числа его слуг с тем, чтобы они прославили имя испанского короля и также его собственное. Тогда мы передали ему трех женщин, захваченных нами для королевы, в исполнение его намерения. На следующий день мы передали радже всех наших пленников, за исключением захваченных нами в Борнео, и он горячо поблагодарил нас за это. После чего он попросил нас в знак нашей любви к нему перебить всех свиней, которые были на наших кораблях, в возмещение чего он обещал выдать нам такое же число коз и птиц. Чтобы доставить ему приятное, мы зарезали наших свиней и вывесили их туши под деком. Стоит местному жителю увидеть свинью, как он закрывает лицо, чтобы не смотреть на нее или не обонять ее запаха.

Под вечер того же дня приехал на пироге португалец Педру Аффонсу. Он не успел еще высадиться на берег, как раджа послал за ним, чтобы воодушевить его, и шутя потребовал, чтобы он давал правдивые ответы на все наши вопросы, даже если он прибыл с острова Тарената. Он рассказал нам, что в Индии находится уже шестнадцать лет, из них 10 лет в Молукке, так как Молуккские острова были уже открыты без всякой огласки некоторое время тому назад. Прошел уже год без двух недель с того дня, как в это место прибыло из Малакки большое судно и уехало, приняв груз гвоздики, но по причине неблагоприятной погоды вынуждено было задержаться на несколько месяцев в

Бандане. Капитаном этого судна был португалец Триштан ди Менезиш¹³⁷. На вопрос Педру Афонсу, что нового в христианском мире, тот ответил, что флот в составе пяти судов вышел из Севильи под начальством Фернанда Магеллана, португальца, для того чтобы, по поручению короля Испании, открыть Молукку; что король Португалии, раздосадованный тем, что португалец посмел пойти против него, послал несколько судов к мысу Доброй Надежды и столько же судов к мысу Святой Марии, где живут людоеды, с целью воспрепятствовать продвижению [флота Магеллана], но они не нашли его. Узнав вскоре, что этот капитан перешел в другое море и находится на пути в Молукку, король португальский немедленно написал своему главному капитану в Индии дону Дьогу Лопиш ди Сикейра¹³⁸ приказ направить шесть судов в Молукку. Но последний не мог сделать этого по той причине, что в Малакку направлялся в это время турецкий султан, и он вынужден был выслать ему навстречу 60 весельных судов к проливу Мекки в стране Джуда¹³⁹. Они нашли только небольшое число галер с пробоинами на побережье могучего и красивого города Адема и сожгли все эти галеры. После этого главный капитан выслал навстречу нам большой галеон с двумя рядами пушек, но галеон не имел возможности двинуться дальше из-за мелей и течений вблизи Малакки, а также противного ветра. Капитаном этого галеона был Франсишку Фарья¹⁴⁰, португалец. За несколько дней до нашего прихода сюда в этих местах появилась каравела с двумя джонками, чтобы добыть о нас сведения. Джонки с семью португальцами на них прибыли в Бакьян, чтобы принять груз гвоздики. Так как эти португальцы отнеслись без должного уважения к женам раджи и его подданным и отказывались повиноваться правилам, то их убили. Когда весть об этом дошла до оставшихся на каравеле, они решили немедленно вернуться в Малакку, покинув джонки с 400 бахарами гвоздики и немалым количеством товаров для закупки дополнительных 100 бахаров.

Ежегодно немалое число джонок отправляется из Малакки в Бандан и из Бандана в Молукку за гвоздикой¹⁴¹. Туземцы совершают рейс от Молукки в Бандан за три дня, а из Бандана в Малакку за две недели.

Король португальский уже десять лет пользуется Молуккскими островами так, чтобы король испанский ничего об этом не знал.

Этот португалец оставался у нас до 3 часов утра и рассказал нам многое другое. Мы настойчиво убеждали его вернуться с нами в Испанию, обещав ему за то хорошее жалование, и он согласился на это.

В пятницу, 15 ноября, раджа заявил, что намерен отправиться в Бакьян за гвоздикой, брошенной там португальцами. Он просил дать с ним два подарка для двух правителей Мутира от имени короля Испании. Проходя мимо наших судов, он выразил желание посмотреть, как стреляют наши арбалеты, ружья и кулеврины, — последние размерами больше ружья. Он сам три раза выстрелил из арбалета, и это понравилось ему больше, чем стрельба из аркебуза.

В субботу раджа мавров острова Жилоло подошел к нашим судам в сопровождении большого числа пирог. Некоторым из его спутников мы подарили немного дамасского шелка, два локтя красного сукна, зеркала, ножницы, ножи, гребенки и две позолоченные чашки. Раджа сказал, что, раз мы друзья раджи Тадора, то тем самым мы и его друзья, так как он любит того, как своего родного сына. Кто бы из нас ни пришел в его страну, ему будут оказаны величайшие почести. Этот раджа преклонных лет и, так как он очень могущественен, то внушает страх всем жителям этих островов. Его имя раджа Джессу.

Остров Жилоло таких больших размеров, что для объезда его на пироге требуется четыре месяца.

В воскресенье утром этот же раджа подошел к нашим судам и пожелал понаблюдать, как мы ведем войну и стреляем из наших орудий. Это доставило ему величайшее удовольствие. Он уехал тотчас же после того, как выстрелили из орудий. Нам рассказывали, что в молодости он слыл искусным воином.

В тот же день я высадился на берег посмотреть, как растет гвоздика. Гвоздичное дерево высокое, толщиной оно с человеческое тело или около этого. У середины ствола ветки широко раскинуты, а на верхушке они имеют форму пирамиды. Листья похожи на лавровые, а кора темного цвета. Гвоздика растет на концах веточек, по 10 или 20 штук вместе. На гвоздичных деревьях бывает больше плодов то на одной, то на другой стороне, в зависимости от времени года. Побеги гвоздики белые, в период созревания они красного цвета, а высушенные — темного. Их собирают дважды в год: в рождество господа нашего спасителя, и другой раз

ко дню Иоанна Крестителя, так как климат становится более умеренным в эти два времени года, особенно ко времени рождества нашего спасителя. Если в течение года стоит жаркая погода и бывает мало дождей, то здесь на каждом острове собирают от 300 до 400 бахаров гвоздики. Гвоздичные деревья растут только в горах, когда же их высаживают в долинах вблизи гор, они погибают. Листья, кора и древесина издают такой же крепкий запах, как и плоды гвоздики. Если не собрать их, когда они созрели, то они становятся больше и такие твердые, что пригодной остается только ее шелуха. Гвоздика не водится нигде на свете, кроме как на пяти горах на этих пяти островах; правда, несколько гвоздичных деревьев обнаружено было и на Жилоло и на небольшом островке между Тадором и Мутиром, по названию Маре¹⁴², но плоды их не так хороши. Почти каждый день наблюдали мы, как спускался туман, окружая то ту, то другую из гор на этом острове; благодаря этому туману гвоздика становится лучше качеством. У каждого туземца имеются гвоздичные деревья, и каждый из них оберегает свои собственные деревья, но они не разводят их.

В этой стране растет мускатный орех. Дерево, носящее мускатный орех, походит на наше ореховое дерево, сходство имеют также и листья. Мускатный орех, когда его собирают, имеет вид маленькой айвы: у него такой же пушок и тот же цвет. Наружная кожура его такой же толщины, как и зеленая шелуха нашего ореха. Под ней находится тонкая кожура, а под ней мацис [мускатный цвет]. Он яркого цвета и устилает все дно ореховой скорлупы; в ней и заключен мускатный орех.

Строятся тут дома таким же образом, как и в других местах, с той лишь разницей, что они не так высоко выступают над землей и окружены, точно изгородью, бамбуковыми деревьями.

Женщины безобразны на вид, ходят нагие, как и все другие в этих краях, покровами для них служит древесная кора. Эти покровы изготавливаются ими следующим образом. Они кладут кусок коры в воду и оставляют его там, пока он не станет более мягким. Затем они бьют по нему деревянными колотушками, удлиняя его таким образом до желаемых размеров. Кора становится похожей на пелену из шелка-сырца, и нити на ней производят впечатление ткани.

Хлеб готовится ими из дерева, похожего на пальму, следующим способом. Они берут кусок мягкой древесины и

удаляют от него длинные черные колючки. После этого они толкут эту древесину и таким образом получают хлеб. Этот хлеб они называют «сагу» [саго]: это — единственное продовольствие, которое они берут с собою во время морских плаваний¹⁴³.

Ежедневно из Тарената приходили лодки, груженные гвоздикой, но мы приобретали только предметы продовольствия, так как ожидали возвращения раджи. Приезжавшие из Тарената выражали сильное недовольство по поводу того, что мы не вступали с ними в торг.

В ночь с воскресенья 24 ноября на понедельник прибыл раджа с музыкантами, игравшими на литаврах, и прошел между нашими судами, по каковому случаю мы дали несколько залпов. Он сообщил нам, что гвоздика прибудет сюда дня через четыре. В понедельник раджа прислал нам 791 катил гвоздики, не считая тары. Считать тару значило бы принять меньший вес пряностей, так как последние теряют ежедневно в весе, становясь более сухими. Так как это был первый принятый нами груз гвоздики, то мы дали много выстрелов из наших орудий.

Гвоздика носит тут название «гомод»; в Сарангане, где мы взяли в плен двух лопманов, она называется «бонгалаван», в Малакке «чанче»¹⁴⁴.

Во вторник, 26 ноября, раджа заявил, что не в обычаях раджи покидать свой остров, но что он покинул свой остров из любви, которую питает к королю Кастилии, а также для того, чтобы мы могли скорее отправиться в Испанию и затем вернуться сюда с таким числом судов, которое дало бы возможность отомстить за его отца, умерщвленного на острове Буру¹⁴⁵ и сброшенного затем в море. Он сказал нам также, что, по существующему здесь обычаю, каждый раз, когда суда или джонки грузятся гвоздикой нового урожая, раджа устраивает пир для экипажей судов и молебствия своему богу о ниспослании благополучного плавания груженными пряностями судам. Он это делает с тем большей охотой, что в это время у него в гостях раджа Бакьяна вместе со своими братьями. Для этой цели он велел навести чистоту на улицах города. Некоторые из нас заподозрили в этом готовящуюся измену, так как мы узнали, что три португальца, сопровождавшие Франсишку Серрана, были убиты в том самом месте, где мы запасались пресной водой, некоторыми туземцами, скрывшимися в густой чаще, а также потому, что заметили индейцев, перешептывающихся с на-

шими пленниками. По этим причинам одни из наших возвращались тем, которые намерены были пойти на праздник, напомнив им о празднике, оказавшемся для нас столь злополучным. Мы приняли срочные меры к отплытию и решили просить раджу тотчас же явиться к нам, ибо мы готовимся уже к отъезду и намерены передать ему обещанных четырех человек, помимо некоторых товарищей. Раджа вскоре явился и взошел на борт. Своим спутникам он сказал, что является к нам с полной верой в свою безопасность, как если бы он пришел в свой собственный дом. По его словам, он был весьма удивлен нашим намерением отплыть так скоро, невзирая на то, что судам обычно требуется тридцать дней для погрузки: он-де покинул свою страну не ради того, чтобы учинить нам ущерб, а, напротив того, чтобы помочь наискорейшей погрузке гвоздики. Если бы он был предупрежден об этом, он не уезжал бы, так как это время года неподходящее для плавания как потому, что у Бандана находятся мели, так и потому, что мы можем легко наткнуться на португальские суда [в этих водах]. Если все же, невзирая на все это, мы решили уехать, то мы должны забрать с собою весь товар: ведь все раджи окрестных стран могут сказать, что раджа Тадора, получивший так много даров от столь могущественного государя, ничего не отдал ему взамен; они могут также подумать, что мы уехали из боязни какого-нибудь предательства, и впредь будут считать его предателем. При этом он взял свой коран и, предварительно облобызав его и три или пять раз возложив его на голову и произнеся при этом про себя несколько слов (они называют это «самбахеан») ¹⁴⁶, заявил во всеуслышание, что поклялся Аллахом и кораном, который находится в его руках, что он навсегда останется преданным другом государя Испании. Все это он говорил чуть ли не со слезами на глазах. В ответ на эти его заявления мы сообщили ему, что готовы оставаться тут еще недели две, и вручили ему при этом королевскую печать и штандарт. Все же впоследствии мы узнали от осведомленных лиц, что некоторые из начальников этих островов действительно замыслили убить нас, говоря при этом, что это доставило бы величайшее удовлетворение португальскому королю и что последний простит им за это ущерб, учиненный им в Бакьяне. Раджа же заявил им, что он ни в коем случае не согласится так поступить, раз он признал государя Испании и заключил с ним мир.

В среду, 27 ноября, в послеобеденное время раджа издал приказ, которым обязал всех собственников гвоздичных деревьев принести гвоздику на наши корабли. Весь этот и следующий день мы вели с всевозможной энергией меновую торговлю. В среду после полудня прибыл правитель Макьяна с большим числом пирога. Он отказался высадиться на берег, объяснив это тем, что изгнанные из Бакьяна его отец и один из братьев находились в Тадоре. На следующий день наш раджа и его племянник, правитель, поднялись на борт. Так как у нас не было больше сукна, то раджа велел принести из своих запасов три локтя материи и отдал их нам, а мы вручили их вместе с некоторыми подарками правителю. При его отплытии мы дали несколько залпов. После этого раджа прислал нам еще шесть локтей красной материи для вручения правителю, что мы немедленно и сделали, и он сердечно поблагодарил нас за подарки, пообещав послать нам порядочное количество гвоздики. Имя этого правителя Гумар. Ему было тогда двадцать пять лет от роду.

Правитель уехал в воскресенье, 1 декабря. Нам сообщили, что раджа Тадора в свою очередь дал ему шелковую одежду и несколько литавров из своих запасов с тем, чтобы он поскорее прислал нам гвоздику.

В понедельник раджа отбыл из своей страны за гвоздикой. В среду утром мы дали залп из всех пушек по случаю дня св. Варвары¹⁴⁷, а также прибытия раджи. Ночью раджа появился на берегу и попросил показать стрельбу и фейерверк, чем остался весьма доволен. В четверг и пятницу мы закупили много гвоздики как в городе, так и на судах. За четыре локтя лент нам давали в обмен один бахар гвоздики, за две бронзовые цепочки — ценю в один «марчелло»¹⁴⁸, — 100 фунтов гвоздики. Когда у нас истощились все запасы товаров, многие из наших начали выменивать свои собственные вещи на гвоздику, дабы иметь и свою долю в грузе: один отдавал плащ, другой — свой камзол, третий — рубашку, а также и другие предметы одежды.

В субботу на борт поднялись трое сыновей раджи Тарената с тремя своими женами, дочерьми нашего раджи, и Педру Аффонсу, португалец. Каждому из трех братьев мы подарили по позолоченной стеклянной чашке, а женщинам — по паре ножиц и другие предметы. При их отъезде были сделаны выстрелы из многих пушек. Вслед за этим мы отослали много подарков дочери нашего раджи, жене раджи

Тарената: она отказалась притти к нам вместе с другими. Все они, и мужчины и женщины, ходят босиком.

В воскресенье, 8 декабря, в день зачатия, мы сделали много выстрелов из ружей и пушек и жгли фейерверк. В понедельник перед вечером на борт поднялся раджа с тремя женами, которые несли его бетель. Брать женщин с собой имеет право только один раджа. Вскоре явился и раджа Жилоло, снова пожелавший посмотреть нашу стрельбу. Спустя несколько дней раджа заявил нам, что он чувствует себя точно грудной младенец, которого отрывают от лона дорогой матери. Безутешность его сильнее еще оттого, что он сроднился с нами и почувствовал вкус к некоторым испанским изделиям. Именно в силу того, что нашего возвращения приходится ожидать лишь в далеком будущем, он настойчиво просил нас оставить ему наши кулеврины для личной его защиты. Когда мы уезжали, он советовал нам плыть только днем, принимая во внимание наличие множества мелей среди этих островов. Мы возразили ему, заявляя, что должны ехать день и ночь, если хотим добраться до Испании. Выслушав наши возражения, он сказал, что будет ежедневно возносить мольбы своему богу, дабы он довел нас невредимыми до назначения. Так как раджа Бакьяна собирается женить одного из своих сыновей на одной из его (раджи Тадора) дочерей, то он просит нас придумать какое-нибудь развлечение для увеселения гостей, но он против залпов из крупных пушек, из боязни, что стрельба может повредить нагруженным судам. В это же время явился к нам и португалец Педру Аффонсу с женой и всем своим скарбом, чтобы остаться с нами. Два дня спустя приехал на хорошо укомплектованной людьми пироге Кекили де Риос, сын раджи Тарената. Он попросил португальца спуститься к нему на несколько минут, но тот отказался, заявив, что вместе с нами отправляется в Испанию, в ответ на что сын раджи сделал попытку подняться на борт, но мы его не допустили, зная, что он состоит в тесной дружбе с португальским капитаном Малакки и прибыл сюда, чтобы захватить португальца. Тогда он начал ругать тех, что находились рядом с португальцем, за то, что они допустили его на корабль без его разрешения.

В воскресенье, 15 декабря, в предвечернее время приехал раджа Бакьяна со своим братом на пироге с тремя рядами весел у каждого борта. Всего было на пироге 120 весел. На них были флаги из перьев белых, желтых и

красных попугаев. Слышны были звуки многочисленных литавров, весла двигались в такт этим звукам. На двух пирогах приехали девушки, предназначенные в дар ново-брачной. Когда они проходили мимо судов, мы приветствовали их выставками из пушек, они же отвечали нам тем, что объехали вокруг кораблей и сделали круг по гавани. Наш раджа прибыл, чтобы приветствовать его, так как не в обычае одного раджи высаживаться на территории другого раджи, так что когда раджа Бакьяна увидел приближающегося к нему нашего раджу, он поднялся с ковра, на котором сидел, и занял один его край. Наш раджа отказался сесть на другой край ковра, и таким образом ни один из них не занимал ковра. Раджа Бакьяна вручил нашему радже 500 «патолой» за то, что последний выдает свою дочь за брата первого. Патолы представляют собою золототканную шелковую материю, производящуюся в Китае и высоко ценимую в этих краях. Когда кто-нибудь здесь умирает, то члены семьи одеваются в эту материю, чтобы тем оказать покойнику больше почестей. За одно из таких платьев они отдают три бахара гвоздики или около этого, сообразно качеству материи.

В понедельник наш раджа послал с пятьюдесятью женщинами, покрытыми шелковыми нарядами от пояса до колен, пиршественное угощение радже Бакьяна. Женщины эти шли по две в ряд, посредине находился мужчина. Каждая несла большое блюдо, на котором стояли маленькие блюда с разнообразными яствами. Мужчины несли одни только большие кувшины с вином. Десять самых старых женщин выступали в качестве жезлоносцев. Так дошли они до самой пирог, где вручили все радже, восседавшему на ковре под красно-желтым балдахинном. На возвратном пути женщины потащили с собою некоторых наших моряков, которым удалось освободиться от них, только раздав им маленькие подарки. Раджа прислал нам коз, кокосовые орехи, вино и много других предметов продовольствия.

В этот день мы завязали на кораблях новые паруса. На них был изображен крест св. Якова из Галисьи¹⁴⁹ и надпись, которая гласила: «Это — образ нашей благоприятной судьбы».

Во вторник мы преподнесли в дар нашему радже несколько орудий вроде аркебузов из числа тех, которые мы захватили на этих островах, а также несколько кулеврин вместе с четырьмя бочками пороха. Мы приняли на борт

каждого корабля по восьмидесяти бочек воды. За пять дней до этого раджа отправил сто человек нарубить для нас дрова на остров Маре, мимо которого мы должны были пройти. В этот же день на берег пришел раджа Бакьяна с многочисленной свитой для того, чтобы заключить с нами мир. Впереди раджи шествовало четыре человека с обнаженными кинжалами в руках. Он объявил в присутствии нашего раджи и всех других, что навсегда посвящает себя службе государю Испании и что ради него он будет сохранять оставленную португальцами гвоздику вплоть до прибытия следующего нашего флота и что без разрешения государя он никогда не отдаст ее португальцам. В подарок государю Испании он посылает раба, два бахара гвоздики (он предлагал десять бахар, но чрезмерно нагруженные корабли не могли принять все присланное количество) и двух мертвых птиц необычайной красоты. Величиной эти птицы с дрозда, с маленькой головой и длинным клювом. Ноги их длиною в одну пядь и тонкие, как тростинки; у них нет крыльев, вместо них длинные перья разнообразной расцветки, наподобие султана. Хвост у них, как у дрозда. Остальные перья у них цвета дубленой кожи. Они летают только при ветре. Туземцы считают, что эти птицы происходят из земного рая, а потому называют их «болон дивата», что значит «божьи птицы»¹⁵⁰.

В этот день каждый из раджей Молукки написал государю Испании письмо с изъявлениями верности. Радже Бакьяна около 70 лет. Обычай его таков: всякий раз, как он собирается на войну или на какое-нибудь иное значительное предприятие, он предварительно дважды или трижды испытывает свою силу на одном из своих слуг, которые предназначены для одной только этой цели.

Однажды наш раджа прислал сказать нашим людям, находившимся в здании, где хранились наши запасы, чтобы они не выходили ночью наружу, так как некоторые из его людей, совершив помазание, бродят ночью по городу. Они кажутся безголовыми и, когда встречаются кого-нибудь, дотрагиваются до его руки и втирают ему немного мази, после чего человек этот заболевает и, спустя три или четыре дня, умирает. Встречая трех или четырех человек, они одурманивают их и лишают чувств. Раджа, по его словам, многих из них повесил.

Построив новый дом, местные жители, прежде чем поселиться в нем, зажигают вокруг него огни и устраивают

пиры, а потом прикрепляют к кровле образчики всего того, что находится на острове, с той целью, чтобы обитатели дома ни в чем не испытывали недостатка.

Имбирь имеется повсюду на этих островах. В неспелом виде он заменял нам хлеб. Имбирь растет не на деревьях, а на небольших растениях, которые пускают из почвы побеги длиною в одну пядь, похожие на тростник, и листья на них подобны листьям тростника, только более узкие. Имбирь дают не побеги, а их корни. В сыром виде он не так вкусен, как в засушенном. Тут его сушат в извести, иначе он не сохраняется.

В среду утром мы собрались в путь, и к нам явились раджи Тадора, Жилоло и Бакьяна проводить нас до острова Маре. На корабле «Виктория» подняли паруса, но несколько повредили с отплытием в ожидании корабля «Тринидад»¹⁵¹. Но на последнем никак не могли поднять якорь, и внезапно обнаружили течь. Поэтому «Виктория» вернулась к месту стоянки, и мы тут же принялись разгружать корабль, чтобы можно было приступить к починке. Вода вливалась с силой, словно через трубу, но мы никак не могли найти пробойну. Весь этот и следующий день мы занимались только выкачиванием воды, но все наши усилия оказались тщетными. Узнав о нашей беде, к нам поспешил наш раджа и приложил немало стараний, чтобы самому найти пробойну. Он послал пятерых своих спутников, приказав им нырнуть в воду и попытаться найти пробойну под водой. Они пробыли там не менее получаса, но им точно так же не удалось найти пробойну. Видя тщету своих усилий помочь нам, а между тем вода с каждым часом все прибывала, он чуть ли не со слезами на глазах объявил нам, что поедет на остров за тремя своими людьми, которые могут оставаться под водою более долгий срок. В пятницу поутру прибыл наш раджа с тремя своими людьми. Он тотчас же приказал им нырнуть в воду с распущенными волосами, дабы таким способом они могли обнаружить течь. Целый час они пробыли в воде, но все же не могли найти пробойну. Убедившись в своей бессилии помочь нам, он спросил нас в слезах, кто из нас отправится «в Испанию к моему повелителю, чтобы дать ему знак обо мне». Мы ответили ему, что туда отправится «Виктория», пользуясь подувшими кстати южными ветрами, а «Тринидад» после ремонта, дождавшись западного ветра, направится в Даррен, расположенный по другую сторону моря, в краю

Дьюкатан [Юкатан]. Раджа сказал, что у него имеется сто двадцать пять плотников, которые займутся ремонтными работами, а к оставшимся здесь нашим он будет относиться так, как если бы они были его сыновьями. За исключением двоих из нас, которые будут наблюдать за работами, все остальные будут свободны от каких-либо тягот. Он говорил это с таким пылом, что мы невольно прослезились. Мы, отправлявшиеся на «Виктории», опасаясь, чтобы корабль не расселся от чрезмерного груза, сбросили с него шестьдесят кинталов гвоздики и перенесли в дом, в котором хранились остальные запасы гвоздики. Некоторые из наших моряков пожелали остаться на острове, боясь, что судно не выдержит переезда в Испанию, но лучше всего, чтобы не умереть по пути от голода.

В субботу, 21 декабря, в день св. Фомы, к нам явился наш раджа и привел с собою двух лоцманов, которым мы уплатили за то, чтобы они вывели нас за пределы этих островов. Они заявили, что погода как раз подходящая для отплытия, но так как остававшиеся на острове писали в это время письма в Испанию, мы не могли двинуться в путь ранее полудня. Когда же этот час наступил, корабли обменялись прощальными пушечными залпами, и казалось, что они, как бы рыдая, расставались один с другим. Оставшиеся на острове провожали нас на лодках, и мы наконец расстались после слез и объятий. Правитель провожал нас до самого острова Маре. Не успели мы подойти к острову, как тут же закупили четыре пирога с дровами и менее чем за час времени подняли их на борт и немедленно пустились в путь по направлению к юго-западу. На острове остался Жуан Каваджо с 53 нашими¹⁵², а экипаж нашего судна состоял из 47 наших и 13 индейцев.

На острове Тадоре имеется епископ. Когда мы были на острове, у этого епископа было 40 жен и множество детей.

Повсюду на Молуккских островах находится гвоздика, имбирь, саго (это их древесный хлеб), рис, козы, гуси, куры, кокосовые орехи, фиги [бананы], миндаль, размерами больше чем наш, сладкие и вкусные гранаты, апельсины, лимоны, пататы, мед, производимый пчелами величиной с муравья,— они откладывают его на деревьях,— сахарный тростник, кокосовое масло, кунжутное масло, арбузы, дикие огурцы, тыква, освежающий плод величиной с огурец, по названию «комуликай», другой плод, похожий на персик и

называемый «гуава», и другие виды плодов. Там находятся также попугаи разной окраски, в том числе белого цвета, называемые «катара», и некоторые сплошь красного цвета, называемые «нори». Красный попугай ценится на вес бахара гвоздики; он гораздо отчетливее произносит слова, чем все остальные.

Мавры, населяющие Молуккские острова, живут там около пятидесяти лет. Обитавшие на этих островах до них язычники не обращали ни малейшего внимания на гвоздику. Остатки язычников живут в горах, где произрастает гвоздика.

Остров Тадор лежит на широте $22'$ по направлению к северному полюсу и на 161° долготы от демаркационной линии. Он находится на расстоянии $\frac{1}{2}^\circ$ южнее первого острова архипелага под названием Самаль и простирается между севером, востоком, югом и западом. Таренат лежит на широте $\frac{2}{3}^\circ$ по направлению к северному полюсу. Мутир расположен как раз на экваторе. Макьян расположен на $\frac{1}{4}^\circ$ широты, а Бакьян под 1° широты по направлению к южному полюсу. Таренат, Тадор, Мутир и Бакьян представляют собой четыре высокие остроконечные горы, на которых растет гвоздика. С этих островов не видать Бакьяна, но он самый большой из них. На нем гора с гвоздичными деревьями не так остроконечна, как горы на прочих островах, но размерами она гораздо больше ¹⁵³.

Следуя своим курсом, мы прошли мимо следующих островов: Кайоан, Лайгома, Сико, Джоджи и Кафи ¹⁵⁴. На этом последнем живет племя ростом столь же малое, как карлики, народ очень забавный; это — пигмеи ¹⁵⁵. Их силою подчинил своей власти раджа Тадора. Мы прошли также мимо островов Лабуан, Толиман, Титамети, Бакьян, о котором речь уже шла выше, Лалалата, Табоби, Мага и Баутига ¹⁵⁶. Проходя вдоль западных окраин этого последнего, мы направили курс на запад-юго-запад и в направлении к югу обнаружили несколько островков. Ввиду того, что молуккские лоцманы советовали нам направиться именно сюда, так как наш курс лежал посреди многочисленных островов и отмелей, мы повернули на юго-восток и наткнулись на остров под 2° широты по направлению к южному полюсу на расстоянии 50 лиг от Молукки. Остров этот носит название Сулах ¹⁵⁷ и населен язычниками. У них нет властителя, и они людоеды. Ходят они нагие как мужчины, так и женщины; срамную часть они прикрывают куском дре-

весной коры шириною в два пальца. Тут много островов, население которых употребляет в пищу человеческое мясо. Вот названия некоторых из этих островов: Силан, Носелао, Бига, Атулабаоу, Лейтимор, Тенетун, Гондия, Пайларурум, Манадан и Беная¹⁵⁸. Затем мы прошли вдоль берегов двух островов, называемых Ламатола¹⁵⁹ и Тенетун, расположенных в десяти лигах от Сулаха. На том же направлении мы встретили очень большой остров, где есть рис, свиньи, козы, куры, кокосовые орехи, сахарный тростник, саго, кушанье, изготовляемое тут из одной разновидности фиг [бананов] и называемое «чанали», а также «чакаре», называемое «нангка». «Нангка» — плод, походящий на огурец. Снаружи он покрыт наростами, а внутри находится маленький плод красного цвета, похожий на абрикос. Косточки нет, вместо этого мозгообразная мякоть, похожая на фасоль, но несколько больше. Эта мякоть обладает нежным вкусом, как каштан. Там встречается плод, напоминающий ананас. Снаружи он желтого цвета, внутри — белого; если разрезать его на две части, как грушу, то мякоть его окажется более нежной и вкусной. Этот плод носит название «конниликай».

Жители этого острова ходят голые, так же как и на острове Сулах. Они — язычники, и у них нет властителя. Остров расположен на $3\frac{1}{2}^{\circ}$ широты в направлении южного полюса и на расстоянии 75 лиг от Молукки. Его название — Буру¹⁶⁰. В десяти лигах к югу от этого острова находится остров больших размеров, граничащий с Жилоло. Населяют его мавры и язычники. Последние употребляют в пищу человеческое мясо. Все перечисленные выше плоды имеются также и тут. Называется этот остров Амбон¹⁶¹. Между Буру и Амбоном расположены три острова, окруженные рифами; их названия: Вудия, Кайларури и Беная. Поблизости от Буру, на расстоянии приблизительно четырех лиг к югу, находится небольшой остров Амбалао¹⁶².

В тридцати пяти приблизительно лигах к юго-западу от острова Буру находится Бандан. Бандан состоит из двенадцати островов. На шести из них растет мускатный орех. Названия этих островов следующие: Соробоа, самый большой из них, Келисель, Самианапи, Пулак, Пулурум и Росогин. Другие шесть островов носят следующие названия: Унуверу, Пуланбаракон, Лайлака, Манукан, Ман и Меут¹⁶³. На них нет мускатного ореха, а есть рис, саго, кокосовые орехи, фиги [бананы] и другие плоды. Острова эти распо-

ложены один возле другого. Население их состоит из мавров. Властителя у них нет. Бандан лежит на 6° широты в направлении к южному полюсу и на $163^{\circ} 1/2'$ долготы от демаркационной линии. Так как он лежал несколько в стороне от нашего курса, мы не пошли туда.

Оставив за собою упомянутый остров Бару [Буру] и взяв курс на запад-юго-запад, мы добрались после того, как прошли около трех градусов долготы, до трех островов, лежащих довольно близко друг около друга и называемых: Солот, Носемамор и Галиау¹⁶⁴. Плавая меж этих островов, мы были настигнуты сильным штормом, так что мы дали обет совершить паломничество к богородице путеводной. Мы шли в фордевинд, и нас несло к высокому острову, но прежде чем мы достигли его, нас сильно измотали жестокие порывы ветра, идущего от гор на этом острове, и сильные морские течения. Жители этого острова — настоящие дикари и звероподобны, они едят человеческое мясо. У них нет властителя, ходят они голые, только небольшой кусок коры покрывает их, как и других в этих краях. Лишь когда они отправляются в поход, они покрываются спереди, сзади и с боков кусками буйволово́й кожи, украшенными небольшими раковинами, свиными клыками и хвостами, сделанными из козьей кожи и прикрепленными спереди и сзади. Волосы у них закручены высоко на голове, будучи скреплены длинными бамбуковыми шпильками, продетыми через них в обе стороны и сдерживающими таким образом взбитые вверх волосы. Бороды завернуты в бамбуковые листья и засунуты в тонкие бамбуковые трубки, — вид прямо-таки уморительный. Это — самое безобразное из всех племен, населяющих эти индийские края. Их луки и стрелы также сделаны из бамбука. Женщины носят свою пищу и питье в чем-то наподобие мешков, сделанных из древесных листьев. Когда жители этого острова завидели нас, они вышли навстречу нам со своими луками, но после того как мы роздали им подарки, они сразу же приняли дружественный вид. Мы задержались тут две недели для того, чтобы законопатить борта нашего корабля. На этом острове имеются куры, козы, кокосовые орехи, воск (они давали нам пятнадцать фунтов воска в обмен на фунт старого чугуна) и перец — продолговатый и круглый. Продолговатый перец напоминает первый цвет ореха в зимнее время. Подобно плющу, это растение обвивается вокруг деревьев, но листья его походят на листья тутового дерева.

Оно носит название «лули». Круглый перец растет так же, как и продолговатый, но он колосится подобно индийскому житу и его лущат. Он называется «лада». В этих краях поля покрыты перцем этой разновидности, посаженным так, что они походят на деревья¹⁶⁵. Мы захватили одного туземца и приказали ему повести нас в такое место на острове, где мы могли бы запастись съестными припасами.

Этот остров лежит на $8\frac{1}{2}^{\circ}$ широты в направлении южного полюса и на $169\frac{2}{3}^{\circ}$ от демаркационной линии. Его название — Малуа¹⁶⁶.

Наш старый лоцман из Молукки рассказывал нам, что поблизости должен быть остров по названию Арукето¹⁶⁷, жители которого, мужчины и женщины, ростом не больше локтя, но уши у них такой величины, как они сами: одно ухо заменяет им ложе, другим они покрываются во время сна. Волосы у них острижены, ходят они совсем голые, и голос у них пронзительный. Живут они в подземных пещерах, питаются рыбой и веществом, растущим между древесинной и корой, круглым по форме и белого цвета, напоминающим варенье из кориандра и называемым тут «амбулоне». Мы, однако, не могли посетить этот остров из-за сильных течений и множества мелей.

В субботу, 25 января 1522 года, мы оставили за собою остров Малуа. В воскресенье, 26-го, мы достигли большого острова, лежащего в пяти лигах к юго-юго-западу от Малуа. Я высадился на берег один, чтобы переговорить с начальником города Амабана о снабжении нас съестными припасами. Он ответил, что даст мне буйволов, свиней, коз, но мы не могли притти с ним к соглашению, так как он запросил слишком много предметов в обмен за одного только буйвола. К тому же у нас оставалось очень мало предметов для обмена, да и голод заставлял нас быть решительными, вследствие чего мы задержали на корабле одного начальника и его сына из другого поселения, по названию Балибо¹⁶⁸. Боясь, чтобы мы его не убили, он тут же распорядился дать нам 6 буйволов, 5 коз и 2 свиней, а для того, чтобы возместить недостающую до требуемого количества живность (мы требовали 10 свиней и 10 коз), он дал нам (дополнительно) еще одного буйвола. Таковы были наши условия отпуска его на свободу. После этого мы отпустили их на остров, весьма довольных врученными им подарками:

полотном, индийской материей из шелка и хлопка, топорами, индийскими ножами, ножницами, зеркалами и нашими ножами.

Начальник, с которым я вел переговоры на острове, пользуется в качестве слуг одними только женщинами. Все эти женщины ходят голые, как то в обычае на всех этих островах. В ушах у них золотые серьги, с которых свисают шелковые кисточки. Руки у них до самого локтя украшены большим числом золотых и бронзовых браслетов. Мужчины ходят голые, так же как и женщины, но вокруг шеи у них навешены разные предметы из золота, круглые, наподобие тарелки, а в волосах у них бамбуковые гребни, украшенные золотыми колечками. Некоторые носят на шею вместо золотых вещей засушенные горлышки тыквенных бутылок.

Белое сандаловое дерево ¹⁶⁹ растет только на этом острове и ни в каких иных местах. Там находятся также: буйволы, свиньи, козы, куры, имбирь, рис, фиги [бананы], сахарный тростник, апельсины, лимоны, воск, миндаль, турецкий боб и многое другое, равно как и попугаи разных цветов. В другой части острова живут четверо братьев, являющихся раджами этого острова. Там, где мы были, находились города, в которых живут их начальники. Названия четырех поселений раджей следующие: Оибич, Ликсана, Суаи и Кабанаса. Самое большое поселение — Оибич. Много золота находится на одной горе в Кабанасе, судя по полученным нами сведениям, и жители покупают все нужное за маленькие кусочки золота. В этом краю и закупают жители Явы и Малакки сандаловое дерево и воск. Мы встретили здесь джонку, пришедшую сюда из Лосона для закупки сандалового дерева. Население состоит из язычников. Рассказывают, что, когда они отправляются на порубку сандалового дерева, им является дьявол в разных видах и предлагает им просить у него всего, в чем они нуждаются. В результате этого явления их постигает недуг, продолжающийся несколько дней. Сандаловое дерево рубят в известные фазы луны, в противном случае оно не будет хорошего качества. В обмен на сандал им дают красную материю, полотно, топоры, железо и гвозди. Населен весь остров. На юго-западе он раскинут на большом пространстве, на северо-востоке он не такой ширины. Он лежит на 10° широты в направлении к южному полюсу и $174^{\circ}1/2'$ долготы от демаркационной линии и носит название Тимор ¹⁷⁰. На всех островах этого архипелага, которые мы посетили,

свирепствует болезнь св. Иова¹⁷¹, но больше всего на этом. Она носит название «фои франки», т. е. «португальская болезнь». Нам говорили, что на расстоянии дневного перехода по направлению к северо-западу мы можем найти остров, на котором в большом количестве растет корица и что название этого острова Энде¹⁷². Население его состоит из язычников, и властителя у них нет. Нам говорили также, что имеется много островов в том же направлении, расположенных один за другим; они тянутся до самой Явы Большой и мыса Малакка. Названия этих островов следующие: Энде, Танабутун, Креуо, Кили, Бимакор, Аранаран, Мани, Сумбава, Ломбок Корум и Большая Ява¹⁷³. Жители называют ее не Явой, а Яоа. Самые крупные поселения расположены на Яве, а именно: Маджепахер (когда властитель был еще жив, он был самым могущественным на всех этих островах, его имя было раджа Патиунус), Судна, где растет в большом количестве перец, Даха, Дама, Каджамада, Минутаранган, Сипара, Сидайу, Тубан, Кресси, Сирубайя¹⁷⁴ и Балли¹⁷⁵. Нам говорили также, что Малая Ява—это остров Мадура¹⁷⁶, что она расположена поблизости от Явы Большой, на расстоянии всего лишь полулиги. Когда на Яве Большой умирает какой-нибудь именитый человек, то тело его сжигают, так нам рассказывали. Его главную жену, всю украшенную гирляндами цветов, переносят на сидении трое или четверо мужчин через все селение. Улыбаясь и утешая родственников, рыдающих над трупом, она говорит им: «Не плачьте, сегодня вечером я буду ужинать с моим супругом, а ночью буду с ним спать». После этого ее подносят ближе к костру, на котором находится труп ее супруга. Обратившись вновь к родственникам и продолжая их утешать, она сама кидается в огонь, в котором сжигают ее мужа. Не поступи она так, ее перестали бы считать честной женщиной или верной женою покойному супругу.

Самый старый пилот наш рассказывал нам, что на острове Аколоро, лежащем ниже Большой Явы, мужчин нет вовсе,— есть только женщины. Они беременеют от ветра. Когда у них рождается мальчик, они его убивают, если же девочка, они ее воспитывают. Когда на этом острове показываются мужчины, они их убивают, если только в силах это сделать.

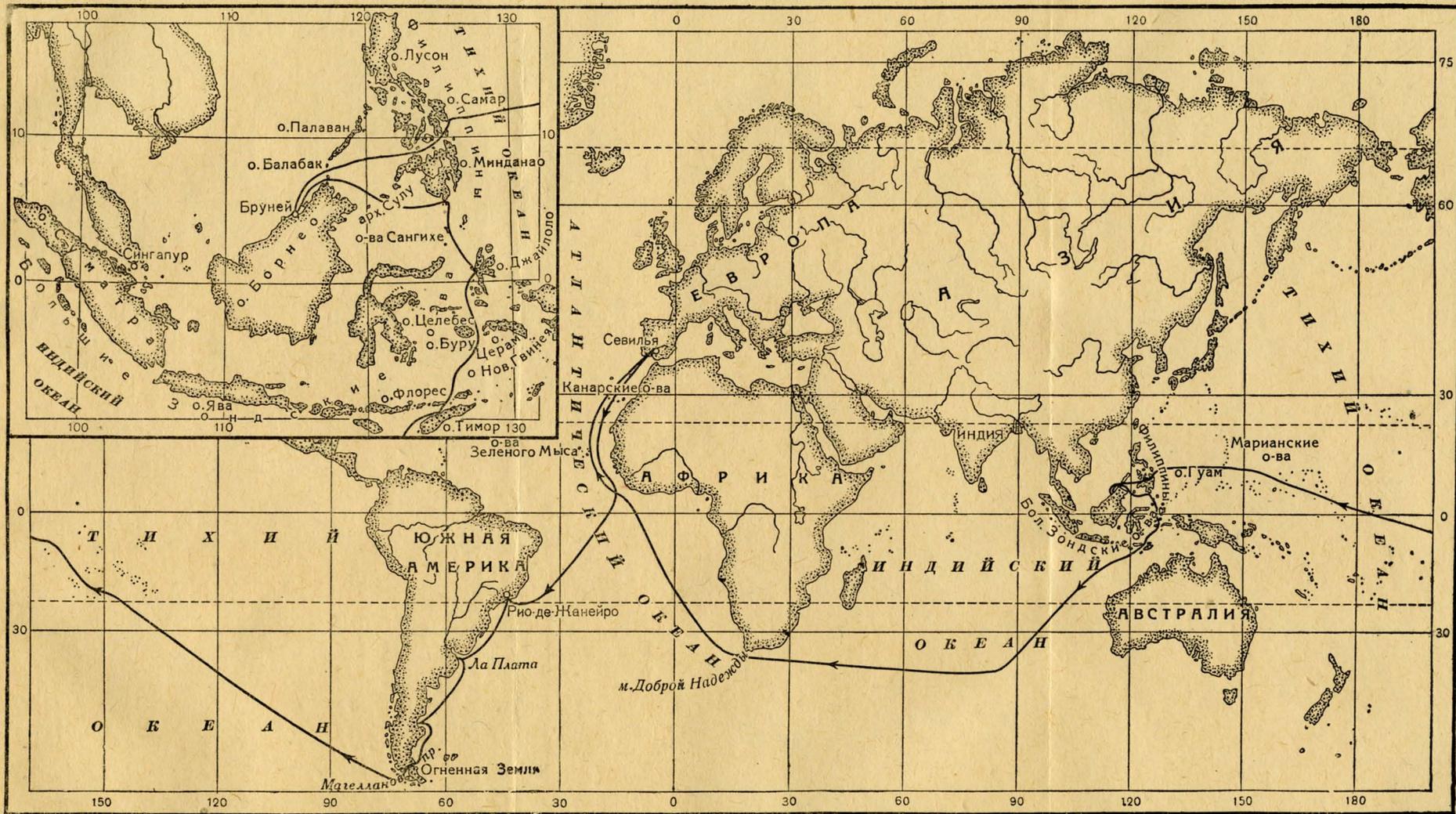
Нам рассказывали также, что ниже Большой Явы в направлении к северу, в Китайском заливе, который древние называли «Sinus Magnus» [Большой залив], живут птицы

«гаруда». Они такой величины, что способны перетащить буйвола или слона на дерево, растущее в месте, называемом «Пусатавер», само же дерево носит название «кам панганги», а плод его «буа панганги». Величиной своей плод этот превосходит огурец. Находившиеся на нашем корабле мавры из Бурне говорили, что сами видели этих птиц, так как их раджа получил двух таких птиц из сиамского государства. Ни одна джонка или какая-либо другая лодка не может приблизиться к месту, где растет это дерево, из-за бурных водоворотов у этих берегов. Впервые узнали об этом дереве после того, как одну джонку втянуло в водоворот и она разбилась в щепы, причем весь экипаж джонки утонул и спасся чудесным образом только один мальчик, привязавший себя к толстой доске. Он взобрался на дерево, не будучи никем замечен, и спрятался под крылом одной из этих птиц. На другой день птицы поднялись, чтобы полететь к берегу и поймать буйвола, и мальчик вылез из-под крыла. От него-то и узнали про этих птиц, а также откуда происходят плоды, находимые в море.

Малаккский мыс ¹⁷⁷ лежит на $1\frac{1}{2}^{\circ}$ широты в направлении южного полюса. Вдоль всего восточного побережья мыса расположено множество городов и поселений. Вот названия некоторых из них: Сингапола, помещающийся на самом мысу, Паган, Калантан, Патани, Брадлун, Бенан, Лагон, Кереджигаран, Тумбон, Пран, Куи, Брабри, Банга, Индия— в последнем живет король сиамский, по имени Сири Сакабедера, — Джандибум, Лану и Лангонпифа ¹⁷⁸. Города эти построены так же, как и наши, и все подвластны властителю сиамскому.

На берегах рек в сиамском государстве водятся, как нам рассказывали, большие птицы, которые до тех пор не дотрагиваются до падали, пока какая-нибудь другая птица не сожрет сердца, — только после этого они употребляют эту падалу в пищу.

Вблизи Сиама находится Камбодиа ¹⁷⁹, властитель которой носит имя Сарет Сакабедера, затем Кьемпа ¹⁸⁰, где властителем раджа Брагаун Маитри. Тут растет ревень, который собирают следующим образом. Группа в 20 или 25 человек отправляется вместе в джунгли. С наступлением ночи они взбираются на деревья как для того, чтобы уловить запах ревеня, так и из страха перед львами, слонами и другими дикими животными. Ветер доносит до них запах ревеня из тех мест, где он растет. Рано на рассвете они отправ-

ляются туда, откуда доносился к ним запах, и приступают к отысканию ревеня. Это — сгнившая древесина одного дерева, которое до того, как не гнивает, не испускает никакого запаха. Лучшая часть дерева — корень, хотя и сама древесина дает ревеня, который тут называется «калама»¹⁸¹.

Тут же находится Коки¹⁸², властителем коего является раджа Серибумни Пала, а за этой страной лежит Великий Китай, властитель коего самый могущественный на свете. Его имя раджа Сантоа¹⁸³. Лично ему подвластны семьдесят коронованных государей, некоторые из последних имеют под своей властью от 10 до 15 государей. Гавань этого государства носит название Гуантан [Кантон]. Из числа многих городов главнейшие Нанкин и Комлаха¹⁸⁴ — резиденция повелителя Китая. Вблизи его дворца находятся четыре его главных сановника — один к западу от дворца, другой — к востоку, третий — к югу, четвертый — к северу. Каждый из них дает аудиенцию только тем, кто прибывает с его стороны. Все государи и властители Большой и Верхней Индии подвластны этому государю. Знаком их подлинной преданности как вассалов служит изваянный из мрамора зверь, более сильный, чем лев, и называемый «чинга», который возвышается у них на площади. «Чинга» вырезан на печати властелина Китая, и все те, кто прибывают в Китай, обязаны иметь изваяние этого животного, сделанное из воска или слоновой кости, в противном случае они не допускаются в гавань. Если какой-нибудь из властителей выходит из повиновения государю, то с него сдирают кожу, и эту кожу высушивают на солнце и солят, а затем ее набивают соломой или чем-нибудь другим и подвешивают головой вниз на видном месте на площади, причем руки сложены над головой так, чтобы все видели, что он выполняет «зонгу»¹⁸⁵, то-есть обряд повиновения. Никому не дозволено видеть государя. Когда он пожелает посмотреть на свой народ, то объезжает дворец верхом на искусно сделанном павлине, затейливо изукрашенном, в сопровождении шести самых главных своих жен, одетых так же, как и он. Затем он входит внутрь змеи, называемой «нага»¹⁸⁶, сделанной с небывалым великолепием и помещающейся в самом большом дворе дворца. Государь и жены его входят внутрь, так что никто точно не знает, кто из них действительно государь. На народ он смотрит через большое стекло, помещающееся в груди змеи. Через это стекло можно видеть и властелина

и его жен, но никто не может угадать, кто из них государь. Он женат на своих сестрах, дабы царская кровь не смешивалась ни с какой другой. Двор окружен семью стенами, на каждой из этих стен 10 000 человек находятся на охране дворца. Они остаются там, пока не зазвонит колокол и на смену им не придут другие 10 000 стражей. Они сменяются таким образом каждый день и каждую ночь. У каждой стены находятся ворота. У первых ворот стоит человек с большим бичом в руке; он носит название «сату хоран» с «сату боган». У вторых ворот — пес, «сату хаин»; у третьих — человек с железной палицей («сату хоран» с «покум бесин»); у четвертых — человек с луком в руке («сату хоран» с «анат панан»); у пятых — человек с копьем («сату хоран» с «тумак»); у шестых — лев («сату хориман»); у седьмых — два белых слона, оба называемых «гаджина путе». Во дворце 79 зал, в которых находятся одни только женщины, прислуживающие государю. Во всем дворце круглые сутки горят факелы. Чтобы обойти весь дворец, требуется целый день. В верхней части дворца находятся четыре зала, куда иногда являются главные сановники для беседы с государем. Один из залов отделан медью, вверху и внизу; другой — весь отделан серебром, третий — золотом, четвертый — жемчугом и драгоценными камнями. Когда подданные государя приносят ему золото или какие-нибудь другие ценные предметы в качестве дани, их вводят в эти залы, и они говорят: «Да будет это ради умножения чести и славы нашего раджи Сантоа». Все вышесказанное и многое другое нам передал один мавр, который все это видел сам.

Жители Китая — светложие и ходят в платье. Так же, как и мы, они едят за столом. У них имеется крест, но неизвестно ради какой надобности.

В этой стране производят мускус. Животное, производящее мускус, — кошка, напоминающая кошку цибет. Она питается только сладкой древесиной толщиной с палец, по названию «чамару». Приступая к производству мускуса, они приставляют ей пиявку и отнимают ее только тогда, когда вся пиявка не раздуется от крови. После этого они выжимают пиявку в блюдо и выставляют его на солнце в течение четырех или пяти дней. Затем они окропляют кровь мочою и всякий раз выставляют ее на солнце. Таким образом получается превосходный мускус. Владелец такого животного уплачивает государю особую сумму. Известные нам зерна

мускуса не что иное как козлийное мясо, истолченное в мускусе, но не кровь. Хотя и кровь может быть в виде зернышек, но она быстро испаряется. Дающие мускус кошки называются «кастор», а пиявка — «линга».

Вдоль побережья этой страны Китая живет много племен. Вот они. Ченчи¹⁸⁷ населяют острова, где растет корица и имеется жемчуг. Леки живут на материке. Над их гаванью возвышается гора, так что при входе в нее на джонках и судах приходится спускать паруса. Имя повелителя на материке Мом. Ему подвластно двадцать королей, он же сам подвластен государю Китая. Город, в котором находится его резиденция, называется Баранаки. Великий Восточный Кайтайо¹⁸⁸ расположен именно тут. Хан — холодный, высокий остров, где находится медь (металл), серебро, жемчуг и шелк¹⁸⁹. Имя властителя этого острова — раджа Сотру; острова Мли Янла — раджа Кетискнуга; Гнио — раджа Су-дакали. В этих трех местах холодный климат, и они расположены на материке. Троганба и Трианга — два острова, на которых находится жемчуг, медь, серебро и шелк; правит здесь раджа Рром. Басси Басса находится на материке. За ним расположены два острова, Сумбдит и Прадит, на которых имеется в большом обилии золото. На ногах его жителей большие золотые кольца у голени. Вблизи этих мест на материке в горах живет племя, которое убивает отцов и матерей по достижении ими преклонного возраста, дабы не иметь больше забот о них. Все население этих областей состоит из язычников.

В ночь со вторника на среду, 11 февраля 1522 г., мы оставили за собою остров Тимор и вступили в великое открытое море, называемое Лаут Кидол¹⁹⁰. Направляясь по курсу запад-юго-запад, мы оставили остров Саматра, ранее носивший название Трапробана¹⁹¹, к северу направо от себя, из страха перед королем Португалии, а также Пегу, Бенгала, Уриса и Келин, где живут малабары, подданные властителя Нарсинга; Каликут, подвластный этому же властителю; Камбайя, где живут гузераты; Кананор, Гоа, Ормуз и все остальное побережье Большой Индии¹⁹². Великую Индию населяет шесть различных родов людей: наири, паничали, иранай, пангелини, макуан и полеаи. Наири — это знать; паничали — городское население. Эти два разряда людей могут разговаривать друг с другом. Иранай занимаются сбором пальмового вина и фиг. Пангелини — мореходы, макуай — рыбаки, полеаи — сеют и жнут рис. Эти последние

живут в деревнях, хотя изредка заходят и в города. Когда им что-либо дают, то предварительно кладут предмет на землю, и только после этого они его берут себе. Проходя по улицам, они выкрикивают: «По! по! по!», т. е. «берегись меня!» Случилось однажды, рассказывали нам, что, к несчастью для наира, к нему прикоснулся поляа; наир велел тут же убить себя, чтобы таким образом смыть с себя позор¹⁹³.

Для того чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды, мы поднялись до 22° на стороне южного полюса. В продолжение девяти недель стояли мы у этого мыса со спущенными парусами из-за северо-западных и западных ветров, дувших в корму, и очень сильной бури¹⁹⁴. Этот мыс лежит под 34°1/2' широты и на расстоянии 1600 лиг от Малаккского мыса. Это — самый большой и самый опасный из всех мысов в мире. Некоторые из наших, не только больные, но и здоровые, выразили желание добраться до португальского поселения Мозамбик¹⁹⁵, так как корабль дал сильную течь, холод был страшный, а, главное, по той причине, что кроме риса и воды у нас не осталось съестного; из-за недостатка соли все мясные продукты испортились. Однако другие, заботясь больше о своей чести, чем о жизни, решили плыть до Испании, хотя бы это стоило им жизни. С божьей помощью мы обогнули, наконец, 6 мая этот мыс на расстоянии пяти лиг от него. Мы никогда не добились бы этого, если бы не подошли к нему так близко¹⁹⁶. Затем целых два месяца мы шли на северо-запад без свежей пищи и свежей воды. За это короткое время умер двадцать один человек. Когда мы опускали в море их трупы, христиане пошли ко дну с лицами, обращенными вверх, а индейцы — с лицами, обращенными вниз. Если бы господь не послал нам благоприятного ветра, все мы погибли бы от голода. Побуждаемые крайней нуждой, мы подошли, наконец, к островам Зеленого мыса. В среду, 9 июля, мы добрались до островов Святого Якова [Сантьяго] и тут же отправили лодку к берегу за провизией, придумав для португальцев историю, будто мы потеряли нашу фок-мачту под экватором (на самом же деле мы потеряли ее у мыса Доброй Надежды), и за это время, что мы ее восстанавливали, наш капитан-генерал уехал с двумя другими кораблями в Испанию. Расположив их таким образом к себе, а также отдав им нашего товару, нам удалось получить от них две груженные рисом лодки. Мы поручили нашим людям, отправившимся на лодке к бе-

регу, расспросить, какой это был день, и они узнали, что у португальцев был четверг, что нас весьма удивило, так как у нас была среда, и мы никак не могли понять, отчего могла произойти такая ошибка. Я чувствовал себя хорошо все время и делал отметки каждый день без перерывов. Как выяснилось впоследствии, тут не было никакой ошибки, ибо мы шли все время по направлению к западу и вернулись к тому же пункту, куда двигалось и солнце, и таким образом выиграли двадцать четыре часа, в чем никаких сомнений быть не может.

Когда наша лодка вновь подошла к берегу за рисом, были задержаны тринадцать человек экипажа вместе с лодкой. Произошло же это оттого, что один из них, как мы узнали потом в Испании, заявил португальцам, что капитан наш умер и что умерли также и остальные, мы же вовсе не собираемся в Испанию. Опасаясь того, чтобы некоторые каравелы не задержали также и нас, мы в спешном порядке направились дальше¹⁹⁷.

В субботу, 6 сентября 1522 г., мы вошли в бухту Сан Лукар, имея на борту всего лишь восемнадцать человек экипажа, да и то большей частью больных,— вот что осталось от шестидесяти человек, покинувших Молукку. Некоторые из них умерли от голода, некоторые бежали на остров Тимор, другие были осуждены на смерть за преступления¹⁹⁸. Начиная с того дня, как мы вышли из этой бухты [Сан Лукар], и до того дня, как возвратились в нее, мы проделали четырнадцать тысяч четыреста шестьдесят лиг и таким образом совершили путешествие вокруг света, плывя с востока на запад¹⁹⁹.

В понедельник, 8 сентября, мы бросили якорь у набережной Севильи и дали залп из всех наших пушек. Во вторник все мы в рубахах и на босу ногу, держа каждый свечу в руке, отправились на богомолье в храм св. Марии Победы и в храм св. Марии Древности.

Покинув Севилью, я направился в Вальядолид, где преподнес его священному величеству дону Карлу не золото и не серебро, а предметы, гораздо более ценные столь могущественным государем. Между прочими предметами я дал ему книгу, собственноручно мною написанную и содержащую описание всего того, что происходило изо дня в день на всем протяжении нашего плавания. Уехал я оттуда, как только мог, скорее и прибыл в Португалию, где рассказал

королю Жуану обо всем мною виденном. Из Испании затем я направился во Францию, где преподнес некоторые предметы из другого полушария матери христианнейшего короля дона Франциска, государыне-регентше. После этого я поехал в Италию, где и обосновался, посвятив скромный свой труд преславному и знаменитому синьору Филиппу Вилье Лиль Адану, достойнейшему великому магистру родосского ордена.

Рыцарь Антонио Пигафетта

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор этого дневника Антонио Пигафетта родился в Виченце (Италия), как полагают, в 1480 г. С 1518 г. он состоял в свите папского нунция (посла) и апостолического протонотария (звание прелата, пользующегося особыми привилегиями) Франческо Кьери-кати, когда этот последний, по поручению папы Льва X, отправился в Испанию с особой миссией к Карлу V. После двухмесячного пребывания в Сарагоссе посольство двинулось в Барселону, где Пигафетта получил сведения о подготавливаемой Магелланом экспедиции на Молуккские острова. Заручившись солидными рекомендациями, Пигафетта явился к Магеллану, и тот зачислил его в экипаж флагманского судна «Тринидад» в качестве сверхштатного (*sobresaliente*); он был занесен в списки под именем Антонио Ломбардо (из Ломбардии).

На всем протяжении путешествия Пигафетта вел тщательную запись всего виденного им и слышанного. В Испанию он вернулся на единственно уцелевшем корабле «Виктория».

В августе 1524 г. Пигафетта возбудил ходатайство о разрешении ему напечатать сообщение о совершенном путешествии. Как видно из записи некоего Марина Санудо, Пигафетте было предоставлено исключительное право на издание этой книги в течение двадцати лет. Однако до настоящего времени неизвестно, удалось ли Пигафетте эту книгу издать.

Конспект дневника Пигафетты сохранился в рукописи на итальянском языке, находящейся в библиотеке имени Амвросия в Милане. Для перевода на русский — пользовались текстом, изданным Андреа да Мосто:

Il primo viaggio intorno al globo di Antonio Pigafetta. Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R. Commissione Colombiana pel quattro centenario dalla scoperta dell'America, Roma, 1894.

Существует еще несколько рукописей дневника Пигафетты на французском языке; наиболее старинная относится ко 2-й половине XVI в.:

Premier voyage autour du monde, par le chevalier Pigafetta, sur l'Escadre de Magellan, pendant les années 1519, 20, 21 et 22; suivi de l'extrait du Traité de Navigation du même auteur. Она представляет собою краткое изложение содержания записей Пигафетты на итальянском языке. С этого издания и сделан был первый сокращенный перевод на русский язык, опубликованный в 1928 г. в серии «Открытия, путешествия, приключения» изд. Брокгауз — Ефрон: Антонио Пигафетта. Впервые вокруг света (Путешествие Магеллана). Перев. и примеч. Б. П. Дитмара.

При переводе и составлении примечаний были использованы, помимо указанных выше, также и следующие источники:

Magellan's voyage around the world, by Antonio Pigafetta. I—II, Cleveland, 1906.

Stanley, First voyage round the world, London, 1874.

Martin Fernández de Navarrete, Colección de viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde fines del siglo XV. T. IV, Madrid, 1837.

Альбо, на которого имеются частые ссылки в примечаниях, был помощником штурмана на корабле «Тринидад» и вел записи в шканцевом журнале.

Антониу Бриту — португалец, в 1523 г. писал португальскому королю донесение на основании сведений, полученных им об остатках вкипажа «Тринидад».

«Рутейру» (путеводитель), составленный неизвестным генуэзцем, одним из участников плавания.

При переводе выпущены словари индийских слов, данные в подлиннике с параллельным переводом на итальянский язык.

1. Филипп де Вилье Лиль Адан (1464—1534), сорок третий великий магистр ордена иоаннитов (после 1530 г. переименованного в мальтийский орден).

2. Испанский король Карл V (I) был избран римским императором только в июне 1519 г.

3. Франческо Кьерикати состоял на дипломатической службе у папы. В 1518 г. он был направлен с частным поручением папы в связи с замышлявшимся новым «крестовым походом» против турок, вторг-

ившихся в это время в Египет. В его доме в Барселоне собирались испанские гуманисты.

4. В июле 1518 г. Магеллан был награжден Карлом V крестом ордена Сантьяго.

5. Климент VII вступил на папский престол 19 октября 1523 г.

6. Эти канаты изготовлялись из испанской леньки (esparto).

7. Груз состоял из вина, оливкового масла, уксуса, рыбы, свинины, фасоли и бобов, муки, сыра, меда, миндаля, анчоусов, винограда, чернослива, фиников, сахара, айвового варенья, каперсов, горчицы, говядины и риса.

8. Флот Магеллана состоял из пяти кораблей: «Тринидад» (Троица), водоизмещением в 110 тонн, «Сан Антонио» (Св. Антоний), водоизмещением в 120 тонн, «Консепсьон» (Зачатие), водоизмещением в 90 тонн, «Виктория» (Победа), водоизмещением в 85 тонн, и «Сантьяго» (Св. Яков), водоизмещением в 75 тонн.

С точностью установить количественный состав всего отправившегося с Магелланом экипажа почти невозможно. Королевским указом от 5 мая 1519 г. максимальная численность экипажа была определена в 235 человек. Помимо 239 человек, числившихся в списках по каждому из кораблей, насчитывалось еще 26 человек, имена которых не были разнесены, по корабельным спискам. Таким образом всего по флотилии было 265 человек.

Ниже помещаем список капитанов и офицеров флота, поскольку многие из них упоминаются в записях Пигафетты:

«Тринидад»

1) Главный капитан флота Фернан ди Магальянш (Магеллан), португалец.

2) Кормчий его высочества (т. е. назначенный личным приказом короля) Иштебан Гомиж, португалец.

3) Леон де Эсплета, нотариус.

4) Хуан Баутиста де Пунсороль, штурман.

5) Гонсало Гомес де Эспиноса, алгусил.

6) Франсиско Альбо, помощник штурмана.

7) Хуан де Моралес, врач.

На флагманском корабле в числе «сверхштатных» или резерва (sobresalientes) находились также Антонио Ломбардо, который, как полагают, и есть Антонио Пигафетта (родом из Ломбардии), Дуарте Барбоза и Альваро де Месита.

«Сан Антонио»

1) Капитан и инспектор флота Хуан де Картахена.

2) Счетовод Антонио де Кока.

- 3) Нотариус Херонимо Герра.
- 4) Кормчий его высочества Андрес де Сан Мартин.
- 5) Кормчий его высочества Хуан Родригес де Мафра.
- 6) Штурман Хуан де Алоррьяга.
- 7) Боцман Дьего Эрнандес.

«Консепсьон»

- 1) Капитан Гаспар де Кесада.
- 2) Нотариус Санчо де Эредья.
- 3) Кормчий его высочества Жуан Лопиж Карвалью.
- 4) Штурман Хуан Севастьян де Элькано (Эль Кано).
- 5) Боцман Жуан ди Акуруи.

«Виктория»

- 1) Капитан корабля и казначей флота Луис де Мендоса.
- 2) Кормчий его высочества Вашку Галлегу.
- 3) Нотариус Мартин Мендес.
- 4) Штурман Антон Соломон, сицилиец.
- 5) Боцман Мигель де Родас.
- 6) Алгуасил Дьего де Перальта.

«Сантьяго»

- 1) Капитан и кормчий его высочества Жуан Серран.
- 2) Нотариус Антоньо де Коста.
- 3) Штурман Бальтасар Генуэзец.
- 4) Боцман Бартоломе Приор.

В состав экипажей входили: 1) командиры, 2) коронные должностные лица и священники, 3) младшие командиры, к числу которых относились корабельные плотники, боцманы, конопатчики, бондари и бомбардиры, 4) матросы *magínegos* — матросы первой статьи и *grumetes* — палубные матросы и юнги, 5) сверхштатные — *sobresalientes* — люди, не имевшие определенных обязанностей на кораблях и солдаты (к числу запасных относится и Антонио Пигафетта), 6) слуги командиров и должностных лиц.

По своему национальному составу экипаж был весьма пестрым. В его составе находилось: 37 португальцев, 30 или больше итальянцев, 19 французов, не считая испанцев, фламандцев, немцев, сицилийцев, англичан, малайцев, негров, мавров, уроженцев Мадейры, Азорских и Канарских островов.

9. Римское *Vaetis* заменило арабское *Гвадалquivir* («великая река»). Римляне объединили всю южную Испанию в одну провинцию под названием Бетика.

Корья была некогда городом гончаров и поныне славится гончарными изделиями.

Порт Сан Лукар Баррамедский получил особенно большое значение в эпоху открытий.

Дом Медина Сидонья был основан известным в истории реконквисты военачальником Альфонсо Пересом де Гусман.

Джоан даль Фаракс — город Сан Хуан де Аснальфараче.

10. Канарские острова в древности были известны под разными названиями: Остров Блаженства, Счастливых Островов и Гесперид.

В 1402 г. эти острова посетил французский авантюрист Жан де Бетанкур, а вскоре после этого началось их завоевание Испанией. В 1481 г. они стали окончательно колонией Испании. Жители этих островов известны были под названием гуанчи или гуанчинет, что означает «люди из Тенерифа». Они упорно защищали свою самостоятельность и были покорены окончательно только в 1696 г.

Остров Тенериф в прежние времена назывался Нивана, а некоторыми — Адским островом. Подобно всем другим Канарским островам, он вулканического происхождения, а его пик Тейде — один из высочайших кратеров на земле. Он лежит под $28^{\circ}15'$ широты.

11. Монте Розо — это Пунта Роха на южной оконечности Тенерифа.

12. Эта легенда основана на рассказе Плиния. В основе этой легенды лежит тот факт, что растущие на Мадейре и Канарских островах лавр и другие многолистные вечнозеленые деревья собирают в листьях влагу из туманов в продолжение дня.

13. По мнению древних, в жарком поясе не бывает вовсе дождей, вследствие чего они считали его необитаемым.

14. Огни св. Эльма (св. Петра, св. Николая, св. Клары и т. п.) — народное название атмосферного электричества, скапливающегося в форме звезды или кисти на вершинах мачт и на снастях. Они иногда сопровождаются свистом и считаются моряками хорошим знаменем. Явление это когда-то носило название «святого тела» (*Corpus Sanctum*).

15. «Кагасела» (*Stercorarius parasiticus*) носит у моряков название «боцмана» или «охотника за пометом». Это название принималось одно время даже учеными и основано на предположении, что эта птица будто бы питается пометом чаек или морских ласточек. В действительности же она заставляя преследуемых ею птиц извергнуть проглоченную ими рыбу. — Летучая рыба — это вид *Echocoetus* или *Scomberesax Saurus*, который водится в Европе и Америке. Она выскакивает из воды, спасаясь от преследования врагов. — Вторая птица — глупыш из сем. *Laridae* и рода *Thalassidroma*, которая водится у побережья Атлантического океана и в некоторых пунктах побережья Тихого океана.

16. «Верзин» (Versino) — этимология слова неизвестна — итальянское название бразильского дерева, по которому и Бразилия получила свое название. В первое время она называлась Вера Крус и Санта Крус.

Мыс св. Августина лежит под $8^{\circ}21'$ ю. ш. и представляет собой самую южную оконечность Южной Америки.

Прежде чем начать обследование мыса, Магеллан арестовал Хуана де Картахена за нарушение дисциплины и передал командование кораблем «Сан Антоньо» Антоньо де Кока.

17. Альбо в своем шканцевом журнале отмечает, что это были ламы, похожие на «безгорбого верблюда».

18. Альбо отмечает, что флот шел вдоль побережья от 29 ноября вплоть до вступления в бухту Санта Люсия (13 декабря). Берег он описывает так: «Тут горы с острыми вершинами и много рифов вокруг. В указанной Бразилии находится много рек и гаваней, а на расстоянии 6 лиг пониже — много бухт, врезающихся в сушу на пространстве 2 лиг. Берег тянется на северо-восток и юго-запад до мыса Фрио и тут встречается много островов и рек... Внутри эта бухта очень широкая с большим числом гаваней... Она носит название бухты Санта Люсия... Мы вступили в эту бухту как раз в день святой Люсии и стояли там до дня св. Иоанна, т. е. до 27 декабря. В этот день мы отплыли и взяли курс на запад-юго-запад и встретили множество островов. Направо от них находится бухта, названная бухтой Королей, с очень удобным входом».

Бриту передает в своем послании португальскому королю: «Отплыл оттуда [из Тенерифа], первое, что они увидели, был мыс Амбасских мелей. Они спустились вниз по побережью до реки Жанейру, где простояли 15—16 дней».

19. Описанные Пигафеттой индейцы, вероятно, тамойо из племени тупи или гуарани.

20. Каваджо — это Жуан Карвалью. После рокового пира в Себу он получил командование над флотом, но, спустя некоторое время, был отставлен и вернулся к исполнению своих прежних обязанностей.

21. Речь, вероятно, идет об обезьянах рода *Cebus*.

22. Пигафетта говорит тут о хлебе, изготовляемом из корней касавы или маниоки.

23. Это свинья (*Dicotylus torquatus*), щетина которой похожа на щетину дикобраза и обычно беловатого цвета. Она — бесхвоста, свирепа и не поддается приручению.

24. Розовая коллица (*Platalea ajaja*), принадлежащая к сем. *Plataleidae* и обитающая во всех тропических и субтропических областях Америки, Вест-Индии, южной части Фолклендских о-вов, Патагонии и Чили, а также от севера до южной части США.

25. Это — река Рио де Лаплата. Магеллан покинул Рио де Жанейро 26 декабря и двинулся дальше к мысу Санта Мария к реке, которая получила название реки св. Христофора. Альбо также упоминает реку, которую называет рекою Солиса. Отправленные по реке суда для нахождения пролива пробыли в пути два дня, в продолжение которых тщательно обследовали устье реки. Бриту в своем донесении пишет: «Они покинули это место [Рио де Жанейро] и двинулись вдоль побережья, пока не достигли реки Солис, где Фернан Магальянш думал найти пролив. Они пробыли там сорок дней. Магальянш распорядился, чтобы корабль «Сантьяго» прошел около 50 лиг в поисках какого-нибудь прохода. Не найдя его, он пересек реку, имеющую в ширину 25 лиг, и убедился в том, что [противоположный] берег тянется на северо-восток и юго-запад».

26. Хуан Диас де Солис (1470—1516) — известный испанский мореплаватель. Версия, будто он открыл в 1506 г. Юкатан вместе с Пинсоном, лишена всяких оснований. После смерти Америго Веспуччи в 1512 г. он получил звание главного кормчего Испании. В октябре 1515 г. он стал во главе экспедиции, отправленной для поисков юго-западного прохода в Индию. Он открыл Рио де Лаплата, которую прошел до области племени чарруа, которыми он и несколько его спутников были убиты в августе — сентябре 1516 г.

27. Альбо упоминает также «морских волков и уток». Первые, вероятно, некоторые экземпляры Otariidae, вторые — пингвины. Бухта — по одним данным, бухта Бдений, по другим — бухта Желанная (Десеадо).

28. Порт Сан Хулиан. «Этот порт, — записывает Альбо, — лежит на широте $49 \frac{2}{3}^{\circ}$. Мы конопатили корабли в этом порту».

29. Гуанако — разновидность ламы.

30. Отсюда и название «патагонцев», т. е. «людей с огромными ногами», данное им Магелланом, по причине неуклюжего вида их ног, обернутых в солому для защиты от холода.

31. Как известно, Калибан в «Буре» Шекспира также взывает к Сетевосу, что свидетельствует о знакомстве Шекспира с работами, в которых описывались патагонцы.

32. Подобный способ ношения волос практиковался у племени тупи.

33. Наваррете, на основании ряда современных документов, приводимых им в своем «Сборнике», рисует следующую картину мятежа:

«31 марта, в канун вербного воскресенья, Магеллан вступил в порт Сан Хулиан, в котором намеревался перезимовать, в связи с чем распорядился о сокращении рационов. По этой причине, а также потому, что стояли холода и страна была почти безлюдная, люди из экипажа начали убеждать Магеллана либо увеличить рационы, либо вернуться домой, тем более, что не оставалось никакой надежды на отыскание края этой страны или какого-нибудь пролива. Но Магеллан

отвечал на это, что либо он погибнет, либо выполнит свой обет; что путешествие, которое надлежит ему совершить, он совершает по королевскому повелению; что он будет плыть до тех пор, пока не отыщет страны или какого-нибудь пролива, который непременно должен существовать; а что касается продовольствия, то им не на что жаловаться: ведь в этой бухте обиле вкусной рыбы, пресной воды, птиц и топлива, в хлебе и вине недостатка у них нет и хватит надолго, если только они будут соблюдать меру в потреблении. В числе других доводов он увещевал и убеждал их не утрачивать доблестного духа, который кастильцы обнаруживали и продолжают обнаруживать повседневно в предприятиях еще более значительных. Наряду с этим он обещал им королевские награды.

1 апреля, в вербное воскресенье, Магеллан пригласил всех капитанов, помощников их и пилотов отслужить на берегу мессу, после чего пообедать у него на корабле. Альваро де Мескита, Антонио де Кока и все остальные съехали на берег. Но не сошли на берег Луис де Мендоса, Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена (последний находился под арестом и наблюдением Кесада).

В эту ночь Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена явились вместе с 30 вооруженными с корабля «Консепсьон» на корабль «Сан Антонио», и Кесада потребовал, чтобы капитан, Альваро де Мескита, покорился ему. Он велел матросам схватить его, как они уже это сделали на «Консепсьон» и «Виктории». Он сказал, что им уже известно, как с ними обращался и обращается Магеллан только за то, что они потребовали от него выполнения королевских приказов. Они сказали еще, что все они погибшие люди и что должно еще раз предъявить Магеллану требования, а в случае если он откажется выполнить их, надо будет его арестовать. Штурман «Сан Антонио», Хуан де Элльорьяга, выступил в защиту своего капитана, а Альваро де Мескита, обращаясь к Гаспару де Кесада, заявил: «Я прошу вас именем господина бога и короля нашего дон Карлоса отправиться на свой корабль, теперь не время ходить по кораблям в сопровождении вооруженных людей. Равным образом прошу вас освободить нашего капитана». На это Кесада ответил: «Разве мы откажемся от исполнения нашего долга по милости этого сумасшедшего?» и с этими словами нанес ему четыре удара обнаженным кинжалом в руку, чем навел большой страх на присутствующих. Мескита был арестован, Картахена отправился на корабль «Консепсьон», а Кесада остался на «Сан Антонио». Таким образом Кесада, Картахена и Мендоса стали хозяевами на кораблях «Сан Антонио», «Консепсьон» и «Виктория».

После этого они послали сообщить Магеллану, что в их распоряжении находятся три корабля и малые суда всех пяти кораблей, и потребовали от него исполнения королевских приказов. Они поступили

так, объясняли они, дабы в дальнейшем он не мог так дурно обращаться с ними, как раньше. Если он обещает исполнять королевские постановления, они будут подчиняться его руководству, и при этом прибавили, что если до сей поры они относились к нему как к старшему, отныне они будут относиться к нему, как к своему господину и будут оказывать ему еще большее уважение.

Магеллан послал им сказать, чтобы они прибыли к нему на корабль, где ему удобнее будет выслушать их и сделать все возможное. В ответ они заявили, что не осмеливаются явиться к нему, раз он дурно к ним относится, но предлагают ему притти на «Сан Антонио», где все они посовещаются вместе насчет того, о чем гласят королевские приказы.

Магеллан решил, что смелость и решительность в подобных случаях более эффективны, чем мягкость, и решил применить силу и хитрость одновременно. Он взял на свой корабль лодку, которая служила для переговоров «Сан Антонио» и велел алгусилу Гонсало Гомесу де Эспиноса скрытным образом отправиться на ялике к кораблю «Виктория», взяв с собою шесть вооруженных людей и письмо к казначею Луису де Мендоса, в котором просил его явиться на флагманский корабль. Пока казначей читал, улыбаясь, это письмо, как будто бы думая при этом: «Этим вы меня не возьмете», Эспиноса вонзил ему кинжал в горло, и в это же время другой матрос ударил его в голову, так что он тут же упал замертво. Магеллан, будучи человеком дальновидным, послал лодку с 15-ю вооруженными людьми под начальством Дуарте Барбоза, резервиста с корабля «Тринидад», и тот, вступив на борт «Виктории», поднял паруса, причем ему не было оказано никакого сопротивления. Это случилось 2 апреля. «Виктория» подошла ближе к флагманскому кораблю, и оба корабля вместе тотчас же подошли к «Сантьяго».

На следующий день Кесада и Картахена попытались выступить на кораблях «Сан Антонио» и «Консепсьон» в море, но им надо было пройти мимо флагманского корабля, который стоял у выхода. На «Сан Антонио» подняли два якоря, но так как один якорь был ненадежный, то Кесада решил освободить Альваро де Мескита, который содержался под арестом на его корабле, и отправить его к Магеллану на предмет ведения мирных переговоров. Мескита, однако, заявил, что из этого ничего путного не выйдет. Наконец они порешили на том, что когда они двинутся в путь, Мескита выступит вперед, когда они будут проходить поблизости от флагманского корабля, и попросит Магеллана не стрелять и заявит ему, что они намерены остановиться, в случае если переговоры дадут благоприятные результаты.

Не успели поднять паруса на «Сан Антонио» (была ночь, и весь экипаж спал), как корабль сорвался с якоря и столкнулся носом к

носу с **флагманским** кораблем. С последнего дали несколько выстрелов из пушек и ружей, и матросы повскочили на палубу, крича: «Вы за кого?» и в ответ им кричали с «Сан Антоньо»: «За короля нашего суверена и за вашу милость» и сдались Магеллану. Последний велел арестовать Кесаду, счетовода Антоньо де Кока и других резервистов, которые перешли к Кесаде на «Сан Антоньо». После этого он послал на «Консепсьон» за Хуаном де Картахена и арестовал его вместе с другими.

На следующий день Магеллан приказал перенести тело Мендосы на берег и четвертовать его, объявляя при этом, что он — предатель. Затем он велел казнить Гаспара де Кесада путем отсечения головы и четвертования с объявлением о нем того же. Казнь эта была выполнена его приверженцем и резервистом Луисом де Молино, который таким образом спас себя самого от повешения, ибо такой приговор уже был над ним произнесен. Магеллан приговорил также Хуана де Картахена и священника Педро Санчеса де ла Рейна, возбуждавшего матросов к мятежу, к оставлению в этой стране. Он простил более 40 человек, которые заслуживали смерти, так как они нужны были для судовых работ, а равно не желая возбуждать недовольства суровыми наказаниями.

34. «После этого, — отмечает Бриту, — они зимовали там три месяца. Магеллан приказал «Сантьяго» отправиться в дальнейшие поиски. Корабль потерпел крушение, но вся команда спаслась».

35. Альбо отмечает в шанцевом журнале: «Мы покинули это место [порт Хулиан] 24-го этого месяца [августа] и шли вдоль берега между юго-западом и западом. Пройдя 30 лиг, мы нашли реку, названную Санта Крус, в которую вступили 26-го того же месяца. Мы стояли там до дня св. Луки, то-есть до 18 октября. Мы наловили там много рыбы, запаслись топливом и водой. Берег этот тянется между северо-западом и югом и юго-западом и западом. Это превосходный берег с прекрасными выемками».

Наваррете пишет, что Магеллан дал здесь соответствующие распоряжения своим капитанам, «заявив им, что он будет следовать этими берегами, пока не найдет пролива или не достигнет края этого кочивента, хотя бы даже ему пришлось дойти до широты в 75°, и что после этого он отправился на поиски Молукки на восток и восток-северо-восток по курсу мыс Доброй Надежды и остров св. Лаврентия».

36. Это место во французской рукописи изложено так: «Упомянутый пролив представляет собою сферическую площадь, окруженную горами, и большинство моряков считало, что отсюда нет никакого выхода в упомянутое Тихое море. Но капитан-генерал объявил, что тут существует другой пролив, который отсюда выходит, и что он это знает хорошо, так как видел его на морской карте у короля порту-

гальского. Эта карта была составлена знаменитым моряком и кормчим по имени Мартин де Беме. Капитан отправил вперед два корабля, «Сан Антонио» и «Консепсьон», с целью исследования и открытия выхода из упомянутого пролива, который был назван мысом Байя».

Мартин де Бегайм (1459—1506) был торговцем сукнами во Фландрии в 1477—1479 гг., после чего прибыл в Лиссабон, где познакомился с Колумбом. В 1484 г. он участвовал в должности картографа в экспедиции Дьего Кама в Западную Африку. Побывав после этого на Азорских островах, он вернулся в 1491 г. в Германию, где по заказу своих сограждан построил огромный глобус, основанный на данных Птолемея, Страбона и др. В 1493 г. он вернулся в Лиссабон. Вокруг его имени создано много легенд. Говорили, будто он был в Америке до Колумба и открыл Магеллановы проливы до Магеллана.

37. Вероятно, бухта Ломас.

38. Возможно, что это мыс Анегада на северо-западе Оранжевого мыса.

39. Это — «Первый пролив», как раз за мысом Анегада.

40. Это — бухта св. Филиппа.

41. Это — «Второй пролив».

42. Первый — это южный проход острова Даусона, который тянется на северо-восток до бухты Бесплезной и на юго-восток до Адмиралтейского пролива. Второй — это проход между западной стороной острова Даусона и полуостровом Брунсвик.

43. Стефан Гомес (правильнее Иштебан Гомиж) был опытным португальским мореплавателем и пилотом, не менее честолюбивым, чем его родственник Магеллан. Его дезертирство с флота имело место в первой половине ноября, и причину этого следует, вероятно, искать в том, что Магеллан относился к нему не с той почтительностью, которой он добивался. Вместе с Херонимо Герра, нотариусом, который был избран капитаном «Сан Антонио», он участвовал в заговоре и после ареста Альваро де Мескита вернулся в Испанию, став на якорь в Севилье 6 мая 1521 г. Там он был подвергнут тюремному заключению после возвращения «Виктории», но был выпущен на свободу и в 1524 г. затеял экспедицию для открытия северо-западного прохода. Он дошел берегом Флориды до мыса Код и вернулся в Испанию в 1525 г.

44. Судя по записям Пигафетты и Альбо, устье реки Сардин — это гавань Галлант, расположенная на полуострове Брунсвик напротив Карловых островов.

45. Альбо отмечает, что эти два мыса у выхода из пролива названы были Фермоса и Десеадо. Последний — это мыс Пиллар

46. Жуан Серран — брат близкого друга Магеллана Франсишку Серрана и стойкий защитник великого мореплавателя. Пигафетта оши-

бочно называет его испанцем, хотя, быть может, он и натурализовался в Испании, так как в списках он числится уроженцем Севильи.

Он был опытным мореплавателем и капитаном и служил под командованием Васко да Гама, Алмейды и Албукерки. Во второе свое плавание (1502—1503) Васко да Гама назначил его капитаном корабля «Помпоза», построенного в Мозамбике, где он налаживал португальские дела. Во время этого путешествия он впервые увидел побережье Бразилии, так как флот Васко да Гама прежде, чем обогнуть мыс Доброй Надежды, направился к бразильскому побережью, вдоль которого они шли вплоть до мыса св. Августина. Он отправился с Магелланом в качестве капитана и кормчего «Сантьяго», но после крушения этого корабля он получил командование кораблем «Консельсон», на котором он потом исследовал пролив. После смерти Магеллана он стал вместе с Дуарте Барбоза во главе его флота и был убит на острове Себу (см. прим. 88).

47. Остров св. Магдалины.

48. Река Ислео расположена на полуострове Брунsvик. Она лежит к востоку от реки Сардин. Остров, на котором водружен был крест, один из Карловых островов.

49. В Патагонии растут разнообразные виды сельдерея и ценятся там очень высоко.

50. Наваррете приводит из записей одного из современников фразу Магеллана, которую он произнес на совещании, созванном для решения вопроса о дальнейшем курсе. Он заявил, что хотя бы ему пришлось питаться коровьей кожей с нока, он будет продолжать открытия, раз он обещал это императору.

51. Это была цыгга. Наваррете, основываясь на сохранившемся в Главном архиве Индий документе, пишет, что от цыгги только по пути от пролива до Разбойничьих (Марианских) островов, умерло 11 человек.

52. Эти два острова были, вероятно, Пука-пука (остров Гонден) из группы Туамоту, расположенной под $14^{\circ}45'$ ю. ш. и $138^{\circ}48'$ в. д., и остров Флинт из группы Манихики, расположенной под $11^{\circ}20'$ ю. ш. и $151^{\circ}48'$ в. д. Этот последний необитаем. На первом же население превышает 400 человек.

53. В одном источнике отмечается, что этот мыс, под названием «Мыса Дев», был открыт 21 октября 1520 г. и что он лежит под 52° ю. ш. Другие источники дают даты: 20 октября и 27 ноября.

54. Это — Магеллановы облачности и созвездие Южного Креста.

55. Сипангу — это Япония, а Сумбдит-Прадит, возможно, Антильский остров. В Европе впервые узнали о Японии в конце XIII века через Марко Поло, которому в Китае рассказывали баснословные легенды о богатствах Сипангу.

56. Первый открытый ими здесь остров был Гуам.
57. Физолеры — небольшие быстроходные лодки на веслах, которыми пользовались в венецианских озерах во время охоты.
58. Сулуан — небольшой остров к юго-востоку от Самара. Население его принадлежит к племени висай.
59. Этот остров теперь называется Хомонхон или Мальхон. Он расположен юго-восточнее ближайшей оконечности Самара.
60. Архипелаг назывался также «Безопасной долиной». Название Филиппин было присвоено этому архипелагу лишь в 1542 г. Вильялобосом.
61. Возможно, что это — птица джунглей (*Gallus bankiva*), которая в больших количествах приручается на Филиппинах для скрещивания с домашней птицей.
62. Нет возможности определить с точностью названия и местоположение четырех островов: Сенало, Хьюнанган, Ибуссон и Абарен. Некоторые полагают, что это — Динагат Кабуган, Джибусон и Кабалариан. Последний показан на карте Пигафетты севернее Малхона, и весьма вероятно, что он помещает его в определенном пункте только на основании слухов, так как по пути следования кораблей Магеллана этот остров не мог им встретиться. Его местоположение на карте говорит скорее в пользу Маникани, чем Кабалариана.
63. Раб-толмач по имени Энрике де Малака.
64. Церемония кровного побратимства. «Каси-каси» — значит «задушевные друзья». Обычай кровного побратимства был широко распространен среди индейских племен.
65. Компас в несовершенной форме был известен уже китайцам еще до нашей эры и впервые вошел в практику мореплавания в III или IV веке до н. э., может быть и ранее. В Европе он был введен, вероятно, арабами, которые узнали о нем от китайцев. Впервые в европейской литературе он упоминается в XII веке в книге Александра Неккама «De utensilibus».
66. Бутуан и Карага (Калаган) находятся в северо-восточной части Минданао.
67. Это — острова Лейте, Себу и Минданао (область Карага).
68. Кваттрино — итальянская медная монета.
69. Допльоне — золотая монета, чеканившаяся Людовиком XII во время осады им Милана (1500—1512).
70. Возможно, название монеты того же периода.
71. Возможно «аваса́», хотя это могла быть и ткань из пальмы.
72. Теперешнее название — Лимасава.
73. Это — острова: Лейте, Бохол, Канитао (к западу от Лейте), северная часть Дейте (в настоящее время название города в Лейте) и, возможно, Апит или Гимукитан.

Альбо рассказывает: «Мы оставили Масаву и направились на север к острову Сейлани, потом прошли вдоль берегов этого острова на северо-восток расстояние в 10 лиг. Там мы увидели три скалистых острова и, повернув на запад и пройдя около 10 лиг, наткнулись на два островка. Мы простояли там ночь, а утром пошли на юго-юго-запад около 12 лиг $10\frac{1}{2}$ градусов. В этом пункте мы вступили в канал между двумя островами, один из которых называется Матан, а другой — Субу. Субу, равно как острова Масавы и Сулуан, тянутся между севером и востоком и между югом и западом. Между Субу и Сейлани мы заметили весьма возвышенную область на северной стороне под названием Байбай. Говорили, что на ней находятся огромные количества золота и что она весьма богата продовольствием и столь обширна, что конца-краю ей нет. От Масавы, Сейлани и Субу по пути на юг море изобиловало мелями, и по этой причине каноэ, бывшее нашим проводником, отказалось от дальнейшего следования. От устья канала Субу и Матана мы повернули на запад и достигли города Субу. Тут мы бросили якорь и стали на отдых, а жители дали нам риса, проса и мяса. Мы стояли тут долгое время».

74. Это — *Pretgori*, или «летающие лисиды», — мыши больших размеров, множество видов которых населяет Малайский архипелаг. Особенно много их в Гинарасе, Сикиджоре и Себу. Шкура некоторых видов заменяет мех.

75. «Черные птицы с длинным хвостом» — это строящие плотины «*Megarodes*», принадлежащие к сем. куриных. Эти птицы свойственны Южно-Малайской подобласти.

76. Это — Камотские острова, лежащие к западу от Лейте, их названия: Поро, Пасьян и Пансон.

77. Каликут, собственно *Kálikot* — название области и города на Малабарском побережье. Властитель всего Малабарского побережья, от Гоа до мыса Каморин, Самари Перималь, приняв магометанскую веру, разделил свое царство на Каликут, Кохин, Коулан и Кананор и роздал их своим друзьям с условием, чтобы властитель Каликута назывался «Саморим», т. е. «Верховным императором и богом на земле». Город Каликут, оживленный торговый центр, основан приблизительно до 805 г. до н. э., хотя некоторые относят его основание к 1300 г. до н. э. Он описан Ибн-Бабутой в 1342 г. как один из прекраснейших портов в мире. Кувильям посетил его в 1486 г., а корабли Васку да Гама (Васко да Гама) стояли там в 1498 г. Последний осаждал город в 1503 и 1510 гг., и португальцы воздвигли там укрепленную факторию во избежание того, чтобы он не попал в руки соперников. Англичане основали там факторию в 1616 г., но она была захвачена Гайдар Али в 1766 г. После ряда переходов из рук в руки город и область окончательно попали в руки англичан (1792 г.).

Малакка, или правильнее Малака — название одной из древних областей и города, которые были, вероятно, на первых порах населены яванцами. Его название происходит, возможно, от «малайу», что значит по-явански «бежать» или «беглец». В ранний период Малакка попала под власть сиамцев. Город, расположенный на обоих берегах реки Малакка на расстоянии всего лишь 130 миль к северо-западу от Сингапура (который отхватил добрую часть торговли, некогда сосредоточенной в Малакке), основан в 1250 г. до н. э. Первый посетивший его европеец был Вартема, около 1505 г. Город был захвачен португальцами при Албукерки в 1511 г. и оставался у португальцев до 1641 г. (в период 1580—1640 гг. он находился в руках испанцев), после чего был захвачен голландцами. Англичане овладели им в 1795 г. Он находится до сих пор в их владении, хотя голландцы временно удерживали его в 1818—1825 гг.

Названия «Большая Индия» и «Малая Индия» применяются авторами безотносительно. По Марко Поло, Малая Индия тянется от Макрана вплоть до побережья Короманделя, а Большая Индия тянется от побережья Короманделя до Кохинхины, Средняя же Индия — это Абиссиния.

73. «Sinus Magnus» (Большой Залив) Птолемея, ныне Китайский залив.

79. «Лаган» — моллюск водится на Филиппинах и напоминает «*Nautilus pompilius*», его раковина употребляется для хранения ладана или в качестве сосуда для питья. Внутри она белая, меж тем как внешняя сторона ее вся в пятнах бледножелтого цвета. Она походит на перламутр, но имеет гораздо большее распространение.

80. Во французской рукописи это место гласит так: «Капитан-генерал отказывался брать слишком большое количество золота, дабы матросы не продавали свою долю слишком дешево, поскольку они были алчны к золоту, и дабы вследствие этого он не был сам вынужден поступать точно так же и со своими товарами; он хотел продать их по возможно более высокой цене».

81. Петарда — нечто вроде ручной ракеты из дерева, с железным ободком.

82. Магеллан клялся своей одеждой, то-есть платьем особой формы, присвоенной членам ордена Сантьягс.

83. Мандауй — это Мандауэ; Лалан, может быть, Лилоан; Лубукун, может быть, Лубу, а, может быть, и Ламбусан.

84. Возможно, что это хлопчатобумажная ткань, которую выделявали в Камбае.

85. Один из современников Магеллана датирует бой 28 апреля. Его рассказ о бое таков:

«Фернандо Магеллан добивался того, чтобы и другие власти-

тели, соседи этого, покорились этому властителю, ставшему христианином, они же отказывались подчиниться ему. Ввиду этого Фернандо Магеллан выступил однажды ночью на своих шлюпках и предал огню поселения тех, что отказывались подчиниться. Спустя 10—12 дней после этого он приказал поселению, находившемуся на расстоянии полулиги от сожженного им поселения и называвшемуся Матан, также расположенному на острове, прислать ему трех коз, трех свиней, три меры риса и три меры проса. В ответ они заявили, что вместо требуемых им трех штук каждого предмета они готовы дать ему две и что, если он согласен на это, они тотчас же исполнят все, если же нет, то как ему будет угодно, они же больше ничего не дадут. Ввиду того, что они отказывались дать ему то, что он требовал от них, Фернандо Магеллан дал распоряжение укомплектовать три лодки экипажем в 50—60 человек и выступил против этого селения 28 апреля утром. Их встретило множество людей, около трех-четырёх тысяч человек, которые бились с таким упорством, что Фернандо Магеллан и шесть человек, бывших с ним, были убиты в 1521 г.»

86. Дуарте, или Удуарду Барбоза, родился в Лиссабоне в конце XV в. Годы 1501—1516 он провел на востоке, в результате чего написал «Книгу, в коей сообщается о том, что я видел и слышал на востоке», впервые опубликованную в 1813 г. в Лиссабоне; он был служащим на фактории в Кананоре у своего дяди Жила Фернандижа Барбоза и так хорошо изучил малабарское наречие, что говорил, будто он изъяснялся на нем лучше даже, чем туземцы. По этой причине ему было поручено Нуно да Кунья вести мирные переговоры с Саморином. В 1515 г. ему дано было поручение Албукерки проверить работы по постройке нескольких галеонов. В бытность свою в Севилье Магеллан жил в доме отца Дуарте, Дьюгу Барбоза, где он женился на его сестре, Беатриж. Дуарте отправился на корабле «Тринидад» в качестве резервиста (Sobresaliente). В порте Сан Хулиан он отобрал корабль «Викторию» у мятежников. Он был убит в Себу на роковом пиру 1 мая 1521 г. Помимо вышеупомянутой книги, ему принадлежит еще письмо, написанное им из Кананора 12 января 1513 г., в котором он жалуется на эксцессы португальцев

87. Магеллан женился на Беатриж Барбоза, вероятно, в 1517 г. Он имел от нее сына Родригу, которому было шесть месяцев от роду ко времени отъезда Магеллана. Родригу умер в сентябре 1521 г., а в марте следующего года умерла его мать.

88. Бриту описывает следующим образом смерть Жуана Серрана:

«Как только с кораблей заметили избиение, они немедленно подняли якоря и попытались взять курс на Борнео. Тогда дикари вытаскивали Жуана Серрана, одного из тех, за которых они собирались требовать выкуп, и потребовали за него два ружья и два бахара меди,

помимо полотна, которое находилось на корабле как товар для мены. Серран попросил их доставить его на корабль и обещал там дать им все, что они требуют, но они, напротив, настаивали на том, чтобы эти предметы были вынесены на берег. Но (люди на корабле), боясь еще одного такого же акта предательства, как происшедший, подняли паруса и покинули там этого человека, и больше о нем ничего не было слышно».

89. «Чакаре» или «нангка», см. стр. 131.

90. «Рутейру» пишет, что на место убитого в Себу были избраны два капитана: «Жуан Лопиж [Карвалью], который был главным казначеем, «главным капитаном флота», и главного алгуасила по имени Гонсало де Эспиноза — «капитаном одного из кораблей». Пигафетта вовсе не упоминает имени Эль Кано, который привел «Викторию» в Европу. Оба вышеупомянутых капитана оставались на «Консепсьон». Когда этот корабль был сожжен, на оставшихся двух кораблях было всего лишь 115 человек.

91. Это — остров Пангало, а «черные люди» — негритосы.

92. Порт Кипит расположен на северо-восточном берегу Минданао.

93. Первое европейское упоминание об острове Лусон.

94. Пигафетта путает леки с китайцами, которые на протяжении многих лет вели торговлю с Филиппинами и которые одно время владели ими.

95. Остров Кагайян Сулу, расположенный к северо-востоку от Борнео.

96. «Рутейру» дает более подробное описание событий в Палаване.

Первое поселение, около которого они попытались высадиться, отнеслось к ним враждебно, ввиду чего они решили отправиться к другому острову, но встречные ветры заставили их стать на якорь вблизи Палавана. Тут они были приглашены на берег жителями другого поселения. Один из солдат, Жуан ди Кампуш, сошел один на берег, чтобы запастись провизией. Он был радушно встречен в этом порте, называемом Дигуасам [возможно, порт Принцесса], и население направилось собирать продовольствие для чужестранцев. В другом селении, с начальником которого Карвалью вступил в мирные отношения, закупили рис, коз и свиней. В этом поселении они встретили негра, говорящего по-португальски, который был окрещен в Борнео. Он обещал проводить их до Молуккских [островов] но в самый последний момент он не явился. Они захватили пирогу с тремя маврами поблизости от первого поселения, и были доведены до Борнео.

97. Бои петухов являются до настоящего времени излюбленным развлечением малайских и малоазиатских народов.

98. От испанского «almadía», нечто вроде каное, которым пользуются жители Восточной Индии, также и лодка, которой пользовались португальцы и их рабы в Восточных Индиях. Она состоит из выдолбленного ствола, хотя и разнообразной формы

99. Город Бруней или Брунаи.

100. Пигафетта преувеличивает численность жителей. Он, вероятно, получил эти сведения из вторых рук.

101. «Cheritatulis» — «писатели повествований»; «juruulis» — «приверженцы письма».

102. Возможно, что это — нынешний остров Лаут за юго-восточным краем Борнео.

103. Остров Борнео («самый большой остров в мире») впервые упоминается у Вартема.

Путешествие в Борнео, события, имевшие там место, и списание Борнео изложены у Альбо следующим образом:

«Мы отправились из Полуана в Борнео. Идя вдоль побережья упомянутого острова (т. е. Полуана) по направлению к юго-западной оконечности, мы обнаружили остров с мелью у его южной стороны, расположенный под $7\frac{1}{2}^{\circ}$, так что вынуждены были отклониться к западу приблизительно на 15 лиг. Тогда мы направились на юго-запад вдоль побережья Борнео к одноименному городу. Борнео — большой город с обширной бухтой. Внутри и вне этой бухты находится много мелей, так что здесь без туземного лодмана обойтись невозможно. Мы простояли тут много дней, начали торговлю и заключили прочную дружбу. Но потом множество каное, числом 260, были снаряжены с целью атаковать нас и захватить. Заметив это, мы спешно покинули это место и выступили из бухты и тут увидели несколько джонок. Мы подошли к ним и захватили одну из них, в которой находился сын властителя Лусона. Лусон — очень большой остров. Капитан вскоре отпустил его (т. е. сына властителя Лусона) на свободу, не спросившись ничего. Борнео — обширная страна, в которой водятся корица, мираболан и камфара. Последняя очень высоко ценится в этих краях и, говорят, когда здесь умирают, то бальзамируют его трупы Борнео (т. е. порт Борнео) лежит на широте $5^{\circ}25'$ и на долготе $201^{\circ}5'$ от демаркационной линии».

«Рутейру» передает, что по пути в Борнео бросали якоря у островов, названных ими островками св Павла (ныне острова Монтанани) на расстоянии $2\frac{1}{2}$ —3 лиг от Борнео. Миновав высокую гору (Кина-Балу) в Борнео, они шли по побережью острова до бухты Борнео. Встав на якорь в этой бухте, послали на берег мавров, захваченных в Палаване, в сопровождении одного матроса. Оба корабля подошли ближе к городу, и с туземцами началась торговля. Гонсало Гомесу Эспиноса было поручено отнести властителю подарок. После

двадцатитрехдневной стоянки в Борнео, экипаж кораблей, опасаясь измены ввиду того, что было замечено движение большого числа пирог и джонок, напал и захватил одну из последних вместе с 27 людьми. Утром следующего дня захвачена была джонка, которой командовал сам властитель Лусона, и 90 человек вместе с ним.

Бриту пишет, что жители Борнео, боясь того, что прибывшие чужестранцы — португальцы и что их целью является завоевание страны, были успокоены Эспиносой, который отвез подарок властителю.

104. Слово «джонка», вероятно, происходит от малайского «jong» или «ajong» (большое судно).

105. Мелкая медная, бронзовая, оловянная и цинковая монета, обращающаяся на восточных островах, называется «pichis» или «pitis», название древней яванской монеты, — теперь нарицательное название для денег вообще. Китайская монета была в прежнее время в общем употреблении на всех южных островах восточных архипелагов.

106. Китайская монета кэг, или кэтти.

107. «Бахар» в итальянской рукописи; во французской называется «бочки» или «боченок».

«Аппе» (смола), вероятно, один из многочисленных видов резины, добываемой из различных деревьев на Филиппинах.

108. Очки были изобретены в XIII веке. Изобретение это приписывается флорентинскому монаху Алессандро ди Спина или Роджеру Бэкону.

109. Пигафетта, не будучи испанцем и португальцем, обнаруживает недостаточное знакомство с магометанскими религиозными предписаниями. Нет, однако, никакого сомнения в том что эти предписания сильно видоизменились на Борнео, что видно хотя бы из того, что туземцы, по рассказу Пигафетты, употребляют аррак.

110. Камфарное дерево (*Dipterocarpus* или *Dryabalanopos camphora*) растет в пределах небольших пространств на Суматре и Борнео, где находится в изобилии. Масло (как в жидком, так и в твердом виде) находится в древесине дерева, но не в каждом Малайское название камфоры — несколько измененное санскритское «Кагруга» и для того, чтобы отличить ее от камфоры китайской или японской, к слову прибавляют еще частицу «Bagus», название морского порта на западном побережье Суматры, откуда главным образом камфора и экспортируется

111. Мыс Сампанманджио.

112. Симбонбон, вероятно Бангей или один из соседних островков между Борнео и Палаваном. В «Рутейру» он носит название «св. Марии Августовской», так как был достигнут 15 августа в день богородицы августовской

113. Это — *Trisna gigas* Раковина иногда достигает 5—6 футов в длину и весит сотни фунтов.

114. Полагают, что эта рыба из сем. «Squamipen», быть может, из рода «Heniocnus».

115. Живые листья — это насекомые из рода *Phyllium* порядка *Orthoptera*. Они известны как бродячие листья, так как внешним видом своим напоминают листья.

116. Дата отбытия была 27 сентября 1521 г. В этом месте Жуан Карвалью был отставлен от главного командования из-за крутых мер и несоблюдения королевских приказов и занял старое место главного кормчего. На его место был избран Эспиноса, а Илкану (Эль Кано) стал капитаном «Виктории».

117. Тагиму — Басилан.

118. Устрицы с настоящими жемчужинами находятся у побережья Парагуа, Минданао и архипелага Сулу, особенно у последнего, где встречается много жемчужин высокого качества. Перламутр раковин в большей цене, чем сами жемчужины.

119. Кавит — мыс и бухта на западном побережье Самбоанга в Минданао. Субанин представляет собой часть Самбоанга. Остров Монорипа, вероятно, остров Сакколь, расположенный на юго-западной оконечности области Самбоанга.

120. Корица из Минданао не обладает надлежащей крепостью и ценится не очень высоко. Корица, которая растет в Самбоанге, Карате и горных областях Мисамиса, более острого вкуса и аромата, чем корица цейлонская, хотя последняя содержит горечь, несколько снижающую ее качество, правда, эта горечь может быть устранена особым уходом. Этимологию малайского слова Пигафетта объясняет правильно.

121. В других сочинениях современников она называется «*bunguiday*» или «*bignaday*».

122. Альбо называет эти два острова Сибуко и Вирано Батолаке, первый из которых, вероятно, Сибаго, а второй — часть южной окраины Минданао.

123. Острова Балут и Сарангани, как раз южнее самой южной оконечности Минданао.

124. Эти острова принадлежат к группе Каркаралонг, южнее Минданао, Кабалусао возможно, остров Кабалусу, а Липан, вероятно, Липанг.

125. Из числа этих островов: Кеама — это Кима, Каракита — Каракитанг, Пара сохраняет свое название и ныне или называется Пала; Сангалура — это Сангалонг, или Сангалуан; Сиау — это Сиао, или Сян; Пагинсара, — вероятно, Тагуланда.

126. Талаут, возможно, остров из группы Тулур, южнее Сангира. Соар и Меау, вероятно, Тифор и Мейо.

127. Альбо излагает следующим образом события, происшедшие за время, протекшее с того дня, как корабли покинули Борнео, до прибытия их к Молуккским островам:

«Мы оставили Борнео и возвратились тем же путем, которым пришли сюда, и соответственно с этим миновали канал между оконечностью острова Борнео и Полуаном. Повернув на запад [?], мы направились к острову Кагайян, и таким образом тем же путем направились на поиски острова Кипит на юге. На этом пути между Кипитом и Кагайяном мы обнаружили на южной стороне остров по названию Соло, где находят много очень больших жемчужин. Говорили, что властитель этого острова обладает жемчужиной величиною в яйцо. Остров лежит под 6° широты. На этом пути мы прошли мимо трех небольших островков к югу и юго-западу от Соло. Ташма лежит под $6\frac{5}{6}^{\circ}$ и расположена напротив мыса Кипит. Между этими двумя островами находится множество островков. Упомянутый мыс лежит под $7\frac{1}{4}^{\circ}$ и тянется на юго-восток и западо-северо-запад к Полуану.

После этого мы пошли вдоль побережья Кипита по направлению к югу. Повернув на восток, мы направились к нескольким скалистым островкам. На побережье расположено было много поселений, и там, где растет в изобилии превосходная корица, мы накупили ее немало. На этом побережье много и имбиря. После этого мы направились на северо-запад, заметили залив и повернули на юго-восток, пока не увидели большой остров. Тут раскинулось большое поселение, которое тянулось от этого места до южной оконечности острова Кипит и находилось на оконечности этого острова. Здесь в большой реке находятся огромные количества золота. Эта оконечность лежит на $91\frac{1}{2}^{\circ}$ от меридиана.

Мы оставили Кипит, направляясь на Молукку, и, повернув на юго-запад, встретили остров Сибуко. После этого мы повернули на юго-восток, где увидели другой остров, Вирано Батолаке, затем продолжали путь до оконечности этого острова. Затем мы увидели еще один остров, Кандикар, и направились к югу между этими двумя островами, пока не достигли пункта несколько подалее, и тут мы вступили в канал между Кандикаром и другим островом, по названию Сарангани. Мы бросили якорь у этого последнего и взяли тут лоцмана на Молукку. Эти два острова лежат на $4\frac{2}{3}^{\circ}$, меж тем как Кипит лежит на $7\frac{1}{4}^{\circ}$, оконечность Сиоуко на 6° южной широты и оконечность Вирано Батолаке — на 5° . Начиная от оконечностей Кипита и Кандикара курс лежит между северо-северо-востоком и юго-юго-востоком, и на этом пути не встречается ни одного мыса.

Мы оставили Сарангани и направились между югом и востоком, пока не достигли правой стороны острова Сангин. Между этими двумя островами расположено по направлению к западу большое число островков. Сангин лежит на $3\frac{2}{3}^{\circ}$.

Из Сангина мы направились между югом и востоком к острову Сиан. Между этими двумя островами расположено множество скалистых островков. Сиан лежит на 3° точно.

Мы направились между югом и западом к острову Пагинсара, который лежит на $10\frac{1}{6}^{\circ}$. Путь от этого острова до Сарангани лежит между севером и западом и между югом и западом, и все эти острова обследованы.

От Пагинсара мы направились по курсу между югом и востоком, пока не достигли пункта по середине двух островков, расположенных к северо-востоку и юго-западу один от другого. Тот, что в северо-западном направлении, называется Суар, другой — Меан. Первый лежит на $1^{\circ}45'$, а другой — на $1\frac{1}{2}^{\circ}$.

От Меана мы пошли на юго-юго-восток, пока не увидели острова Молукка. Тогда мы повернули на восток и вступили в канал между Маре и Тидори, где и стали на якорь. Тут нас встретили с величайшим радушием, и между нами установились прочные мирные отношения. Мы построили на берегу дом для торговли с местными жителями и простояли тут много дней, пока грузились корабли».

«Рутейру» сообщает, что после того как покинули Борнео, захвачен был в плен экипаж одной джонки, груженной кокосовыми орехами, и вскоре после этого корабли стали на починку в порте св. Марии Августовской. Направившись на юго-запад, они встретили остров Фагаджам [Кагайян] и остров Селоке [Соло или Жоло], где, как они узнали, имеется много жемчуга. На следующий день они дошли до Кипе [Кипита], проходя между этим островом и островом Тамгим [Тагима]. Во время плавания вдоль побережья этого острова они захватили пирогу, груженную саго в виде хлебов; это — хлеб, изготовляемый из дерева под названием каджаре и употребляемый в пищу местными жителями вместо хлеба. На пироге находился 21 человек, в том числе их начальник, который бывал в доме Франшишку Серрана в Молукке. По пути они заметили несколько островов под названием Семрин. Они наняли проводника до Молуккских островов, но он не внушал доверия, и тогда взяли в плен и его и некоторых других. Туземцы пустились преследовать корабли, но их постигла неудача. Продолжая обследование этих мест, они увидели высокие горы, «принадлежащие народу, который здесь носит название Салабос [Целебес]» и вскоре после этого, намереваясь пристать к небольшому островку, чтобы запастись свежей водой, они были предупреждены одним из туземцев-проводников, что местное население враждебно относится к ним.

Отсюда они увидели Молуккские острова и на радостях дали залп из всех орудий. К этому острову они подошли 8 ноября 1521 г., так что весь путь от Севильи до Молукки продолжался два года, два месяца и двадцать один день, ибо выехали они [из Испании] 10 августа 1519 г.

Другой современник Магеллана исчисляет расстояние между Разбойничьими [Марианскими] островами и островами Молуккскими в 1 000 миль. По пути между ними расположен архипелаг св. Лазаря, «где находится множество островов».

128. «Кинталада» — проценты от груза или места хранения груза на корабле, которые получали должностные лица и матросы парусных судов. Грузовой корабль получал наименование *aquintalada* после исключения «кинталады», т. е. после вычета из стоимости груза всех сумм на погашение затрат по авариям, а из разности нетто — $2\frac{1}{2}\%$, которые распределялись между теми из экипажа, которые работали больше. Общий размер этих процентных отчислений был определен для офицеров и матросов флота Магеллана в п. 74 инструкций, данных Карлом I Магеллану и Фалеру в Барселоне 8 мая 1519 г. Приводим выдержку из этих инструкций:

«Ниже объявляются кинталады, подлежащие погрузке на суда, направляющиеся в области пряностей, равно как и количества, которые дозволяется грузить каждому, из какового ему надлежит уплатить одну двадцать четвертую долю его величеству.

Кинталады

Первое: Фернандо да Магальяншу и Фалеру, капитан-генералу этого флота разрешается 60 кинталов со- держимого помещения, в каждом	60
Далее: из кинталады и 20 кинталов в каждом 20 кинталов дозволяется грузить под палубой и над декой помещения	20
Остальным трем капитанам — каждому из них разрешается 40 кинталов в помещении каюты, десять из них кинталада	40
Казначее — 20 кинталов в помещении каюты, и одну кинталаду под палубой	22
Счетоводу — подобное же количество кинталов	22
Нотариусам кораблей — пятнадцать (?) кинталов в помещении каюты и одну кинталаду	22
Альгусилу флота — шесть кинталов и одну кин- таладу	8
Матросам флота — $1\frac{1}{2}$ кинталады	3
Капелланам — четыре кинталы каждому	4

Врачу и хирургу — пять кинталов каждому	5
Штурманам и кормчим — двенадцать кинталад помещения в одну кинталаду каждому	14
Боцманам — восемь кинталов пространства каюты и одна кинталада каждому	10
Матросам — одну кинталаду каждому	2
Простым матросам — $1\frac{1}{2}$ кинталады каждому	2
Старшим канонирам — по три кинтала в помеще- нии каюты каждому и одну кинталаду	5
Остальным канонирам — по одной с половиной кинталады каждому	$2\frac{1}{2}$
Плотникам — по полторы кинталады	$2\frac{1}{2}$
Конопатчикам — столько же	$2\frac{1}{2}$
Бочарам — столько же	$2\frac{1}{2}$
Лучникам — столько же	$2\frac{1}{2}$
Слугам капитанов — по одной кинталаде каждому	1
Каменотесам, каменосекам — по три кинталады каждому	3
Стюардам — по три кинтала каждому	3

В тех случаях, когда служба нам выразится в постройке крепости на месте, вышепоименованные лица, которые там будут оставаться, имеют право на [погрузку] тех же кинталад на корабля, направляющиеся [в это королевство], и на получение ежегодно подобных же сумм за кинталады всего оставшегося там [товара].

В крепостях, подлежащих постройке, нашему капитану надлежит назначить таких лиц с возложением на них обязанностей и поручений, которые необходимы в означенных крепостях, и положить им надлежащее жалованье, пока мы не возложим на них дополнительных обязанностей.

Т а р а

Капитан-генералу надлежит взять четыре тары, за которые он уплачивает лишь $\frac{1}{20}$ -ю.	4
Остальные капитаны могут взять 3 тары каждый на тех же условиях:	3
Счетовод и казначей — по 2 каждый	2
Нотариусы кораблей по — 1 каждый	1
Штурманы и пилоты — по 1 каждый	1
Боцманы — по 1 каждый	1
Алгусид флота — 1	1
Капелланы — каждый по 1	1

Стражники кораблей — каждый по 1	1
Слуги капитанов — по 1 на двоих	1
Врач и хирург — по 1	1
Матросы — по 1 на двоих	1
Простые матросы — по 1 на двоих	1
Юнги — по 1 на троих	1
Старшие канониры кораблей — по 1 на каждого	1
Остальные канониры — по 1 на двоих	1
Плотники, конопатчики, бочары, каменщики, лучники и моряки — по 1 на двоих	1
Стюарды по 1 на каждого	1
Резервисты — по 1 на каждого	1

129. Франсишку Серран, брат Жуана Серрана, был близким другом Магеллана. В 1509 г. Серран отправился с флотом, снаряженным Алмейдой для исследования Малакки. Сойдя на берег с большим отрядом вооруженных, он подвергся нападению со стороны малайцев, и ему удалось спастись лишь благодаря тому, что Магеллан поспешил ему на помощь. В январе 1510 г., возвращаясь из этой экспедиции, он потерпел кораблекрушение. В 1511 г. он был отправлен в качестве капитана одного из трех кораблей под командованием Антониу д'Абреу к Молуккским островам с целью их открытия и торговли, но экспедиции не удалось добраться до них; она достигла только островов Банда.

Во время этой экспедиции его корабль стал негодным для морского плавания, а купленная взамен его джонка потерпела крушение у одного из островов. Серрану удалось овладеть судном пиратов и таким образом благополучно добраться до Амбоины. При первом же удобном случае Серран направился в Тернат и там стал на сторону властителя Тидора, но незадолго до прибытия в эти края Магеллана был отравлен властителем Тидора. Во время пребывания Серрана в Тидоре он вел оживленную переписку с Магелланом, и последний использовал его письма с целью побудить Карла I согласиться на экспедицию.

130. Тестон — португальская серебряная монета, впервые отчеканенная в XV веке.

131. Невозможно с точностью определить подлинные имена.

132. Педру ди Лороза, обвиненный в предательстве по отношению к отечеству. «Рутейру» говорит, что его нашли на острове Таргатель (Тернат) и что ему были направлены письма с предложением «явиться и поговорить с ними», но он ответил, «что не смеет сделать этого, так как властитель этой страны запрещает ему». Однако разрешение было получено, и Лороза явился. Он остался на корабле «Три니다д» и вскоре был казнен португальцами.

133. Туземное название Жилоло-Бато-тсима. Остров этот находится во владении голландцев. Население, числом 120 тыс. человек, состоит из малайцев и алфуров. Последние, вероятно, остатки дома-лайского населения, обитают в центральной области острова.

134. Пигафетта, вероятно, говорит тут о различных видах бамбука.

135. Гудзерати (Гуджерат) — одна из древних областей Индии, западную часть которой составляет полуостров Каттивар, до конца XIV века зависимая от Афганской империи страна. Независимость получила в 1408 г. Ее гавани являлись крупными торговыми центрами.

136. Намерение запастись свежей водой около Целебеса объяснялось опасением, что у Молуккских островов им не дадут возможности это сделать.

137. Триштан ди Менезиш отправился по поручению Алейшу ди Менезиша на Малакку. По пути следования он нашел острова Явы, Банды и Молуккские.

138. Дьогу Лопиш ди Сикейра, португальский моряк, капитан-генерал и правитель Индии (1518—1522), отправился 5 апреля 1508 г. из Лиссабона на четырех кораблях для исследования и открытия Малакки. После прибытия его в Индию ему предложено было место главного капитана Индии, но он отклонил это предложение. В декабре 1509 г. он отправился в Малакку, но его беззаботность стоила ему жизни. Он пал от руки малайцев.

139. Джуда — город Джидда, или Джедда, порта Мекки.

140. Вероятно, Перу ди Фарья, который был назначен капитаном корабля в Малакке по распоряжению Албукерки и послан был правителем (Дьогу Лопиш ди Сикейра) для постройки форта на Молуккских островах.

141. Банда, или «Острова мускатного ореха» — небольших размеров. Всего их десять, некоторые из них необитаемы. Банда (собственно Бандан) по-явански означает «священные вещи», а вместе со словом «пуло» — соединенные острова. Эта группа островов лежит между южными широтами: 3°50' и 4°40'. Сонтар или Большая Банда — самый большой остров, но основное поселение находится на Нере. Эти острова вулканического происхождения, и тут часто происходят извержения и землетрясения. Население редкое. Единственный источник его существования — разведение мускатного ореха. Первый португалец, посетивший эти острова, был Абреу (в 1511 г.), но Вартема, повидимому, был там раньше. Португальцы владели ими до 1609 г., когда голландцы сделали попытку захватить их, но туземцы оказали им ожесточенное сопротивление, в результате чего голландцы начали беспощадную истребительную войну, которая длилась до 1627 г. Значительное число туземцев вынуждено было бежать с островов, и гол-

ландды стали ввозить рабов для разведения мускатного ореха. Ореховые плантации были розданы голландцами участникам военных действий против туземцев. До настоящего времени эти плантации находятся во владении их наследников.

142. Вероятно, острова Поттбейкере к югу от Тидора.

143. Предполагают, что существует пять видов пальм, дающих саго, обозначающее, повидимому, муку, так как каждая пальма имеет свое особое название. Наиболее часто культивируемые сорта: «рамбийя» (*Sagus konigin*) и «бамбан» (*Sagus laevis*). Саговые деревья растут в изобилии на всем Малайском архипелаге и Филиппинах вплоть до Минданао. Шесть саговых деревьев дают гораздо больше питательных продуктов, чем гектар пшеницы, а 12 деревьев — больше, чем гектар картофеля. Саго — единственный хлебный продукт на Молуккских островах и в Новой Гвинее. Однако на Малайских островах оно употребляется в пищу только дикими племенами, а не самими малайцами. В Минданао оно употребляется только беднейшей частью населения, в то время как на других островах, как, например, на Яве, где рис растет в изобилии, саго вовсе не в ходу. Перловый саго не введен в торговлю китайцами. Способ приготовления саго в существенных чертах такой же, какой описан Пигафеттой.

144. Туземное обозначение гвоздики — «гомодо» и «бонгалаунт». Главные названия для гвоздики на южном архипелаге скорее иностранного, чем местного происхождения. На Молуккских островах гвоздика называется «гаумеди», что по-санскритски означает «коровий мозг». Наиболее часто встречающееся название — «кангкек», которое представляет собой видоизменение китайского слова «тенг-хиа» и означает «благовонные гвозди». Другое название — «лаван», к которому малайцы прибавляют слова «цветок» или «плод» (как «бонгалаван» Пигафетты).

145. Этот остров сохранил свое название.

146. Т. е. «субхан», и означает «восхваляя».

147. Св. Варвара считалась у суверенных испанцев покровительницей пороховых складов.

148. Марчелло — венецианская серебряная монета весом 63 грамма. Два марчелло равны были одной венецианской лире, стоимость которой была $\frac{1}{4}$ итальянской лиры.

149. Сантьяго Компостельский — населенный пункт в Галисьи (Испания). В Испании в Средние века существовал военно-религиозный орден Сантьяго (св. Яков).

150. Шкурки райской птицы издавна составляли предмет оживленной торговли. Существовало поверие, что тот, кто носит такую шкурку, непобедим в бою и ему не грозит никакая опасность.

151. Другие источники отмечают, что корабль «Тринидад» получил течь у острова Маре уже после того, как запаслись провизией и топливом для обратного плавания.

152. Бриту рассказывает в связи с этими происшествиями следующее:

«Я уже из Банды писал о кастильцах и отослал письма некоего Педру ди Лороза, который прибыл сюда вместе с ними. Я покинул Банду 2 мая 1522 г., намереваясь захватить корабль, оставшийся последним, так как другой покинул эти места около трех месяцев назад. В Тидор я приехал 13 мая 1522 г. Находившиеся там раньше кастильцы нагрузили два корабля, которые и отправились в Кастилию. Я узнал, что первый корабль уехал четыре месяца, а другой — месяца полтора назад. Второй не мог уехать одновременно с первым из-за течи, которая открылась как раз перед отплытием. Поэтому с него был снят груз, и после починки он тут и остался. Я нашел пятерых кастильцев, один из них был фактор с товаром, а другой — канонир. Я послал фактора Руй Гагуо к властителю [Тидора], прося его добиться того, чтобы кастильцы, их артиллерия и их имущество были переданы мне, и точно так же спросить его, на каком основании он пропустил сюда кастильцев, раз эта область была задолго до того открыта португальцами. Он сказал в ответ, что допустил их только для торговли, и больше всего из страха, а не по своей охоте. На следующий день он прислал ко мне трех кастильцев и некоторое количество товаров. Я уже захватил с собою другого кастильца, когда оставляя Банду, куда он явился познакомиться со страной и возможностью вести здесь торговлю. Пятый кастилец в это время отсутствовал: он находился в Моро, в 60 лигах от Молукки. На следующий день ко мне явился властитель. Он объявил себя верным вассалом вашего высочества и сумел во всем оправдаться, что подтвердили также и кастильцы. Я предложил ему изложить все это в письменной форме для того, чтобы держать его в страхе в будущем.

Вся страна была наводнена оловянными крестами (некоторые были из серебра), на одной стороне которых находилось изображение распятия, а на другой — образ богородицы. Они продавали бомбарды, мушкеты, луки, мечи, дротики и порох. Я закупил все упомянутые кресты для вашего высочества: они продавали их с полным пониманием того, что они собой представляют.

По прошествии нескольких дней пребывания тут побочный сын властителя Терната повел меня на свой остров. Он правит от имени наследника, восьми-девятилетнего ребенка, чей отец умер за семь или восемь месяцев до моего прибытия сюда. Остров [Тернат] — обширнейший и главнейший на всей Молукке. Тут именно и жили Франсиску Серран и дон Триштан, когда они сюда прибыли. Потом яви-

лась мать властителя, обладающая большей властью, и они объявили о своей вассальной преданности вашему высочеству. Я ничего не говорю пока о крепости,— я намерен прежде всего обследовать все острова. Я считаю наиболее подходящим сооружение ее здесь, так как это самый большой остров, а в Тидоре нет гавани.

Пока я находился на берегу, люди моего экипажа захворали и в течение двух месяцев моего пребывания только 50 человек из 200, приехавших со мною, чувствовали себя хорошо. Около 50 человек умерло. С таким-то небольшим числом людей я все же приступаю к постройке крепости.

22 октября я получил известие, что вблизи островов находится какой-то корабль. Я решил, что это — кастильцы, раз они взяли курс в этом направлении. Я отправил три корабля с приказом привезти его сюда, и они это выполнили, захватив 22 кастильца. Они заявили, что, не желая возвращаться по тому же пути, по которому они шли сюда, потому что он слишком длинный, они решили идти к Даррину. Но ветер был слабый, и, не дождавшись муссона, они отклонились на 40° на север. Когда они оставили эти места, их было 54 человека; 30 из них умерло. Была произведена опись товаров, принадлежащих королю Кастилии, и забраны астролябии и карты. Корабль был старый, и течь не прекращалась все время, так что за неделю времени потеряно было 40 бахаров гвоздики. Дерево корабля пошло на постройку крепости, а снаряжение перешло на другие корабли...».

17 испанцев отправлены были им в сопровождении дона Гарсия в распоряжение Жоржи Албукерки, а четверых он оставил у себя, причем о них он говорит в своем послании:

«Что касается штурмана [Хуан Батиста], писца и кормчего [четвертый был плотник, которого Бриту решил использовать на работах по постройке крепости], то я пишу главному капитану, что было бы гораздо полезнее для службы вашему высочеству, если бы они были обезглавлены, чем отсылать их также [к Албукерки]. Я задержал их в Молукке, так как страна здесь нездоровая, и сделал это намеренно, чтобы они здесь поумирали: я не дерзаю казнить их здесь, так как не знаю, как вы отнесетесь к такому поступку. Я пишу Жоржи Албукерки, чтобы он задержал их [остальных 17] в Малакке, в которой климат также очень нездоровый».

Смертность на «Тринидаде» была ужасная: из числа 53 человек, оставшихся в Тидоре с Жуаном Карвалью, в Испанию вернулись только: алгусиал Гонсало Гомес де Эспиноса, да и то по прошествии многих лет; матрос Хинес де Мафра; матрос Леон Панкадо и матрос Хуан Родригес. Немец-канонир Ганс Верге также добрался до Лиосабона, но вскоре после прибытия умер там в тюрьме.

153. Современные названия Молуккских островов: Тернат, Тидор, Мортьер, Макьян и Батиджан, или в более точном начертании: Тарнати, Тидори, Мортир, Макийян и Бакьян. Альбо включает в Молуккские острова также и Жилоло.

154. Мосто полагает, что Кайоан—это остров Кайоа или Киу; Лайгома — это Лайгама, один из островов Молуккской группы; Джоджи, быть может, это Гуморджи; Сико—Сику.

155. Совершенно очевидно, что Пигафетта полностью доверял сведениям, которые он получал от малайских лодманов, которые находились на корабле, и разного рода слухам. Рассказ Пигафетты, возможно, относится к какой-нибудь местной народности, однако, вернее всего, речь тут может идти об оранг-утангах.

156. Лабуан — это Лабуэха, южная часть острова Баткьян; Толиман — это Твали-Безар; Титамети, возможно, Тавалье Кетиджалъ; Лаладата — Латта-Лата; Табоби, быть может, Таппи; Мага, возможно, Луманг; Баутига, возможно, Большой Оби, мыс на котором носит название Айджер Батоэ Геккок.

157. У Альбо этот остров носит название «Сулан». Это — один из островов Сулла.

158. С полной уверенностью невозможно отнести эти названия к существующим в настоящее время. Первые четыре, вероятно, относятся к группе островов поблизости от Амбоины, состоящей из островов: Гонимоа, Моелана Ома и Ноесфа Лаут; Лейтмор — это полуостров в группе Амбоины; Тенегун, возможно, один из островов группы Сулла. Последние четыре названия относятся, возможно, к южной группе Серама, известных под следующими названиями: Баноа, Баби, Келанг, Манипа, Тоебан и Сманги.

159. Альбо называет этот остров Лумутола. Это, может быть, остров Лисаматула.

160. На современных картах он обозначается как Буру. Альбо называет его Буро и отмечает, что «надо двигаться вдоль его южного побережья». Это было 27 декабря.

161. Туземное название — Амбун; так называется главный город, самый же остров называется туземцами Хиту. Население было обращено в христианство и принадлежит к голландской лютеранской церкви.

162. Теперь называется Амблау. Он протяженностью в 70 кв. миль, и население на нем численно небольшое. Он лежит под $3^{\circ}15'$ ю. ш. и $125^{\circ}15'$ в. д.

163. Названия десяти островов, входящих в состав группы Банда, следующие: Банда («соединение»), Пуло Нера («остров пальмового вина»), Лонтар («пальма»), Пуло Аи (точнее Пуло Ван — «водный остров»), Пуло Писанг («остров бананов»), Пуло Рун, Пуло Суванги («остров чар»), Гунунг-апи («горящая гора», или «вулкан»), Пуло

Капал («страна кораблей») и Росинген (Росогин Пигафетты, «твердый»).

164. Эти острова: Солор, Нобокамор Руса и Ломблен. Возможно, что проход, по которому направилась «Виктория», это или Флорес или пролив Боленга.

165. Черный перец (*Piper nigrum*), называемый по-малайски «лада», был, вероятно, завезен сюда из Малабара. Его не найти ни на одном из Малайских островов, но он растет в изобилии на горах и в долинах большинства стран западной части Индии.

166. Согласно записям Альбо, они прибыли к этому острову 8 января 1522 г.

167. Мосто полагает, что Арукето — это один из островов Ару или Аруку, южнее Амбонны.

168. Этот обширный остров был Тимор, а Амабан и Балибо — два селения на его побережье.

169. Белое сандаловое дерево (*Santalum album*) — низкорослое дерево, напоминающее миртовое, хотя и принадлежит к другому семейству. Оно водится на различных островах Малайского архипелага и, особенно, на Тиморе и Сумбе («остров сандалового дерева»). Оно произрастает также на островах Южного моря и на Малабаре. Наибольшим спросом сандаловое дерево пользуется у индусов и китайцев, особенно у последних.

170. Тимор не относится к цепи островов, общее название которых Сунда. Это гористый и почти безлюдный остров. Его населяют малайцы и негритосы, на западе господствует тиморское наречие, на востоке — манатото. Остров находится во владении португальцев и голландцев.

171. Болезнь св. Иова — сифилис

172. Энде, называемый также Флорис и Мангаран, лежит между 7 и 9° ю. ш. и 120 и 123° в. д. Вулканического происхождения. Говорят, что на нем существует шесть различных наречий и что туземцы являются посредниками между малайцами и папуасами.

173. Ява — наиболее значительный остров в Восточных Индиях. Название это впервые упомянуто у Марко Поло. Пигафетта дал первое, наиболее верное описание этого острова. Флора Явы богата и разнообразна, остров отличается чрезвычайным плодородием. Столь же разнообразна и фауна острова. Население составляют малайцы. Яванский язык — один из богатейших в мире. В эпоху вторжения европейцев яванская культура была самой высокой на востоке. У яванцев существует богатая литература.

174. Все сообщаемые Пигафеттой сведения получены им от малайских пилотов. Маджепахер — древняя столица Маджапанг; Сунда, вероятно, западная область Явы, населенная суданезцами; Даха —

яванское государство Дэа; Сипара — это Джапара; Кесси — это Грессик или Гарсик (первый пункт на Яве, куда проник португалец д'Абреу); Сирубайя — это Сурабайя.

175. Балли — это собственно не город на Яве, а гористый остров, расположенный приблизительно на расстоянии 1½ мили к востоку от Явы. Малайское значение этого слова — «вернуться». Многочисленные реки его судоходны, но только для туземных лодок. Население живет в деревнях, от 500 до 3 000 жителей в каждой; они окружены глиняными стенами; у них нет ни камня, ни кирпича. Религия — браманская и буддистская. Существует резкое разделение на касты.

176. Мадурa в отношении флоры, обычаев и нравов ее населения ничем не отличается от Явы. Наибольшая длина его — 90 миль. Язык похож на яванский, но значительно беднее его. Существует один диалект — суманап.

177. Возможно, что это — мыс Романия, юго-западная оконечность Малаккского полуострова.

178. Сингапола — Сингапур, или Сингапура, названный так от санскритского «Синга» (лев) и «пура» (город). Это название и острова и города, расположенного на оконечности Малаккского полуострова. Паган — это Паганг — город и область в восточной части Малаккского полуострова. Калантан и Патани — области в восточной части Малаккского полуострова. Оба эти государства с давних времен являлись данниками Сиамa. Лагон — это сиамская область Лггора, Пран — это река того же названия. Брабри, возможно Бангри, а Банга — Бангкок. Индия (тут, вероятно, описка переписчика) — Ютия, которая в 1350 г. сделалась столицей Сиамa. Мосто полагает, что Джандибум, Сану и Лангонлифа — это имена сиамских царей, но с большей вероятностью можно считать, что это названия городов.

179. Это страна Камбодиа, или Камбоджа, называемая малайцами также Кампа.

180. Кампа — название древнего малайского поселения на восточном берегу Сиамского залива, в Камбодже.

181. Пигафетта смешал ремень со сгнившим деревом, растущим в Сиаме и издающим после того, как его сжигают, очень приятный аромат. Оно продается по очень высокой цене.

182. Это — страна Кохин (Кохинхина).

183. В истории Китая он известен под именем Чистонга из династии Мин. Он наследовал Вутстону в 1519 г. и царствовал 43 года.

184. Последний из перечисленных городов — это Пекин, который монголы называли Кан-палик, или Канбалиг (городом хана), а в рассказах, относящихся к тому времени, он упоминается под названием Камбалу.

185. «Зонгу», вероятно, название простейшей церемонии «куншау», состоявшей в том, что складывали руки и поднимали их перед грудью.

186. По-санскритски «нага» — название баснословного змея или дракона. Это название входит в состав наречий на Индийском архипелаге.

187. «Ченчи», вероятно, название народности Чинчео (Чинчю, современное Хуанчжоу), название, ранее присвоенное одной из китайских провинций.

188. Название Катайо, когда-то присвоенное северной части современного Китая, стало в средние века общим для всей страны.

189. Хань был небольшим китайским государством, по которому и названа была первая китайская династия. Возможно, что именно об этом государстве и говорит Пигафетта

190. Яванское название Южного моря.

191. Суматра впервые упоминается у Вартемы, но ранее ее посетил Марко Поло, который назвал ее Малой Явой; Трапробан (Тарпобан) — это древнее название Цейлона, а не Суматры. Суматра — самый западный из всех островов Малайского архипелага, и после Борнео и Новой Гвинеи самый обширный. До 1816 г. ни англичанам, ни голландцам не удавалось прочно утвердиться тут.

192. Пету (вместе с одноименной столицей) одно время представляло собою одно из могущественных государств на востоке, но с течением времени соседние государства затмили его. Оно составляет часть Британской Индии вместе с Бенгалией и Орисой (Уриса). Бенгалия была в конце XII века в составе индустанской империи Гори или Патана и образовала отдельную провинцию, а в 1340 г. вновь стала независимым государством, пока не была завоевана Акбаром в 1573 г.

Келин — это, собственно, Кулам, или Килон, на Малабаре, в свое время значительный торговый центр, утративший, однако, свое значение в середине XVII века.

Нарсинга, или Виджаянагар, ныне город в развалинах, был в свое время столицей древнего государства браминов Карнатика, власть которого распространялась на большую часть полуострова между Малабарским и Коромандельским побережьями.

Каликут, Камбай, Кананоре, Гоа и Ормуз (Армус, Гурмыз) являлись крупными торговыми центрами до и во время занятия португальцами Востока.

193. Пигафетта не упоминает жреческой касты и путает все другие. В действительности же существовали только четыре основные касты: браманы, или жрецы, происшедшие из уст Брамь; военные (кшаттира, ксеттри или чуттри), которые «произошли из рук Брамь»; промышленный класс, занимающийся промыслами (вайсья), «проис-

шедшие от пояса и бедер Брамы», судра или класс рабов, «происшедший от ног Брамы» и совершенно бесправный

Эта освященная религией кастовая система санкционировала классовый строй, основанный на эксплуатации и подавлении широких свободных масс населения.

194. Альбо отмечает под датой 13 февраля 1522 г., что курс был взят на запад-юго-запад по направлению к мысу Доброй Надежды.

195. Оккупация португальцами Мозамбика началась в 1498 г., когда Васко да Гама вступил в устье Замбези. В первом десятилетии XVI в. там было основано много поселений. Мозамбик, имеющий площадь в 771 000 кв. км, очень богат растительностью и минералами.

196. 14 марта экипаж «Виктории» был занят ремонтом корабля до полудня, после чего снова отправились в путь. Спустя семнадцать дней, они увидели возвышенный остров [Амстердам], к которому им не удалось пристать, так как они вынуждены были снова заняться ремонтом корабля. 6 апреля они вновь двинулись в путь, но переменяли курс на север. 8 мая они увидели землю и на следующий день стали на якорь около сурового берега. 16 апреля корабль снова вынужден был остановиться из-за потери мачты. После многих дней плавания они увидели, наконец, 22 мая мыс и взяли курс на север. Если дата Альбо соответствует действительности, то Пигафетта делает ошибку почти на полмесяца.

197. О событиях у острова Сантьяго Альбо рассказывает так: «В понедельник 14-го мы послали на берег шлюпку за рисом. На следующий день она вернулась и вновь отправилась за грузом. Мы ждали ее до ночи, но она не возвращалась. Тогда мы решили прождать до утра, но она все не возвращалась. Тогда мы подошли ближе к порту, чтобы узнать причину такого опоздания, и в это время к нам подошла лодка, с которой потребовали, чтобы мы сдались им, заявляя, что нас отошлют с кораблем, который они ожидают из Индии, а своих людей они погрузят на наш корабль,— таков, дескать, приказ их начальства. Мы потребовали, чтобы они вернули наших людей и нашу шлюпку. Они ответили, что передадут наши слова своим начальникам. Ввиду всего этого мы поворотили на другой галс и подняли все паруса. На нашем корабле осталось 22 человека, и больных и здоровых. Это происшествие имело место во вторник, в 15-й день месяца июля».

198. Наваррете приводит на основании официального документа, хранящегося в Главном архиве Индии, список оставшихся в живых на «Виктории» и благополучно добравшихся до Испании:

- 1) Хуан Севастьян де Элькано (Эль Кано), капитан
- 2) Франсиско Альбо, пилот
- 3) Мигель Родас, штурман

- 4) Хуан де Акурьо, боцман
- 5) Мартин де Юдисибус, стражник
- 6) Эрнандо де Бустаменте, цырюльник
- 7) Айрес, канонир
- 8) Дьего Гальего, матрос
- 9) Николао де Наполес, матрос
- 10) Мигель Санчес де Родас, матрос
- 11) Франсиско Родригес, матрос
- 12) Хуан Родригес де Уэльва, матрос
- 13) Антон Эрнандес Кольменеро, матрос
- 14) Хуан де Арратья, моряк
- 15) Хуан де Сантандер, моряк
- 16) Васко Гомес Гальего, моряк
- 17) Хуан де Сибулета, юнга
- 18) Антонио Ломбардо (Пигафетта), резервист

199. Пигафетта не упоминает, что на «Виктории» были привезены пряности, стоимость которых значительно превысила затраты на снаряжение остальных четырех кораблей и на их оборудование. Груз состоял из гвоздики, корицы, мускатного ореха и сандалового дерева. «Виктория» после этого совершила благополучный рейс до Кубы, но при вторичном рейсе потерпела крушение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кругосветное плавание Магеллана. <i>Я. М. Свэт</i>	3
Путешествие Магеллана	43
Примечания	143

Редактор *С. Н. Кумкес*
Художественный редактор *В. В. Осокин*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Обложка и рисунки художника *А. Ф. Рубцова*

Сдано в производство 6/1 1950 г. Подписано к печати 28 III 1950 г. Т01796. Формат 84×108/32. Тираж 25 000. Печатных листов 11,25 + 0,25 л вкл. Учетно-издательских 10,4 л. Цена 4 р. 25 к. Переплет 1 р. Заказ 1189.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Валуевая, 28.